

2021

Volume 15

No 4(58)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Phone.: +7-910-971-39-04 (Markova Elena Vladimirovna)

2021

Том 15

№ 4(58)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Тел.: +7-910-971-39-04 (Маркова Елена Владимировна)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 78782. Подписано в печать 06.12.2021. Формат 240×170. Объем 180 с. Тираж 32 экз. Заказ № 21184. Цена свободная. Дата выхода в свет 30.12.2021. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Elena V. Markova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)
А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Е. В. Маркова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Marasanova V. M.

Prince Aleksandr Nevsky: Yaroalavl projection of the historical memory ...476

Tsoy I. A.

The ideas of the young V. O. Klyuchevsky on the goals of personal development and the progress of Russian society in the 1860s.....488

Bakaryagin S. S.

Exhibitions of Soviet fine art in 1930 in the reviews of the foreign press.....498

Dashkovskaya O. D.

Methods of systematization of quantitative information in historical research506

Milto A. V.

Key Issues and Trends of Postcolonial Feminism516

Kimlenka K. A

Pius IX in 1846–1848 — the Liberal Pope?526

LAW

Simonova S. V.

Topical issues of ensuring human rights on digital platforms.....532

Lushnikova M. V., Dzhidzhavadze L. G.

Restrictions in labor law: theory of the issue and practice of application542

Isaeva E. A.

Communication with young people through normatively fixed dialogue institutions in the regions of Russia.....552

Solovyev O. G.

Debatable aspects of constructing construction of corpus delicti in the sphere of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation).....560

Yakimova E. M.

Economic solidarity as a constitutional principle of the Russian economic system.....568

Goncharova Yu. O.

Technique of war crimes regulation in the 1960 Criminal Code of the RSFSR574

PSYCHOLOGY

Karpov A. A.

Metacognitive processes and qualities as determinants of general management styles582

Koneva E. V., Solondaev V. K.

Relevant information in the era of a pandemic: ways of broadcasting and peculiarities of perception.....592

Zhedunova L. G., Posysoev N. N.

Dynamics of basic personal beliefs during a pandemic coronavirus602

Ekaterinina M. V., Karpova E. V.

The content and specifics of professionally important qualities of nurses.....610

Kopylova N. V., Mikhaylyuk Y. V.

General and specific characteristics of communication competence of students of various medical specialties624

Melnichuk A. S.

The K. Thomas – R. Kilmann questionnaire: the vulnerabilities of the diagnostic tool.....630

Smolentsev I. O., Perevozkina J. M., Fedorishin M. I.

Analysis of predictive capabilities of metacognitive strategies in the expression of professional thinking of military personnel.....638

ИСТОРИЯ

Марасанова В. М.

Князь Александр Невский: Ярославская проекция исторической памяти476

Цой И. А.

Идеи молодого В. О. Ключевского о целях развития личности и российского общества в 1860-е годы.....488

Бакарягин С. С.

Выставки советского изобразительного искусства 1930 г. в отзывах зарубежной прессы498

Дашковская О. Д.

Методы систематизации количественной информации в исторических исследованиях.....506

Мильто А. В.

Ключевые проблемы и направления постколониального феминизма.....516

Кимленко Е. А.,

Пий IX в 1846–1848 гг. — папа-либерал?625

ПРАВО

Симонова С. В.

Актуальные вопросы обеспечения прав человека в деятельности интернет-платформ.....532

Лушникова М. В., Джиджавадзе Л. Г.

Ограничения в трудовом праве: теория вопроса и практика применения.....542

Исаева Е. А.

Коммуникация с молодежью через нормативно закрепленные диалоговые институты в регионах России.....552

Соловьев О. Г.

Дискуссионные аспекты конструирования составов преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ).....560

Якимова Е. М.

Экономическая солидарность как конституционный принцип
экономической системы России568

Гончарова Ю. О.

Техника регламентации военных преступлений
в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года.....574

ПСИХОЛОГИЯ

Карпов А. А.

Метакогнитивные процессы и качества как детерминанты
общеуправленческих стилей582

Конева Е. В., Солондаев В. К.

Актуальная информация в эпоху пандемии: способы трансляции
и особенности восприятия.....592

Жедунова Л. Г., Посысов Н. Н.

Динамика базисных убеждений личности
в период пандемии коронавируса602

Екатеринина М. В., Карпова Е. В.

Содержание и специфика профессионально важных качеств
медицинских сестер.....610

Копылова Н. В., Михайлюк Ю. В.

Общие и специфические характеристики
коммуникативной компетентности студентов различных
медицинских специальностей.....624

Мельничук А. С.

Опросник К. Томаса – Р. Килманна:
уязвимости диагностического инструмента630

Смоленцев И. О., Первозкина Ю. М., Федоришин М. И.

Анализ предсказательных возможностей
метакогнитивных стратегий в выраженности
профессионального мышления военнослужащих.....638



Prince Aleksandr Nevsky: Yaroslavl projection of the historical memory

V. M. Marasanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-476-487

Research article
Full text in Russian

2021 – 800th anniversary of prince Aleksandr Nevsky. This date is especially important for the people of the Yaroslavl region, the prince was born in Pereslavl Zalessky. The research of his biography allows to understand the historical conditions of the development of the Yaroslavl principality and adjacent territories after Mongol conquest. The teaching of the national and local history and all disciplines at university is based on the historical and historiographic facts of his life. The Yaroslavl projection of the prince's veneration can be traced back to 17 churches and chapels.

Keywords: Aleksandr Nevsky; Pereslavl Zalessky; Novgorod; diplomacy; faith; historical memory; mongols

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Marasanova, Victoria M. | E-mail: vmm@uniyar.ac.ru
Doc. Sc. (History), Professor



Князь Александр Невский: Ярославская проекция исторической памяти

В. М. Марасанова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-476-487
УДК 94(47)+908

Научная статья
Полный текст на русском языке

В 2021 году отмечается 800-летие со дня рождения Александра Невского. Юбилейная дата особенно важна для ярославцев, поскольку князь родился в Переславле-Залесском. Изучение его биографии позволяет понять исторические условия развития Ярославского княжества и сопредельных территорий после монгольского нашествия. На исторических и историографических фактах его биографии строится преподавание отечественной и региональной истории, общих и специальных дисциплин всех уровней высшего образования. Ярославскую проекцию почитания князя позволяют проследить 17 храмов и часовен в его честь.

Ключевые слова: Александр Невский; Переславль-Залесский; Новгород; дипломатия; вера; историческая память; монголы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марасанова, Виктория | E-mail: vmm@uniyar.ac.ru
Михайловна | Доктор исторических наук, профессор

В 2021 году отмечается 800-летие со дня рождения Александра Невского. 24 июня 2014 года Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Указ «О праздновании 800-летия со дня рождения Александра Невского», как подчеркивается, «в целях сохранения военно-исторического и культурного наследия, укрепления единства российского народа» [1].

Юбилейная дата особенно важна для ярославцев, для тех, кто родился и живет на этой исторической территории. Северо-Востоком управляли Юрий Долгорукий и его потомки – Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, Юрий Всеволодович. От них вели родословие ростовские, ярославские, переславские, угличские, мологские и другие удельные князья. В 1152 году князем Юрием Долгоруким был основан город Переславль-Залесский – место рождения великого воина и дипломата, святого благоверного князя Александра Невского (1221–1263). Изучение биографии князя позволяет понять исторические условия развития Ярославского княжества

и сопредельных территорий после монгольского нашествия. На исторических и историографических фактах его биографии строится преподавание отечественной и региональной истории, общих и специальных дисциплин всех уровней высшего образования. В связи с этим важно сформулировать и аргументировать позицию по дискуссионным проблемам биографии князя и в целом истории его времени.

Историографическая традиция изучения жизни и трудов князя Александра Невского насчитывает несколько веков. О нем пишут авторы церковные и светские, гражданские и военные, российские и зарубежные. Пожалуй, о нем написано больше, чем о других русских князьях. Это закономерно, но требует особой ответственности от тех, кто вновь решил обратиться к истории жизни воина, правителя, христианина. И каждый, кто решил уточнить, написать или переписать биографию Александра Ярославича, находит свой путь и свои оценки для представления личности героя. Споры по конкретным вопросам и общим выводам в научном сообществе и на просторах Интернета то затухают, то вспыхивают с новой силой. Значит, это история не только о прошлом, но и о сегодняшнем дне.

Исследователи отмечают полководческие и дипломатические таланты князя, особо выделяют его успехи по отражению агрессии на северо-западных границах русских земель. Вслед за историками XVIII (В. Н. Татищев [2]) и XIX веков (Н. М. Карамзин [3], С. М. Соловьев [4], В. О. Ключевский [5] и др.) эту традицию продолжили работы А. Н. Сахарова [6], В. Т. Пашуто [7] и др. В дореволюционном ярославском родиноведении Александр Невский не считался местным князем, поскольку Переславский уезд относился к Владимирской губернии. Следовательно, местная традиция изучения его деятельности складывалась только в XX столетии.

Большинство историков обоснованно считают, что во взаимоотношениях с монголами Александр Невский действовал в соответствии с обстоятельствами, учитывая превосходящие силы противника, однако Л. С. Гумилев доказывал наличие тесного союза между русскими князьями и Золотой Ордой и шел еще дальше, вообще отрицая наличие ига на Руси [8].

Академик В. Л. Янин встал на позиции средневековых новгородцев, считая, что по отношению к Новгороду князь Александр проявил излишнюю жестокость в вопросе о сборе ордынской дани [9]. Для уничтоженных и разграбленных в 1237–1238 годах городов Северо-Востока это явно недостаточно убедительная аргументация.

Из средневековых источников перекочевали в исторический труд Джона Феннела сомнения в значимости битв Александра Невского на северо-западных рубежах Руси [10]. Возможно, более широкое знакомство автора с русскими летописями, церковными источниками и археологическими данными поколебало бы его точку зрения.

Основные сведения по истории Северо-Восточной Руси в XIII столетии дает Лаврентьевская летопись 1377 года, сохранившая фрагменты

владимирского и ростовского летописания [11]. При изучении событий XIII столетия и фактов из жизни князя Александра Ярославича важны также летописание Новгорода [12] и Пскова [13]. Для удобства можно обратиться к статье Я. С. Лурье, где собраны летописные свидетельства о князе [15].

Церковная традиция сохранила тексты житий Александра Невского, которые составлялись во Владимире, Новгороде, Пскове. Один из древнейших списков жития князя, датируемый концом XV века, подготовлен к публикации В. И. Охотниковой. Она отмечает, что «Повесть о житии Александра Невского» не имеет устойчивого названия и именуется «житием», «словом» или «повестью о житии»; сохранилось 13 редакций текста XV–XVII веков. Произведение представляет собой княжескую биографию, соединяющую черты жития и воинской повести. Составление первоначального текста относят к 1280-м годам и связывают с именами сына князя Дмитрия Александровича и митрополита Кирилла. Автор жития был современником князя. При этом в житии нет дат, автор почти не называет имен, не всегда точен в изложении событий. Он описывает Невскую битву, Ледовое побоище, отношения князя Александра с Золотой Ордой и его смерть [15].

Князь Александр Невский родился в Переславле-Залесском 13 (либо 30) мая 1221 года по старому стилю. В источниках и литературе приводятся также даты 1219 или 1220 год; в литературе обоснование даты 1221 год см. у В. А. Кучкина [16]. Князя назвали в честь святого Александра, подвиги которого церковь вспоминает 9 июня. Спасо-Преображенский собор – древнейший на территории Ярославской области храм, место, где крестили князя. В XIII–XIV веках собор стал усыпальницей переславских князей, здесь были погребены сын и внук Александра Невского – князь Дмитрий Александрович (1250–1294) и Иван Дмитриевич (1268–1305).

Жизнь и государственная деятельность Александра Невского пришлись на один из самых трудных периодов в российской истории. В XIII веке по Северо-Восточной Руси прошёл поход хана Батыея. Переславль-Залесский в середине февраля 1238 года пал после пятидневной осады. Ростов и Углич сдались без боя. О захвате монголами Ярославля летописи не сообщали. Однако археологические раскопки начала XXI века в Ярославле на месте строительства Успенского собора позволили обнаружить девять массовых захоронений с останками более пятисот человек, в основном женщин и детей, со следами насильственной смерти в культурном слое XIII столетия.

В Ростове, Ярославле и Угличе с 1218 года княжили племянники князя Юрия, дети его старшего брата Константина Мудрого – Василько, Всеволод и Владимир. Они пришли с дружинами на реку Сить, где к ним присоединилась дружина юрьев-польского князя Святослава Всеволодовича, брата владимирского князя. Княжеские дружины были рассредоточены на значительной территории, ныне это Ярославская и Тверская области РФ. 4 марта 1238 года в битве на реке Сить погибли великий владимирский князь Юрий

и ярославский князь Всеволод. Ростовский князь Василько был взят в плен и убит за отказ сотрудничать с монголами. В живых остались угличский князь Владимир и юрьев-польский князь Святослав Всеволодович.

После разгрома русских сил монголы заняли Тверь и вступили в Новгородскую землю. После двухнедельной осады Торжка Батый повернул на юг, и на этом пути более семи недель длилась осада Козельска. Монголы потратили три месяца на всю Северо-Восточную Русь и почти два месяца на один город. Удлинение сроков осады городов можно связать с последствиями Ситской битвы, ослабившей неприятеля. Несмотря на тяжелейшее поражение, битва на реке Сить должна быть отмечена как попытка пяти князей совместно выступить против общего врага под руководством великого владимирского князя. Только спустя полтора века русские силы смогли одержать победу над монголами на Куликовском поле.

Часть Руси (Новгородская земля, Полоцкое, Турово-Пинское, Смоленское княжества) избежала монгольского вторжения. В конце 1240 года монголы взяли Киев, и этим моментом датируется установление монгольского ига. Однако уже более века, с 1132 года, единого Древнерусского государства со столицей в Киеве не существовало. Великое Владимирское княжество было сильным независимым государством. Для него новый этап истории начался не в 1240, а в 1238 году.

После гибели Юрия Всеволодовича старшим из сыновей Всеволода Большое Гнездо стал князь Ярослав Всеволодович. В 1243 году князь Ярослав получил ярлык о признании «старейшим князем Руси». Золотая Орда как государство было оформлено в 1242 году. Но русские земли сохранили свои формы правления, оставаясь монархиями-княжествами или имея республиканскую форму правления в случае Новгорода и Пскова. Не менее важным было сохранение православной веры и церковного устройства.

Князь Ярослав не ладил с непокорными новгородцами и постоянно пребывал в Переславле-Залесском, но в Новгороде оставил сыновей Федора и Александра. Согласно Новгородской первой летописи, это произошло в 1228 году. Летом 1233 года Федор неожиданно скончался. Теперь Александр был старшим из сыновей Ярослава и в 1236 году, в 15-летнем возрасте, был официально посажен на новгородский престол. Новгородским князем Александр оставался с перерывами до 1259 года.

В то время, когда отец, князь Ярослав, пытался защитить русские земли от новых ударов монголов, сын отражал угрозу, нависшую над русскими землями с северо-запада. Дробление и ослабление военной силы Руси не осталось незамеченным ее соседями. Оставив в стороне известную фактологию, напомним, что 15 июля 1240 года Александром был разбит шведский отряд на Неве. В Новгородской первой летописи имя «Невский» фиксируется по внелетописным дополнениям XV века. «Невскими» источники XVII века называли сыновей Александра – Андрея и Даниила, и можно со-

гласиться с тем, что в этом имени фиксировался географический момент, т. е. указывалось на владения князей на реке Неве. Противник Александра в Невской битве Биргер в 1248 году стал ярлом Швеции, а через два года регентом при сыне-короле Вальдемаре. Ярл Биргер известен как основатель Стокгольма. Опытный воин и политик понял, что натиск на новгородские и псковские земли будет решительно пресекаться. При этом в шведских источниках нет упоминания о Невской битве.

Новгородское боярство боялось укрепления влияния князя, поэтому Александр был вынужден уехать во Владимир (либо в Переславль). В это время псковский посадник Твердило Иванкович при поддержке немцев и чуди начал войну с Новгородом. После просьбы новгородского архиепископа в 1241 году Александр вернулся в Новгород, собрал ополчение из новгородцев и ладожан, присоединил к нему корелу и ижору и изгнал немцев из новгородской округи. Когда отряд Александра подошел к городу, псковичи сами сместили посадника и открыли ворота.

Для защиты границ от набегов отряд Александра выдвинулся во владения Ливонского ордена на земли эстов и 5 апреля 1242 года одержал победу на льду Чудского озера [17]. По сведениям новгородских источников, в плен попало 50 рыцарей, а погибло 400 человек. В немецких хрониках сообщалось о гибели 25 воинов ордена. После Ледового побоища натиск рыцарей на Восток был надолго остановлен. Мир был установлен на условиях новгородцев, а Ливонский орден отказывался от всех притязаний на русские земли.

Летом 1242 года Александр нанес поражение литовским отрядам, нападавшим на северо-западные русские земли. В 1245 году он отбил у литовцев город Торопец, уничтожил литовский отряд у озера Жизца (Жижичского озера) и разгромил литовское ополчение под Усвятом. В начале 1250-х годов князь Александр смог остановить набеги норвежцев на новгородские земли и заключил мирный договор с королем-конунгом Норвегии Законом IV Старым. Пограничные споры и сбор дани с местных племен были на время урегулированы. Непокойно было на северо-западных границах и в следующем десятилетии. Когда большая часть княжеств пережила монгольское нашествие, а города лежали в руинах, действия князя Александра показали, что силы на борьбу еще остались.

В дальнейшем Александру Невскому пригодились не столько военные, сколько дипломатические таланты, поскольку для борьбы с монголами русские земли не располагали достаточными силами. Он помнил результаты нашествия Батыя и гибель своего дяди – великого владимирского князя Юрия – с двоюродными братьями Всеволодом и Василько Константиновичами на реке Сить, смерти бояр и горожан. Возможно, историкам тоже стоило чаще вспоминать эти страшные страницы русской истории, прежде чем ставить князю Александру в упрек сотрудничество с монголами.

Во второй раз князь Ярослав Всеволодович был вызван ханом Гуюком в Каракорум в 1246 году и там, по общепринятой версии, отравлен регентшей престола Туракиной, вдовой хана Утедея и матерью хана Гуюка. Так что даже богатые дары и смирение не всегда спасали жизнь, и каждая поездка в Сарай или Каракорум могла быть последней.

Александр присутствовал на похоронах отца во Владимире, прибыв туда из Новгорода с дружиной. Следуя летописным свидетельствам, «и бысть грозен приезд его», что явно не соответствовало образу подчинившегося монголам князя. Новым великим владимирским князем был избран следующий по старшинству из сыновей Всеволода Большое Гнездо – Святослав (участник Ситской битвы). Летопись не сообщает о том, по каким причинам Святослав не отправился в Орду за ярлыком, но известно, что через год владимирский престол был отнят у него младшим братом Михаилом Хоробритом. В 1248 году Михаил погиб в военном конфликте с Литвой, и великий владимирский престол ждал нового князя.

Еще в 1247 году в Каракорум были вызваны сыновья Ярослава – Александр и Андрей. Путь в Каракорум шел через Золотую Орду, и, согласно житию Александра Невского, он отказался проходить унижительный обряд перед встречей с правителем западного улуса наместником монгольского хана Батыем, но тот не казнил князя [18]. Но и, помимо этого, сама поездка к ордынскому правителю и далее к главному хану монголов была делом непростым и занимала 3-4 месяца – 7 тыс. км в одну сторону. Побывав в Каракоруме, князь Александр увидел многие страны и народы. В монгольской столице решались важнейшие вопросы, утверждалось престолонаследие монголов и покоренных народов, изготавливалось оружие монголов, велись переговоры и торговля. Александр оценил мощь Золотой Орды и собственно Монгольской империи, лучше понял врага, с которым пока невозможно было бороться, но надо было сосуществовать.

Братья смогли вернуться на Русь только в 1249 году: по летописи, в конце года князь Александр присутствовал на похоронах князя Владимира Константиновича во Владимире. Однако хан отдал Великое Владимирское княжество с Переславлем-Залесским младшему брату Андрею (несмотря на то, что еще был жив его дядя, ранее свергнутый князь Святослав), а старшему Александру отдал Киев. Разграбленный Киев уже давно не был главным городом для распавшейся на отдельные княжества и земли Древней Руси, и Александр разумно попытался укрепиться на новгородском престоле. Нет свидетельств о поездках Александра в Киев. Но по летописям известно, что в 1251 году он тяжело болел и не покидал Новгород.

Князь Андрей в 1250 году женился на дочери князя Даниила Галицкого, что создавало предпосылки для широкой антиордынской коалиции. В 1252 году в Каракоруме жена хана Гуюка – Огуль-Гамиш – была свергнута новым монгольским каганом Менке (Менгу, Мунке). Решив сместить с владимирского престола Андрея Ярославича, Батый решил передать яр-

лык Александру. Для этого князь Александр был срочно вызван в столицу Золотой Орды – город Сарай. Но Андрей, поддержанный братом Ярославом, на тот момент тверским князем, и Даниилом Романовичем Галицким, отказался подчиниться решению Батые. Для наказания непокорных князей Батый отправил на Русь «Неврюеву рать», и князья-брата Андрей и Ярослав бежали соответственно в Швецию и Псков.

Александр по приказу хана выехал в Орду до похода Неврюя, и Батый признал его в 1252 году владимирским князем. Рассуждения Льва Гумилева о том, что в Орде князь Александр прошел обряд братания с сыном Батые ханом Сартаком не подтверждены источниками и остаются личным предположением автора. К слову, старый конфликт между братьями Александром и Андреем был разрешен без усобиц, дипломатическим путем. В 1257 году оба брата отправились в Орду, где Андрей получил полное прощение.

Новый золотоордынский хан Берке с 1255 года ввел на Руси систему обложения данью. Такая административно-фискальная система являлась выражением ига. Для уточнения размеров повинностей с участием присланных центральным монгольским правительством «численников» проводилось «число» – перепись населения. Счет велся не по душам, а по семейным хозяйствам – дворам. В 1257–1259 годах проводилось «число» в суздальских, рязанских и муромских землях.

Перепись спровоцировала несколько восстаний против монголов. В Ярославле в июле 1257 году в легендарном сражении на Туговой горе погибли князь Константин Всеволодович и многие ярославцы.

Монгольские войска во время похода 1237–1238 годов не дошли до Великого Новгорода, и новгородцы считали себя непокоренными. Все отношения с Ордой велись через владимирского князя, и посланники ханов в городе появлялись довольно редко. Силу монгольского войска новгородцы не видели и потому не помнили. В результате в 1257 году Новгород восстал против монгольской дани. Новгородцы в вопросе об уплате дани не подчинились даже Александру Невскому, еще и его сын Василий пошел против отца. Опасаясь отцовского гнева, Василий уехал в Псков, а обстановка в Новгороде все более накалялась. Посадник Михаил, поддерживавший Александра, был казнен по решению вече. Когда к зиме приехал князь Александр с монгольским посольством, князя Василия Александровича отыскали и под стражей увезли во Владимир, а непокорным боярам отрезали носы и ослепили.

Зимой 1259 года, узнав о возможном нападении монголов и владимирцев, новгородцы согласились провести перепись. Однако опять начались волнения, вече выступило против уплаты дани. После этого князь Александр и монгольские послы уехали, что было равнозначно разрыву мира. С большим трудом бояре – сторонники Александра – убедили вече платить

дань, чтобы спастись от полного разорения. Новым новгородским наместником с 1259 года стал князь Дмитрий Александрович.

Новые антимонгольские восстания в Ярославле, Ростове и Суздале произошли в 1262 году. Горожане выступили против сборщиков дани, присланных императором Хубилаем, а не золотоордынским ханом Берке. Ярославцы изгнали ханских переписчиков и убили помогавшего им местного жителя монаха-отступника Изосима (Зосиму), а его труп бросили на съедение собакам. В том же году произошли восстания в Ростове и Суздале [19].

Чтобы избавить русские земли от неизбежного карательного похода, князь Александр отправился в столицу Золотой Орды на Волге – Сарай. Он убедил монголов отказаться от кровавой мести, и это стало его последним вкладом в сохранение городов и населения Северо-Восточной Руси. Основной целью поездки было убедить Золотую Орду не требовать русских отрядов для войны с Ираном, и Александру удалось это сделать.

Александр Невский умер по дороге домой в Городце на Волге 14 ноября 1263 года. В общей сложности князь провёл в Золотой Орде больше четырёх лет. Перед смертью Александр Ярославич принял схиму и иноческое имя Алексия. Чин погребения был совершён митрополитом Кириллом во Владимире 23 ноября. Источники донесли до нас слова митрополита о смерти князя: «Зашло солнце Русской земли».

Князь не мог свергнуть иго, но делал всё возможное для ослабления его тягот, например добился ограничения принудительных воинских наборов в русских землях для участия в монгольских походах. С 1269 года дань собирали не баскаки – ордынские чиновники, а сами русские князья.

Все действия князя Александра Невского не только спасали русские земли от набегов, но и защищали православную веру. Монголы исповедовали ислам, а рыцарские ордена под покровительством Рима стремились распространить католичество на Восток. Князь Александр в 1239 году вступил в брак с дочерью полоцкого князя Брячислава – Александрой и этим тоже помог в укреплении православия на пограничных с католическими государствами землях. Венчание княжеской четы происходило в Торопце, а брачные пиры в Торжке и Новгороде. У княжеской четы родились четыре сына – Василий, Дмитрий, Андрей и Даниил – и дочь Евдокия. Супруга князя Александра и их дочь Евдокия погребены в Успенском соборе Успенского Княгинина монастыря во Владимире.

Князь Александр восстанавливал православные храмы и многое сделал для выкупа пленных. В 1250 году князь пригласил митрополита Кирилла из Киева во Владимир. Благодаря усилиям Александра Невского и митрополита Кирилла, была учреждена Сарайская епархия. Во главе этой обширной епархии – между Волгой, Днепром и Доном – встал епископ Митрофан. Так была обеспечена духовная поддержка русских пленных в Орде.

Уже в 1280-х годах во Владимире начинается почитание Александра Невского как святого. Князь был канонизирован Русской православной церковью в правление Ивана Грозного на Московском церковном соборе 1547 года, и как общегосударственный день его прославления было установлено 23 ноября. Известно, что в начале XVII века в Москве уже действовал храм в честь Александра Невского.

Особую страницу составляет почитание Александра Невского императорским домом Романовых. Петр I основал в Санкт-Петербурге монастырь в честь князя Александра и повелел перевезти туда останки князя из Владимира, где они почивали в Рождественском монастыре. Мощи встречали в столице 30 августа 1724 года. В честь побед русского оружия Петр I постановил отмечать память Александра Невского 30 августа – в день заключения Ништадтского мира со Швецией. В наши дни, помимо 30 августа (по новому стилю 12 сентября) и 23 ноября (6 декабря), память святого благоверного князя празднуется 23 мая (5 июня) в соборе Ростово-Ярославских святых и 22 сентября – в соборе Тульских святых.

В 1725 году Екатерина I учредила орден Александра Невского. Дочь Петра I и Екатерины I императрица Елизавета Петровна повелела устроить для мощей святого благоверного князя серебряную раку из 1,5 тонн серебра. При Екатерине II в праздничный день 30 августа 1794 года раку с мощами перенесли во вновь построенный Троицкий собор. И, наконец, в 1797 году при Павле I Александро-Невский монастырь стал Александро-Невской лаврой, т. е. вошел в число главнейших монастырей России. После антирелигиозных гонений советского времени в 1989 году мощи князя были возвращены в Александро-Невскую лавру из Музея религии и атеизма в Казанском соборе (ныне вновь действующий храм). Серебряная рака находится в экспозиции Государственного Эрмитажа.

Любовь к Отечеству и готовность встать на его защиту – вневременные абсолютные ценности. В советские годы, накануне войны, в 1938 году Сергей Эйзенштейн снял фильм «Александр Невский», вошедший в «золотой фонд» отечественного кинематографа. Во время Великой Отечественной войны в 1942 году был учрежден орден Александра Невского, которым награждались командиры от взводов до дивизий включительно, проявившие личную отвагу и обеспечившие успешные действия своих частей.

Ярославские авторы Вениамин Попов и Алексей Хаиров составили перечень земляков, получивших орден Александра Невского в Российской империи и СССР [20]. Память великого земляка увековечена по всей стране в названиях улиц. В Переславле в 1958 году рядом со Спасо-Преображенским собором на Красной площади установлен памятник Александру Невскому работы скульптора Сергея Орлова.

По данным сайта «Храмы России» (<http://temples.ru/>) на территории Российской Федерации известно 700 храмов, посвященных Александру Невскому; 407 из них являются действующими. На территории Ярославской

области зафиксировано 17 храмов и часовен с посвящением святому благоверному князю, что является свидетельством внимания и любви к нему на ярославской земле. Из 17 объектов действующими либо строящимися являются 4 храма и 5 часовен:

- церковь Александра Невского в Переславле (ул. Советская, 12), построена в 1740-е годы;
- церковь Александра Невского в с. Макарово Рыбинского района, даты строительства 1913–1919 гг.;
- церковь Александра Невского при кадетском корпусе в Новоалексеевке, Переславский район, построена в 2000-е гг.;
- церковь Александра Невского при Переславской православной гимназии, г. Переславль (ул. Менделеева, 10), освящена в 2002 г.;
- часовня Александра Невского (часовня Успенского собора), г. Ярославль, ул. Андропова, 8, даты строительства 1889–1892 гг.;
- часовня Александра Невского в с. Заозерье, Угличский район, 1894 г.;
- часовня Александра Невского в г. Любиме, даты строительства 1884–1888 гг.;
- часовня Александра Невского в мемориале защитникам Отечества во все времена, г. Углич, Успенская площадь, строилась в 2003–2004 гг.;
- часовня Александра Невского в Николо-Сольбинском монастыре, Переславский район, строится.

К утраченным памятникам относятся 5 церквей: церковь Александра Невского (1875) в с. Воскресенском Некоузского района, при Демидовском юридическом лицее (1825–1827), в д. Хопылево (1908–1910) Рыбинского района, при б. тюремном замке в г. Угличе (1860) и при Ярославской губернской земской больнице (1805–1807), а также 3 часовни: в Угличе («в воспоминание ополчения 1855 года»), в д. Горки Некрасовского района и с. Ильинском Угличского района.

Князь Александр Невский всегда ставил заботу о Руси и русском народе выше удельных и личных интересов. Будучи князем и новгородским, и великим киевским (формально), и великим владимирским Александр Невский всегда проводил общерусскую политику, мыслил стратегически, был одновременно воином и дипломатом. В сложнейших условиях Александр Невский обезопасил западные границы Руси и выстроил умелую политику по отношению к монгольским завоевателям. Его действия против шведов, немецких рыцарей и литовцев на северо-западных границах доказали, что даже ослабленная монголами Русь в состоянии отстоять свою самостоятельность и веру. Младший сын Александра Невского – Даниил – стал первым московским удельным князем и в числе его потомков Иван Калита, Дмитрий Донской, Иван Грозный. Через полвека после смерти князя, в 1314 году, около Ростова родился боярский сын Варфоломей, будущий преподобный Сергей Радонежский. Вслед за святым благоверным кня-

зем Александром Невским пришли новые поколения героев и духовных подвижников.

Ссылки

1. Указ Президента РФ «О праздновании 800-летия со дня рождения Александра Невского» от 24.06.2014. URL: www.kremlin.ru/acts/news/46050 (дата обращения: 17.02.2021).
2. Татищев В. Н. История Российская: в 7 т. Т. 5 / под ред. С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР., Ленингр. отд-е, 1965. 343 с.
3. Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2009. 1020 с.
4. Соловьев С. М. История России с древнейших времен до конца XVIII века // Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 1: Т. 1–2. М.: Голос, 1993. 768 с.
5. Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: Академ. проект, 2015. Лекции I–XXIX : от древности до эпохи Ивана Грозного. 485 с.
6. Александр Невский / авт. А. Н. Сахаров. М.: АСТ; Астрель, 2008. 127 с.
7. Пашуто В. Т. Александр Невский. М.: Мол. гвардия, 1974. 160 с. («Жизнь замечательных людей»).
8. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Айрис-Пресс, 2005. 763 с.
9. Янин В. Л. «Александр Невский был грешником» – лекция на телеканале «Культура» в рамках проекта АCADEMIA. URL: <http://www.aif.ru/academy/article/34285> (дата обращения: 14.03.2021).
10. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200–1304 / пер. с англ. В. В. Голубчикова; вступ. ст. и общая ред. А. Л. Хорошкевич, А. И. Плигузова. М.: Прогресс, 1989. 291 с.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: ЯРК, 1997. 496 с.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: ЯРК, 2000. 720 с.
13. Псковские летописи. М.: ЯРК, 2003. Т. 5, вып. 1. 256 с.
14. Лурье Я. С. К изучению летописной традиции об Александре Невском // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). СПб., 1997. Т. 1, ч. 1. С. 387–399.
15. Житие Александра Невского / подгот. текста, пер. и коммент. В. И. Охотниковой // Памятники литературы Древней Руси. М.: Худ. лит., 1981. Вып. 3 : XIII век. С. 426–439.
16. Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 174–176.
17. Данилевский И. Н. Ледовое побоище: смена образа // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 28–40.
18. Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды (политические взаимоотношения России с Золотой Ордой в конце XIII в.) // Отечественная история. 1997. № 2. С. 48–58.
19. Страницы военной истории Ярославии / под ред. В. М. Марасановой. Ярославль: Индиго, 2013. 208 с.
20. Попов В. Г., Хаиров А. Р. Ярославцы – кавалеры ордена Александра Невского. Рыбинск: Рыбин. подворье, 2003. 348 с.



The ideas of the young V. O. Klyuchevsky on the goals of personal development and the progress of Russian society in the 1860s.

I. A. Tsoy¹

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-488-497

Research article
Full text in Russian

The article gives an interpretation of the ideas of the young V. O. Klyuchevsky about the peculiarities of the ideological search of young people and the direction of development of Russian society in the sixties of the XIX century. The novelty of the research lies in the attempt to comprehend the problem of perception of V. O. Klyuchevsky himself was one of the representatives of the younger generation of the 1860s, in assessing his ideas about the ideological and value foundations of the activities of the individual and society in Russia during the era of the Great Reforms. The main source of work is the diaries of V. O. Klyuchevsky. The study was carried out in line with modern methodological approaches, which involve the study of the ideological and moral foundations of the culture of the individual in the context of the historical era.

Keywords: V. O. Klyuchevsky; history of Russia; “Great reforms”; 1860s; Russian intellectuals; personal freedom; diaries of V. O. Klyuchevsky

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tsoi, Igor A. | E-mail: tsoyigo@mail.ru
Cand. Sc. degree seeking applicant



Идеи молодого В. О. Ключевского о целях развития личности и российского общества в 1860-е годы

И. А. Цой¹

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Республиканская улица, дом 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-488-497
УДК 94 (47)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье дана интерпретация идей молодого В. О. Ключевского об особенностях идейного поиска молодых людей и направления развития русского общества в шестидесятые годы XIX в. Новизна исследования заключается в попытке осмысления проблемы восприятия В. О. Ключевским себя одним из представителей молодого поколения 1860-х годов, в оценке его представлений об идейно-ценностных основах деятельности личности и общества в России эпохи Великих реформ. Основным источником работы – дневники В. О. Ключевского. Исследование выполнено в русле современных методологических подходов, предполагающих изучение идейно-нравственных основ культуры личности в контексте исторической эпохи.

Ключевые слова: В. О. Ключевский; история России; «Великие реформы»; 1860-е годы; русские интеллектуалы; свобода личности; дневники В. О. Ключевского

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цой, Игорь Александрович | E-mail: tsoyigo@mail.ru
Соискатель

«Новые люди», заявившие о себе в 1860-е гг., надеялись на преобразование России на основе идеи свободы личности. Термины «новые люди», «наше поколение», «люди шестидесятых годов», «шестидесятники» – синонимичные термины в дискурсе молодых людей шестидесятых годов, мечтавших об «обновлении общества» и понимавших отличие своих идеалов от ценностей «старого поколения». Термин «новые люди» впервые использовал в 1860 г. Н. А. Добролюбов (1836–1861), характеризуя любовь юношей к истине: «...подросли новые люди, для которых любовь к истине и чест-

© Цой И. А., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ность стремлений уже не в диковинку» [1, с. 299]. Молодые образованные люди читали все статьи в «Современнике», воспринимали идеи Добролюбова. Е. Н. Водовозова (1844–1923) писала, что, выйдя из Смольного института в 1862 г., она мечтала познакомиться с «новыми людьми» [2, с. 26]. Значение «шестидесятников» она видела в полезной общественной деятельности: «Весьма многие из шестидесятников так усердно работали над своим самообразованием в молодости, что, заняв впоследствии места в учреждениях по крестьянским делам, в гласном суде, в земстве, оказались чрезвычайно полезными деятелями» [2, с. 30–31]. «Люди шестидесятых годов <...> расширяли умственный горизонт русского общества» [2, с. 206]. А. А. Кропоткин (1841–1886) видел назначение молодого поколения в анализе всех событий своего времени: «...члены нашего поколения подвергаются анализу предметы, <...> да здравствует холодная рассудительность нашего поколения. Старикам это чуждо...» [3, с. 93]. П. А. Кропоткин (1842–1921) считал возможным изучение «шестидесятников» по художественной литературе [4, с. 245]. С точки зрения юных интеллектуалов 1860-х гг., понятия «новые люди», «шестидесятники», «наше поколение» подчеркивали существенную роль молодежи в трансформации общества после отмены крепостного права. Выработка субкультуры «шестидесятников» шла на протяжении десятилетия и привела к расколу в молодежной среде на либералов, нигилистов и радикалов, имевших как общие взгляды на условие становления личности – свобода самоопределения, так и различия в представлениях о целях ее деятельности и методах их достижения. Одним из молодых интеллектуалов, занявших в 1860-е гг. либеральную позицию и в дальнейшем оказавших значительное влияние на образованную публику, был Василий Осипович Ключевский (1841–1911). Формирование его гражданского мировоззрения шло в 1860-е гг., со времени переезда в Москву и начала обучения в университете. Оно нашло отражение в дневниках Ключевского [5]. Анализ дневников позволяет проследить развитие его самосознания, определение им задач деятельности своего поколения.

Изучение черт личности и идейного наследия В. О. Ключевского началось в начале XX века. Авторы текстов воспроизвели факты его биографии и дали высокую оценку ему как лектору и исследователю [6]. В советской историографии анализировались философские, исторические взгляды В. Ключевского [7–9]. Наиболее основательно студенческая жизнь и исследовательская работа ученого в 1860-е гг. изучена в монографии М. В. Нечкиной [10]. В современной историографии исследуется формирование и развитие «коммеморативных практик научного и культурного сообщества, посвященных В. О. Ключевскому, как воплощению “места памяти”» [11, с. 131]. По мнению О. В. Богомазовой, «чтобы понять внутренний мир историка и обусловленность оценок, которые давали ему современники, мы должны учитывать особенности формирования личности нашего героя» [12, с. 51]. «Огромным было значение личности В. О. Ключевского для его современ-

ников. Его ценили как источник нравственности, поучительности, доброты, искрометного юмора. <...> Ключевский как человек был самобытен и неповторим...» [12, с. 157]. Историки утверждают, что формирование мировоззрения мэтра шло в период «великих реформ», а его высшие творческие достижения принадлежали Серебряному веку русской культуры [13, с. 4]. Между тем в историографии недостаточно изучены его личные архивы, дневники, важнейшая составная часть его идейного наследия. Исследователи не выделяли проблему восприятия В. Ключевским себя как представителя поколения 1860-х гг., так что оценка его воззрения на развитие личности и общества в России этого десятилетия через себя обозначает новизну данного исследования.

Мыслящие представители молодого поколения, вступившие в самостоятельную жизнь во второй половине 1850-х – 1860-е гг., осознававшие отличительность идеалов интеллектуалов от ментальности обывателей, сформировали свою идентичность и цели деятельности. Они считали, что должны самостоятельно определить смысл жизни, ее ценностные основы и цели деятельности.

В. Ключевский в 1861–1869 гг. вел дневник, записывая свои размышления о своей «внутренней истории», «будущей судьбе своей», о мечтаниях своего поколения, воспитании юношей, типах личности, фактах своего времени [5, с. 278, 280, 282, 283], то есть о своих интересах и развитии общества. С помощью дневника (весьма информативного источника) представляется возможность реконструировать взгляды его автора.

В 1860-е гг. В. О. Ключевский размышлял о развитии личности, выявляя круг интересов своих сокурсников; он различал разные типы мировоззрений: гуманное, радикальное и обывательское – и в 1867 г. отмечал, что различия в идейном развитии молодых людей привели к расхождению дорог жизни [5, с. 283].

В. Ключевский выделял в русском обществе 1860-х гг. немногочисленный слой «высокообразованных» и «гуманно развитых» юношей, думающих о смысле своей жизни: им было сложно сохранять свои убеждения в тех исторических условиях, когда обыватели руководствовались житейскими интересами. «...Высокообразованные и гуманно развитые люди, впрочем, сохранили немногие капли этих духов в виде благородных, гуманных убеждений и идей; но жизнь безжалостно доканывает эти пузырьки, собираемые для освежения и подкрепления слабых голов [5, с. 282–283]. В. Ключевский использовал типизирующий подход к характеристике русского общества. Он выделял социокультурные слои, различавшиеся по своим убеждениям, характеризовал воззрение мыслящих высокообразованных людей как гуманное, благородное. По его мнению, мыслящую молодежь разочаровывала не только политика власти, но и люди, погруженные исключительно в свою обыденную жизнь, заботившиеся только о собственных интересах, следовательно не имевшие развитого гражданского сознания.

Обыватели были носителями традиционных ценностей, не сознавали важности общественной деятельности. Отсутствие высших интересов у многих современников он воспринимал как неблагоприятный нравственный климат для «младенцев», молодых ищущих людей. *«Между тем как дух времени, общество избивает этих младенцев, гниющих в более или менее возвышенных мечтах о будущих лучших временах,*

*...Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся!»* [5, с. 283].

Историк нравственно дистанцировавшийся от духовного мещанства, будучи глубоко рефлексирующей личностью, находил поэзию «в раздумье человека о будущей судьбе своей» [5, с. 283].

В 1861–1865 гг. В. Ключевский учился в Московском университете и полагал, что молодые люди в начале 1860-х гг. еще недостаточно хорошо ориентировались в общественных отношениях. Особенностью юношеского взгляда на мир он считал неясность дум и мечтаний, «как умеет мыслить только юность, незнакомя с разделениями и определениями» [5, с. 283]. По его мнению, человек в юности пробирается к самопознанию «извилистыми тропами», сомневаясь, надеясь, находится перед выбором жизненного пути и с тревогой «смотрит в туманную даль. Все есть в этой думе, и трудно сказать, чего больше – мысли, сердца, фантазии и старания обмануть себя или другого» [5, с. 267].

Высокообразованные молодые люди стремились понять смысл своей жизни и общественного развития. В 1861 г. в дневнике В. Ключевский размышлял о своем нравственном и интеллектуальном выборе, записывал «выношенные и выдержанные думы», которые он назвал «нравственным капиталом». В дневнике – «приходной книге души» [5, с. 279–280] – он подвергал всеокрушающей силе анализа все, о чем думал, стремясь к «пытливому исследованию» своего внутреннего мира [5, с. 267–268]. «Жизнь или ничтожество», – так он сформулировал свой жизненный выбор в 1861 г. [5, с. 268]. Чем должна быть заполнена жизнь? «Здравое сознание», мечта о «несбыточном счастье»; стремление «безотчетно и безраздельно отдаться науке», закрыв глаза на современность, но не из страха перед действительностью; желание приобрести знания [5, с. 268, 270] – элементы рефлексии присутствуют в целях деятельности двадцатилетнего Ключевского. Важно отметить высокий уровень идейно-нравственного поиска юноши, понимавшего, что ясное самосознание – залог правильного понимания смысла его жизни. Ее содержание он находил в интеллектуальном труде.

С точки зрения молодого человека, высокая самоотдача в научной сфере не позволяет человеку забыть свою гражданскую позицию. Нужно знать актуальные проблемы жизни общества, иметь собственное суждение о происходивших в стране событиях и процессах: «...можно ли спокойно оставаться и смотреть, <...> когда неотступно, со всей силой тянут к себе эти

вопросы, глухо, но сильно раздающиеся из-под маскированной, а подчас и не замаскированной речи? И готов сказать себе: стыдно оставаться глухим при этом родном споре, стыдно не знать его» [5, с. 270]. «Родной спор» – дискуссия интеллектуалов, начавшаяся на рубеже 1830–1840-х гг., о судьбе России, идейно-нравственных основах ее цивилизационного развития. В. Ключевский понимал значение этого интеллектуального спора: он был необходим самоопределяющемуся обществу, ищущему ответы на многие насущные вопросы. С его точки зрения, наука не должна «заколачивать ухо от всего, что творится и шумит перед тобой» [5, с. 270]. Удивительно, по его мнению, когда известные литераторы «не знали ... современной жизни и ее стремлений и надежд» [5, с. 270]. В его дневниковых записках преобладала духовно-нравственная проблематика, размышления о выборе судьбы.

Огромную роль в пробуждении интереса молодежи к насущным вопросам жизни с конца 1850-х годов играли журналы. В столицах и провинции молодые люди читали преимущественно «Отечественные записки», «Современник», «Русский вестник»: «...стоит заглянуть в какой-нибудь из живых, немногих наших журналов, <...> стоит встретиться только с этими речами и вопросами, чтобы увлечься ими и забыть мирную книгу» [5, с. 270]. С его точки зрения, журналистика побуждала молодых людей к обсуждению насущных проблем российской действительности. Современные задачи общества требовали разрешения, считал В. Ключевский, следовало иметь «твердое верование, неотступно влекущее к делу» [5, с. 270]. Он полагал, что надо принадлежать «к какому-нибудь лагерю» [5, с. 270]. Нужна деятельность с целью преобразования общества, человек должен найти в себе интеллектуально-нравственные силы и энергию.

В 1862 г. ему представлялось, что мыслящие люди, авторитетные в обществе, должны соединиться «в дружный протест» и заявить «решительно, что все стоят за дело правды» [5, с. 270]. Поиск правды жизни и методов ее торжества должен увлечь мыслящих людей, обязанных размышлять над актуальными вопросами жизни. Студент Ключевский был более склонен к кабинетной умственной деятельности в уединении, вызывавшей у него вдохновение. Он хотел «замкнуться от всего», тяготел к саморефлексии, чтобы похвастаться «внутренним довольством» [5, с. 271]. Он формировал свою личность, развивал свое мышление, набирал знания, чтобы стать профессионалом в своем деле. «Свободное участие» в жизненных «комбинациях» – позиция человека, размышлявшего над вопросом, на что должны быть потрачены «силы молодости» [5, с. 272]. Молодого Ключевского привлекала самостоятельная деятельная жизнь, интересовала проблема личности и ее роль в общественной жизни.

Идейно-ценностная основа его жизненного выбора – отражение мотивации интеллектуалов 40-х гг. XIX в. – может рассматриваться как результат восприятия высоких заповедей московской профессуры того времени.

Высокий профессионализм, присущий времени великого спора о судьбе России, и вовлеченность в обсуждение актуальных проблем общества – важнейшие знаковые черты умственной и социальной культуры, унаследованные интеллектуалом В. Ключевским, одним из наиболее одаренных «шестидесятников».

По его мнению, каждый молодой человек стоит перед выбором жизненного пути, зависящего от миросозерцания. Первая дорога есть дорога «пассивного, послушного следования за другими. Другая, направо, есть дорога насилия, физического, умственного или нравственного – все равно, дорога людей, стремящихся вести других за собой, давать им тон, вертеться впереди, импонировать...» [5, с. 284]. В. Ключевскому одинаково чуждо было подчинение и насилие. Он выбрал путь самостоятельной, свободной деятельности без давления на других лиц и самоуничужения.

В 1867 г. историк писал о разочаровании и в политике государства, и в бездеятельной позиции общества.

Размышления о своей судьбе и основах жизни общества, обеспечивавших его устойчивое цивилизационное развитие, – задача мыслящих людей, считал молодой Ключевский в 1868 году [5, с. 286]. Люди должны стремиться к «осознанию себя самих, ясному взгляду на настоящее». Этому может способствовать и понимание истории общества, поскольку социум несет к себе тяжелые влияния эпох, включая современную [5, с. 286]. Он полагал, что прежде всего надо понять «интересы текущей жизни», проанализировать опыт преобразований, тогда можно осознать «начала» развития и его итоги, соответствие результатов целям трансформаций. «Готовая проверка этого развития» позволяет осмыслить верность выбранных начал, принципов движения.

Не только внешние обстоятельства, определяемые государством, влияют на судьбу человека и общества. Следует самим менять «понятия, ... принципы», на основе которых они живут. Важно осознать, что народная жизнь должна иметь «некоторые начала», «основные условия развития». Условия движения общества надо ценить как «лучшие человеческие блага». Ученый признавал верными идеи своих предшественников и современников, что лучшими благами, основами жизни являются законность, дающая человеку чувство защищенности своей жизни юридически обеспеченными правами, и свободомыслие индивида. Он писал: «...начала привыкли сводить к двум главным: чувству законности, права в мире внешних отношений и к деятельной мысли в индивидуальной сфере» [5, с. 286]. Законность, права человека, свобода мысли обеспечат обществу прочное развитие, его будущее. «В развитии и упрочении этих благ все наше будущее, все наше право на существование» [5, с. 286]. Основания жизни общества должны быть укоренены, стать «руководящей нитью, маяком» его движения, и тогда рассеется «сумрак», ясна будет цель и гарантированы условия развития личности. «Никто не может сказать, что из нас выйдет в далеком более или ме-

нее будущем. Но мы знаем, что из нас ничего не выйдет, если мы не усвоим себе этих элементарных оснований всякой истинно человеческой жизни. Вот наша руководящая нить, маяк, который мы не можем выпускать из вида...» [5, с. 286].

Молодой Ключевский считал, что исторический процесс не запрограммированный, но его движение обеспечивают определенные начала, принципы, обстоятельства. Если думать об интересах человека, то надо и выбирать начала, гарантировавшие ему право на свободное развитие и самореализацию.

В конце 1860-х гг. мысль ученого о сущности движения общества стала ясной, он имел свое понимание смысла своей жизни и принципов гуманизации общественных отношений. Одна из причин, повлиявшая на пессимистическое восприятие Ключевским людей своего времени, – жестокие внешние обстоятельства. «Тоскливо, грустно отзываются во мне звуки жизни. Сколько в них негармоничного, жестокого!» [5, с. 279].

Согласно самооценке, «внутренний слух» В. О. Ключевского был восприимчивым. Он искал своего личного спасения в позиции «безучастного наблюдателя» и в труде: «Труд заглушает во мне эти отзвуки, полные боли» [5, с. 279]. Юный Ключевский хотел попросить у Бога «сохранения хоть капли веры в людей, следовательно, и в себя» [5, с. 279].

В 1860-е гг. ему, по его словам, удалось нарастить свой интеллектуально-нравственный капитал. Он сознательно работал над формированием своей системы ценностей: «Много нравственных ценностей, не достававших у меня, стремился я приобрести...», он стремился к нравственной устойчивости, развитию самосознания [5, с. 280]. Так он создавал свой «внутренний мир», «которого так жадно ищешь и просишь у судьбы» [5, с. 280–281]. Молодой человек сознательно творил «внутреннюю историю», анализируя свои ощущения, мотивы, настроение, интересы, стремления, взгляды на жизнь.

Мыслящие «шестидесятники» свое участие в преобразовании общества видели в воздействии на его интеллектуально-нравственное развитие.

В. О. Ключевский, став в двадцать четыре года профессиональным историком, в середине 1860-х гг. считал, что в обществе есть сознательные силы, они ведут борьбу с бессознательными. Следовательно, нужно развивать сознание людей. Реальной целью процесса может стать создание в будущем «благоустроенного государства» и «свободной личности». В настоящей действительности есть лишь «слабые признаки» достижимости этой цели [5, с. 292].

В историческом процессе молодой историк выделял два противоположных начала – государство, представленное правительством, с претензией к благосостоянию и «личность с своими воспаленными мечтами о свободе». Это противостояние было вызвано стремлением представителей власти обеспечить себе «благоустройство» за счет «справедливости и свободы»

человека. Личность раздражена постоянными оскорблениями, производом и ограничением ее прав. В. О. Ключевский понимал, что насильственные методы с обеих сторон неизбежны. И если власть готова действовать «ценою страшных жертв», то личность готова «разрушить, по-видимому, самые необходимые основания человеческого общества», их жизнь одинаково проникнута «духом насилия» [5, с. 292–293].

В. О. Ключевский писал, что личность не должна руководствоваться только мечтой о свободе. Он полагал, что необходимо людям «учиться разумно жить друг с другом» [5, с. 293]. Эта цель настоящей и будущей жизни общества. Необходимо развивать «способность человека правильно понимать и осуществлять свои отношения к человеку» [5, с. 293]. Движение должно быть «разумным».

Молодой историк сформулировал реалистическую задачу современного общества, решение которой обеспечивало устойчивое цивилизационное развитие России, – учиться «разумно», благородно, с уважением выстраивать людям свои взаимоотношения. Он полагал, что молодое поколение обязано «разумно» понять смысл своей деятельности.

Понятие «разумность» – одно из ключевых в дискурсе ученого. Он употреблял его в контексте размышлений о типе мышления, взаимоотношениях между людьми, направлении движения общества. Ему была несвойственна идеализация общественных отношений. Он полагал, что идея защиты прав человека завоевывала умы людей. «Никогда личность не чувствовала так сильно свои права...» [5, с. 295].

Как видно, молодой Ключевский в 1860-е гг. думал о своем интеллектуально-нравственном развитии и об идейной жизни своего поколения. С его точки зрения, молодые люди в начале 1860-х гг. были мечтателями, надеялись на быстрое переустройство общества на основе идей социального равенства. Однако медленное преобразование социальных отношений стало одной из причин разочарования очень многих людей в политике власти. Ученый выделял группу молодых людей, сориентировавшихся на гражданскую деятельность в социокультурной сфере. По его мнению, другие довольствовались мещанским идеалом сытой личной жизни, а третьи выбрали радикальные методы перестройки страны. Ключевский даже эпоху «Великих реформ», расширивших свободу человека в России, считал сложным временем для самореализации интеллектуалов. В его представлении большинство людей не рефлексировали на тему духовно-нравственного, интеллектуального развития, жили в соответствии с устоями, а изменить их взгляды на жизнь было либо сложно, либо невозможно. Свой жизненный выбор он определил как формирование гражданского сознания молодых людей через преподавательскую и научную деятельность. Он не хотел замыкаться только на частной жизни. Молодому Ключевскому было присуще чувство времени – понимание, что реализовывать потребности можно в конкретных жизненных условиях. Он был реалистом

и сформулировал устремления молодых интеллектуалов: самосознание, «жизненное дело» в интересах общества, верность принципам, приобретение научных знаний. Саморефлексия и умственный труд, выработка устойчивой системы ценностей рассматривались В. О. Ключевским как путь самосознания и становления личности.

Ссылки

1. Добролюбов Н. А. Когда же придет настоящий день? // Добролюбов Н. А. Вопросы, заданные жизнью. М.: Сов. Россия, 1986. С. 294–342.
2. Водовозова Е. Н. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты: в 2 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 2. 527 с.
3. Переписка Петра и Александра Кропоткиных: в 2 т. М.; Л.: Академия, 1932. Т. 1. 278 с.
4. Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Моск. рабочий, 1988. 544 с.
5. Ключевский В. О. Дневники и дневниковые записки // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1990. Т. IX. С. 267–298.
6. Ключевский В. О. Характеристики и воспоминания. М.: Научное слово, 1912. 217 с.
7. Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М.: Наука, 1966. 230 с.
8. Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский – источниковед. М., 1970. 224 с.
9. Карагодин А. И. Философия истории В. О. Ключевского. Саратов, 1976. 73 с.
10. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. 640 с.
11. Богомазова О. В. Между памятью и забвением: практики увековечивания В. О. Ключевского в культуре России XX – начала XXI века // В. О. Ключевский: воспоминания и исследования. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017. С. 131–158.
12. Богомазова О. В. Частная жизнь известного историка (по материалам воспоминаний о В. О. Ключевском // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). История. Вып. 33. С. 151–159.
13. Малинов А. В. К юбилею памяти В. О. Ключевского // В. О. Ключевский: воспоминания и исследования / отв. ред. А. В. Малинов. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017. С. 3–7.



Exhibitions of Soviet fine art in 1930 in the reviews of the foreign press

S. S. Bakaryagin¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-498-505

Research article
Full text in Russian

The article examines the reviews of the German, Austrian and Swedish periodicals about some exhibitions of Soviet fine art held in 1930. On the basis of archival materials, the attitude of the foreign press to the Soviet exhibition projects in Berlin, Vienna and Stockholm is analyzed. The influence of the political orientation of periodicals on the assessment of the plots of the works of Soviet artists is emphasized. When characterizing the painting technique and compositional structure of the works, critics pointed to their continuity from the Western European tradition. Soviet graphics and sculpture made a positive impression. Critics associated the artistic successes mainly with the masters of the old Russian school.

Keywords: exhibition; artists; newspaper; art; critique; abroad

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Bakaryagin, Stepan S. | E-mail: stepan280694@yandex.ru
| Postgraduate



Выставки советского изобразительного искусства 1930 г. в отзывах зарубежной прессы

С. С. Бакарягин¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-498-505
УДК 930.85

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются отзывы немецкой, австрийской и шведской периодической печати о некоторых выставках советского изобразительного искусства, проведенных в 1930 г. На основе архивных материалов анализируется отношение зарубежной прессы к советским выставочным проектам в Берлине, Вене и Стокгольме. Подчеркивается влияние политической направленности периодических изданий на оценку сюжетов произведений советских художников. При характеристике живописной техники и композиционной структуры работ критики указывали на связь с западноевропейской традицией. Положительное впечатление произвела советская графика и скульптура. Живописные успехи критики связывали преимущественно с мастерами старой русской школы.

Ключевые слова: выставка; художники; газета; искусство; критика; зарубежье

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакарягин, Степан Сергеевич | E-mail: stepan280694@yandex.ru
Аспирант

Постепенный выход Советской России из политической изоляции в начале 1920-х гг. сопровождался ростом культурного сотрудничества с зарубежьем. Взаимодействие в сфере культуры служило своего рода катализатором, смягчающим напряженные и не отличающиеся доверием отношения между молодой республикой, странами Запада и русской эмиграцией [1]. Оно было призвано продемонстрировать за границей, что искусство в стране Советов не уничтожено, а продолжает активно развиваться в условиях новых исторических реалий.

Во второй половине 1920-х гг., после создания Всесоюзного общества культурных связей с зарубежьем (ВОКС), международные взаимоотноше-

© Бакарягин С. С., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ния вышли на новый уровень. 8 августа 1925 г. Советом народных комиссаров (СНК) СССР был принят устав ВОКСа. В нем значилось, что целью создания организации являлось «установление научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными работниками Союза ССР и заграницы» [2]. Чуть позже стали издавать специальный бюллетень на трех языках, призванный «не только сообщать, но и главным образом пропагандировать» достижения советской культуры, соблюдая при этом, насколько возможно, нейтральный тон. ВОКС выступала инициатором целого ряда выставок, которые знакомили иностранного зрителя с советской культурой. За период 1928–1931 гг. Всесоюзным обществом культурных связей было организовано 189 выставок в странах Европы (Германия, Австрия, Италия и др.), США, Канаде, Японии, странах Латинской Америки и Востока. В свою очередь, 28 выставок западного искусства было представлено в Советском Союзе [3, с. 58, 60].

Столь энергичная выставочная деятельность СССР получила широкий резонанс в зарубежной прессе. Материалы Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) содержат переведенные на русский язык выписки из европейских периодических изданий 1930 г., таких, например, как германские «Vossische Zeitung», «Die Rote Fahne», австрийские «Das interessante Blatt», «Reichspost» и целый ряд других газет и журналов. В этих документах имеются сведения о реакции части иностранной публики на выставки советского искусства в Берлине, Вене и Стокгольме. Европейские художественные критики, как правило, старались провести параллель между советским искусством и творчеством своих соотечественников, стремясь оценить характер изобразительного искусства в СССР, его идейную и художественную новизну [4–6]. Переводы шведской прессы, в отличие от немецкой и австрийской, по всей вероятности, осуществлялись другим ведомством, из-за чего оказалось затруднительно установить полное название газеты и, следовательно, ее идеологическую платформу. В связи с этим наименования периодической печати Стокгольма в данной статье приводятся на русском языке. Кроме указанных материалов, мы можем встретить упоминания о подготовке и устройстве советских экспозиций в Нью-Йорке, Венеции, Праге и Кельне [7].

Статьи и отзывы зарубежных критиков рассматривались в заметках А. В. Луначарского о выставках в Берлине и Венеции. Сам он еще до революции плодотворно работал в области художественной критики и уже на посту народного комиссара просвещения в 1917–1929 гг. по-прежнему продолжал интересоваться ситуацией в художественном мире. Анализируя заграничную прессу, А. В. Луначарский отмечал влияние политической ориентации тех или иных газет и журналов на отношение к советскому изобразительному искусству [8]. В книге «АХРР» (Ассоциация художников революционной России) приводятся воспоминания А. Н. Тихомирова, которому в свое время доводилось сопровождать художественные произ-

ведения за границу. Он писал об установлении сотрудничества с зарубежными художниками, о реакции публики (в том числе иностранной прессы) на советские выставки [9].

В данной статье на основе материалов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) предпринята попытка рассмотреть реакцию зарубежной периодической печати, живо откликнувшейся на некоторые выставочные проекты СССР 1930 года. Главным образом, это касается прессы Германии, Австрии и Швеции, где выставки «большевистских картин» не оставили публику равнодушной. В то же время, по свидетельству современников, периодическая печать не смогла беспристрастно оценить реальное положение дел в советском изобразительном искусстве.

А. В. Луначарский писал: «Несколько более шаток наш успех в пресе; здесь сказала не только разница во мнениях – от очень хвалебных до очень злобных и даже злостно клеветнических, – но и разлад самих критериев на Западе, о котором мы прекрасно знаем. Ведь и там есть свои «правые», свои «левые» художники и их почитатели, – и выставки, конечно, по-разному преломились в этих различных слоях» [8, с. 118]. И все же, несмотря на противоречивость картины, представленной зарубежной периодической печатью, попытаемся определить тенденции, характерные для восприятия советского искусства на Западе. Так, европейских критиков, в первую очередь волновала сюжетная сторона представленных произведений. Они полагали, что в новом обществе, которое строится на идеях социализма, принципиально новыми должны быть и сюжеты окружающей жизни. В атмосфере ожидаемой сенсации от «большевистских» картин летом 1930 г. в берлинском Сецессиие открылась выставка советского искусства. Торжественное открытие проходило при личном участии бывшего наркома просвещения РСФСР А. В. Луначарского. На выставке были представлены все художественные общества Советского Союза, экспонировались 150 произведений живописи, 100 листов графики, а также скульптура и фаянсовые изделия.

Отзывы зарубежной публики на страницах периодической печати не заставили себя долго ждать. Критик из «Frankfurter Zeitung» (статья «Советская Россия показывает живопись» от 20.07.1930) отмечал, что, к сожалению для себя, не увидел «ни малейшего влияния новой России, коммунистического общества или революции. Видимо, программы могут быть новыми, но искусство – нет» [...]. Он продолжал: «Она (выставка. – С. Б.) столь буржуазна, как этого может пожелать только сторонник буржуазии. Советского искусства, таким образом, не существует» [4, л. 9].

В октябре – ноябре 1930 г. изобразительное искусство СССР было представлено в Австрии. Однако и здесь нашлось место порицанию советских художников за их подход к выбору и трактовке тех или иных сюжетов. Автор статьи «Современное русское искусство» (от 31.10.1930) в «Reichspost» писал: «Не вызвали новых ощущений индустриальные сюжеты и темы рабочих». Было отмечено, что австрийские художники справлялись с подоб-

ными творческими задачами «гораздо лучше – подлинно художественно», а «красными знаменами, стреляющими красноармейцами и наивно-детскими демонстрациями» невозможно проложить дорогу к новому искусству [5, л. 3].

Таким образом, упреки в выборе советскими художниками сюжетов картин нередко были обусловлены тем, что европейский зритель не мог открыть для себя нечто нового по сравнению с увиденным ранее. Иногда присутствовало и неприязненное отношение авторов к советскому строю в целом. В берлинской «Deutsche Allgemeine Zeitung» (от 12.07.1930) замечен откровенно глумливый тон критики: «Посетителя охватывает большая веселость, когда он видит эту официальную выставку диктатуры пролетариата. Потому что здесь он находит не только буржуазную, но прямо мещанскую выставку. Скрытые устремления к советскости меняются с «Заседанием Совнаркома», переданным в стиле старых придворных живописцев» [4, л. 8].

В свою очередь, критиков, симпатизирующих стране Советов и публикующихся в коммунистически настроенных изданиях, привлекала именно сюжетная сторона представленных произведений. Автор статьи «Советская живопись» («Neuer Berliner Ur Zeitung» от 12.07.1930) писал, что выставку отличает «преимущественно плоскостное видение природы, в которую введены люди не как индивидуумы, но как представители народа. Это восприятие людей, отражающее коммунистическое мировоззрение, и есть то общее, что объединяет всех русских художников и выделяет их из всего европейского художественного творчества» [4, л. 9].

Положительное отношение к СССР чувствуется и в публикации газеты «Die Rote Fahne» («Красное знамя», статья «Советско-русская живопись» от 10.07.1930), в которой выражалась симпатия к стремлениям художников «переживать и отображать социалистическую действительность Советского Союза» [4, л. 3]. После выставки в Швеции, пожалуй, лишь в газете «Новый день» был оставлен благоприятный отзыв, пронизанный пафосом и верой в пролетарскую культуру: «Русские художники непосредственно участвуют в социалистическом строительстве. Они изображают на полотнах различные этапы строительства, гигантские сооружения на Днепрострое, нефтяные вышки в Баку, новое советское земледелие. Русские художники даже организованы как обыкновенные трудящиеся, что несколько не губит их творческие силы. Общее впечатление от этой пролетарской выставки искусства необычайно сильное. Получаешь представление о гигантских ресурсах рабочего класса. Русское искусство получает свои импульсы от борьбы рабочего класса и существует для пролетариата» [6, л. 4].

Если при оценке сюжетной стороны произведений было велико влияние политической направленности газет и журналов, то при обращении к стилистическим приемам и формальному решению композиции у критиков вставал вопрос о прямой преемственности советского искусства от художественного наследия Западной Европы. Поводом к такого рода рассуж-

дениям является предыстория художественной жизни России на рубеже XIX–XX столетия. В этот период и позднее немало русских (будущих советских) художников проходили обучение в Академиях художеств Мюнхена, Вены, стажировались в частных студиях, из которых наибольшей популярностью пользовались две – венгра Ш. Холлоши и словенца А. Ашбе. Здесь в разное время оттачивали свое мастерство И. Э. Грабарь, В. А. Фаворский, К. С. Петров-Водкин, Д. Н. Кардовский, И. Я. Билибин и другие. Шимон Холлоши весьма лестно отзывался о наших соотечественниках, «страстно верил в огромную роль, которую русскому народу предстоит выполнить в развитии человечества», объясняя это «неисчерпаемыми природными богатствами» и «обилием одаренных людей» [10, с. 52].

Культурное взаимодействие не ограничивалось одним лишь образовательным процессом. В Германии неоднократно проходили вернисажи, где русские художники выступали как с персональными, так и с групповыми выставками. Среди них мы можем назвать Берлинский Сецессион 1903 года, на котором были представлены работы М. А. Врубеля, В. А. Серова, Н. К. Рериха, Ф. А. Малявина, В. В. Кандинского и других.

Грандиозной по своему размаху стала выставка русского искусства XVIII – начала XX вв., устроенная С. П. Дягилевым сначала в Париже, а затем в Берлине в 1906 году [11, с. 15–16].

Творческие и учебные связи на рубеже XIX–XX в. в значительной мере способствовали усвоению русскими художниками стилистических приемов и техники живописи Западной Европы, что впоследствии нашло отклик и в советском изобразительном искусстве. Однако если до революции подобное влияние воспринималось как естественный процесс культурного обмена, то к 1930 г. критики ожидали от советского искусства собственных изобразительных находок и потому жестко осуждали выставки, где встречали давно знакомые приемы.

Наиболее ярко в этом отношении отреагировали периодические издания Берлина и Вены. «Neues Wiener Abendblatt» (от 05.11.1930) констатировала, что «не следовало привозить ящиков из России, чтобы показать живопись всего мира...» [5, л. 7]. «Wolks Zeitung» (от 08.11.1930) также не заметила «ничего своеобразного, ничего русского, ничего нового ни для наших глаз, ни для наших чувств» [5, л. 1–2]. От страны, где произошла революция, ожидали резких поворотов в художественной жизни и удивлялись, когда этого не происходило. В «Neues Wiener Journal» (от 01.11.1930) автором статьи о выставке указывалось: «Социальные потрясения в России очень мало воздействовали на искусство. Русское искусство сегодня – это изобразительное искусство всего мира» [5, л. 3].

С 20 марта по 15 апреля выставка советского искусства проходила в Стокгольме и, по свидетельству ВОКС, «привлекла тысячи посетителей и встретила живой отклик в шведской прессе» [6, л. 2]. Но и здесь критики «укололи» французским влиянием (издание «С.А.Ф.». Статья от 22.03.1930): «О новой эре все эти картины свидетельствуют больше своими темами

и пронизывающим их духом, чем своим художественным стилем, ибо новая форма еще не созрела. Сильно заметно влияние Парижа» [6, л. 5–6].

Если Россия еще до революции была связана с Германией и Австро-Венгрией достаточно тесными культурными отношениями, то со Швецией таких прочных контактов установлено не было. Последняя значительная выставка русских художников проходила в Мальмэ в 1914 г. и была прервана войной. Это обстоятельство, в свою очередь, повлияло и на критиков. Если Берлин и Вена рассматривали выставку в контексте сложившейся традиции, то в Стокгольме перед глазами была выставка 1914 г. как своего рода наглядный образец для сравнения. Картины, заполнившие пространство галереи в 1930 г., по мнению критика Э. Розенберга, имели «весьма отдаленное и убогое родство с теми художественными произведениями. Красочная шкала снижена, исчезла техническая уверенность. В формальном отношении искусство революционной России гораздо менее революционно, чем искусство царской России. Советское правительство, очевидно, стремится вырастить своего рода коммунистический академизм» [6, л. 3].

Приведенные выдержки из периодической печати не являются исчерпывающими. Они вполне умеренные, не проявляющие восторга в отношении искусства СССР. Важно также, что критики могли высказывать неудовлетворенность экспозицией, указывали на ее тенденциозность и в то же время отмечали мастеров, чьи произведения, по их мнению, выделялись из общего ряда. Среди таковых назывались имена Ю. И. Пименова, Р. Р. Фалька, С. А. Лучишкина, Е. С. Зерновой, А. Ф. Пахомова, М. Л. Гуревича, В. В. Лебедева и других художников [4–5].

Наибольшую популярность у западноевропейской прессы снискали мастера «старой» школы: А. Е. Архипов, И. Э. Грабарь, К. С. Петров-Водкин. В «Morgenpost» (статья «Новое русское искусство» от 09.07.1930) говорилось следующее: «Архипов с его радостно-пестро, сильно, ярко и крепко написанной “Крестьянкой Рязанской губернии”, примыкающий к еще довоенным традициям, имеет мужество продолжать линию своего искусства [...]. Ему противоположено совсем современное произведение Петрова-Водкина “Землетрясение в Крыму”, произведение внутренней правдивости и большого значения фигурной композиции [...]. Игорь Грабарь [...] выказывает многосторонность и живописную интенсивность, что делает его работы одними из самых интересных на выставке» [4, л. 4]. Если зафиксировать количество положительных отзывов о художниках, то самым авторитетным и часто упоминаемым среди них был Абрам Ефимович Архипов (1862–1930). «Neues Wiener Extrablatt» (от 01.11.1930) гласила: «Архипов, один из немногих, темы которого веселы и радостны. Его смеющиеся крестьянские девушки освежающе воздействуют на посетителя» [5, л. 4]. Автор в «Reichspost» (статья «Современное русское искусство» от 31.10.1930) был еще более категоричен в хорошем смысле слова: «Единственный художник, живописно сильный, Архипов, был выдающимся мастером еще в дореволюционную пору [...]. Только в графике и крестьянской скульптуре Ефи-

мова и Сандомирской чувствуется настоящее мастерство и видны попытки самостоятельного творчества» [5, л. 3].

Графика и скульптура на выставке в целом были встречены критикой гораздо более благоприятно по сравнению с живописью.

Три выставочных проекта СССР 1930 г. в большинстве своем не имели успеха в зарубежной прессе. От молодого государства, строящего коммунизм и воспитывающего человека нового типа, авторы публикаций ожидали новых проявлений в изобразительном искусстве. Изначально Советская власть лишь присматривалась к различным творческим объединениям в стране и старалась радикально не вмешиваться в художественную жизнь, но уже к началу 1930-х гг. идейная направленность будущего советского искусства была определена и бесплодные, с точки зрения власти, творческие искания были решительно пресечены.

Немалое влияние на характер рецензий имела политическая направленность периодических изданий. Так, в обращении к сюжетам из окружающей жизни кто-то находил смысл искусства, достойный страны Советов; кто-то, напротив, не видел в них ничего оригинального. Оценивая стилистику представленных произведений, критики отмечали ее прямое родство с западноевропейской традицией. Пожалуй, лишь графические и скульптурные работы были встречены благосклонно и признаны действительно оригинальными и в чем-то даже самобытными.

Ссылки

1. Урядова А. В. Выставочная деятельность русской эмиграции в первой половине XX в. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 485–500.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.
3. Киселева Н. В. Общество культурных связей с зарубежными странами (ВОКС) в борьбе за прорыв культурной блокады СССР // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Международной конференции: в 2 ч. Иваново, 5–6 апреля 2017 г. Иваново, 2017. С. 57–61.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2941. Оп. 1. Д. 115.
5. РГАЛИ. Ф. 2941. Оп. 1. Д. 116.
6. РГАЛИ. Ф. 2941. Оп. 1. Д. 117.
7. РГАЛИ. Ф. 2941. Оп. 1. Д. 99.
8. Луначарский А. В. Об искусстве. Т. 2: Русское советское искусство. М., 1982. 391 с.
9. АХРР: Сборник воспоминаний, статей, документов / сост. И. М. Гронский, В. Н. Перельман. М., 1973. 503 с.
10. Тихомиров А. Н. Искусство Венгрии IX–XX вв. М., 1961. 187 с.
11. Толстой А. В. Художники русской эмиграции. М., 2005. 344 с.



Methods of systematization of quantitative information in historical research

O. D. Dashkovskaya¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-506-515

Research article
Full text in Russian

The article examines various methods of systematization of quantitative information used in historical research: summary, grouping, graphical representation of the results obtained. The classification and features of each method are considered. The stages of building groupings and ways to determine the number of groups are highlighted. The rules for constructing tables and the advantages of using graphs and diagrams are analyzed.

Keywords: systematization; summary; grouping; interval; factor; result; table; chart; cartogram

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dashkovskaya, Olga D. | E-mail: dashod@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor



Методы систематизации количественной информации в исторических исследованиях

О. Д. Дашковская¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-506-515
УДК 930.24, 303.05

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье изучаются различные методы систематизации количественной информации, применяемые в исторических исследованиях: сводка, группировка, графическое отображение полученных результатов. Рассматриваются классификация и особенности каждого метода. Выделяются этапы построения группировок и способы определения числа групп. Анализируются правила построения таблиц и преимущества использования графиков и диаграмм.

Ключевые слова: систематизация; сводка; группировка; интервал; фактор; результат; таблица; диаграмма; картограмма

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дашковская, Ольга Дмитриевна | E-mail: dashod@mail.ru
Доцент, кандидат исторических наук

Историки, занимающиеся изучением проблем социально-экономического развития, часто сталкиваются с необходимостью систематизации собранной статистической информации. Ученые осмысливают большие объемы числового материала, чаще всего представленного в виде статистических отчетов, но иногда это может быть и текстовое описание, содержащее количественные данные. Систематизация позволяет более глубоко исследовать закономерности исторического процесса или явления.

Цель данной работы – проанализировать существующие способы систематизации количественной информации, применяющиеся в исторических исследованиях. В большинстве сочинений приемы систематизации первичных данных представлены в виде сводки, группировки и/или графического оформления полученных результатов (построение таблиц и диаграмм).

Методом первичной систематизации количественных данных является сводка. Сводка способствует приведению в определенный порядок собранных статистических сведений, которые описывают отдельные единицы наблюдения. В результате сводки появляется возможность отразить всю генеральную совокупность (т. е. все имеющиеся в распоряжении исследователя данные) или ее часть.

В зависимости от глубины обработки имеющегося материала сводку можно классифицировать как простую или сложную. В первом случае подводятся общие итоги по всей совокупности единиц наблюдения. Сложная сводка одновременно содержит и группировку, а, значит, итоги вычисляются не только по всей генеральной совокупности, но и отдельно по выделенным группам. Результаты и простой и сложной сводки обычно представлены в виде таблиц.

По организационному признаку обычно различают централизованную и децентрализованную сводку. Централизованная сводка направлена на обработку всего собранного первичного материала в одном учреждении. Обычно она используется в ходе единовременных статистических исследований. При децентрализованной сводке обработка материала производится поэтапно. Например, в 1834 году во всех губернских городах Российской империи были созданы статистические комитеты, председателями которых являлись губернаторы. Губернские статистические комитеты занимались сбором первичных данных на местах, проверяли их, заносили в таблицы, создавали на основании этих материалов описание губернии в целом или анализировали отдельные отрасли промышленности, состояние торговли, сельского хозяйства. Подготовленные на местном уровне отчеты поступали «для дальнейших соображений» в Статистическое отделение Совета Министерства внутренних дел.

В зависимости от техники исполнения сводка может быть ручной и автоматизированной. При ручной сводке все итоги подсчитываются вручную, и именно с ней чаще всего сталкиваются историки. В настоящее время использование информационных технологий привело к широкому распространению автоматизированной сводки, при которой для обработки и подсчета данных используются электронно-вычислительные машины.

Итак, сводка дает представление о размерах и общих свойствах совокупности, но не позволяет качественно оценить явление, выявить исторические закономерности. Для этих целей статистика использует метод группировки, суть которого заключается в разбивке совокупности на части по признакам сходства или отличия. В результате образуются группы, различающиеся по качественному и/или количественному признаку.

Построение группировок в статистике проходит несколько последовательных этапов:

- 1) выбирается группировочный признак;
- 2) определяется количество групп, на которые будет разбита генеральная совокупность;

3) рассчитывается величина интервала группировки;

4) единицы наблюдения распределяются по группам, подводятся итоги как по выделенным типам, так и по всей генеральной совокупности.

Итак, на первом этапе определяется группировочный признак (основание группировки), по которому и происходит распределение единиц наблюдения по создаваемым группам.

В зависимости от применяемого критерия систематизации группировочные признаки классифицируют следующим образом:

– *по форме выражения* признаки подразделяют на атрибутивные (качественные) и количественные. Первые не отображаются с помощью количественных показателей и обозначаются словом (пол, семейное положение, профессия). Количественные признаки имеют числовое выражение (возраст, доход, объем выпускаемой продукции). При этом количественные признаки могут быть как дискретными, т. е. выражаться только целыми числами (количество крестьян, число промышленных предприятий), так и непрерывными, т. е. принимать как целые, так и дробные значения (размер земельных угодий, заработная плата);

– *в зависимости от характера колеблемости* признаки могут иметь множество значений или быть альтернативными. Последние имеют только два варианта значений, поэтому и получили такое наименование. Примером альтернативного признака может быть «пол», имеющий варианты «мужской» и «женский». Также это могут быть характеристики, которыми одни единицы генеральной совокупности обладают, а другие нет. При этом образуются две группы с противоположными признаками (например, семьи с детьми и бездетные);

– *по роли в группировке* признаки подразделяют на факторные и результативные. Факторные признаки оказывают воздействие на другие, а результативные изменяются под влиянием факторных признаков. Так, квалификация работника – это факторный признак, а его заработная плата – результативный. Такие признаки принимаются за основу аналитических группировок, которые подробнее будут охарактеризованы далее.

На втором этапе построения группировок определяется количество частей, на которые следует разделить изучаемую совокупность. Число образуемых групп зависит от многих показателей: цели исследования, особенностей изучаемого явления, объема статистической совокупности, наконец, от выбранного для классификации группировочного признака. Так, при группировке по атрибутивному признаку количество градаций будет соответствовать числу значений признака. Например, при распределении населения по семейному положению традиционно выделяют следующие типы: холост/не замужем, состоит в браке, вдовец/вдова, разведен/разведена.

При определении числа групп в совокупности, основанием для деления которой является количественный признак, число образуемых частей может быть очень разнообразно. Во многом оно зависит от цели работы. Так,

по признаку «доход» можно выделить группы с зарплатой населения ниже и выше средней по стране, построить интервальный ряд с различными диапазонами доходности. При небольшом объеме генеральной совокупности не нужно формировать много групп, так как они будут нерепрезентативными и не позволят объективно оценить явление. При значительном объеме классифицируемого материала необходимо учитывать количество единиц наблюдения и размах вариации группировочного признака: чем он больше, тем большее количество частей обычно выделяют. Только при соблюдении данных правил обобщающие характеристики каждой группы будут устойчивыми и закономерными.

Определение числа групп тесно взаимосвязано с третьим этапом построения группировки, на котором проводится расчет величины (ширины) интервала. Вполне понятно, что при большой величине интервала получается меньше групп, и наоборот. В зависимости от ширины интервалы могут быть равными и неравными. Неравные интервалы используются, если это определяется изначально атрибутивным признаком. Так, возрастные периоды жизни человека (молодость, средний возраст, пожилой человек) вне зависимости от существующих споров об их верхних и нижних границах, представлены диапазонами неодинаковой ширины. Также неравные интервалы применяются в экономических исследованиях и образуются в тех случаях, когда группировочный признак изменяется неравномерно или в больших пределах, является количественным, а не атрибутивным.

Группировка с равными интервалами строится при не очень значительной вариации признака в совокупности.

Величина равного интервала вычисляется по формуле:

$$K = (X_{\max} - X_{\min})/n,$$

где X_{\max} и X_{\min} – наибольшее и наименьшее значения признака; n – число групп.

В ситуации, когда необходимо вычислить не только величину интервала, но и определить количество групп, применяется формула, предложенная американским статистиком Г. Стерджессом [1, с. 312]:

$$K = (X_{\max} - X_{\min}) / (1 + 3,2 \lg N),$$

K – величина интервала;

X_{\max} – наибольшее значение признака;

X_{\min} – наименьшее значение признака;

N – число элементов совокупности.

Например, на фабрике трудятся 100 рабочих со стажем работы от 5 до 40 лет. Найдем величину интервала:

$$K = (40 - 5) / (1 + 3,2 \lg 100) = 35 / 7,4 \approx 4,7.$$

Итак, ширина интервала составляет $\approx 4,7$ а полученная группировка выглядит следующим образом:

Стаж	5–9,7	9,7–14,4	14,4–19,1	...
------	-------	----------	-----------	-----

При образовании интервалов необходимо точно определять их границы. Если признаки дискретные и выражаются только целыми числами, то границы интервалов устанавливаются без совпадения крайних показателей смежных интервалов. Один показатель не может находиться одновременно в двух интервальных группировках. Например, при классификации предприятия по числу рабочих группировка может выглядеть следующим образом: 1–100, 101–200, 201–300...

Для непрерывных признаков применяется обязательное совпадение смежных границ интервалов. В примере выше мы это и наблюдаем. Но в какую группу будет отнесено значение, которое является границей интервала, например 14,4? В данном случае в статистике руководствуются следующим правилом: если единица имеет значение признака, равное величине верхней границы интервала, то ее следует причислять к следующему интервалу. Таким образом, значение 14,4 относится к третьему интервалу.

На четвертом этапе построения группировок происходит распределение единиц совокупности по группам и подведение итогов по группам и совокупности в целом.

Обычно историки применяют три вида группировок: типологические, структурные, аналитические [4, с. 20].

Типологические группировки способствуют выявлению однородных групп в качественно разнородной совокупности. Например, это деление предприятий по формам собственности на государственные, частные и кооперативные. При этом требуется очень тщательно подбирать качественный признак, который и закладывается в основу группировки.

Структурные группировки направлены на изучение состава и структуры генеральной совокупности. В их основе находится количественный признак (деление населения по возрасту, уровню заработной платы, группировка заводов по численности рабочих).

Аналитические (факторные) группировки способствуют выявлению взаимосвязи между явлениями. При этом один из группировочных признаков является результатом, другой – фактором. Группировка происходит по факторному признаку. Если при возрастании значения факторного признака увеличивается значение результативного, то связь между признаками считается прямой, если же значение результативного фактора убывает при росте факторного, то – обратной. Примером прямой связи является общий трудовой стаж и время работы сотрудника на каком-либо предприятии.

В зависимости от поставленных задач и степени сложности изучаемого явления единицы совокупности можно систематизировать как по одному, так и по нескольким группировочным характеристикам. Если группы сформированы по одному признаку, то группировка считается простой.

Если же разделение происходит по двум и более признакам, то такая группировка называется комбинационной. Обычно одновременно сочетают не более двух-трех признаков, так как из-за излишней детализации группировка может потерять свое аналитическое значение.

Пример комбинационной группировки по двум признакам (пол и возраст) приведен в таблице 1.

Таблица 1

**Половозрастная структура рабочих Европейской России
и Бакинской губернии в 1901 г. [3, с. III]**

Распределение рабочих по возрасту	Количество рабочих (чел.)		
	мужского пола	женского пола	оба пола
малолетние	20308	13738	34046
подростки	90435	55742	146177
взрослые	1127261	383872	1511133
итого	1238004	453352	1691356

Наконец, существует и еще одна классификация группировок – деление их на первичные и вторичные. Первичные группировки производятся на основе еще не обработанного статистического материала, при этом требуется выбор группировочного признака, определение числа групп и величины интервалов. Но историкам часто приходится иметь дело со вторичными группировками (уже готовыми таблицами) и образовывать новые группы без обращения к первичным данным, применять перегруппировку на основе изменения имеющихся интервалов.

Особым видом группировки считается классификация, под которой подразумевается устойчивое разграничение объектов, каждый из которых может быть отнесен лишь к одной группе (например, классификации форм собственности, основных отраслей экономики). Классификация всегда основывается на существенных признаках и используется в течение длительного времени. Таким образом, классификация – это общепринятая, нормативная группировка.

Результаты сводки и группировки материалов можно представить в различной форме: в виде текстового описания, статистических таблиц и графиков. Наиболее часто цифровое выражение итоговой характеристики оформляется в виде таблицы, достоинствами которых является их наглядность и компактность. К статистической таблице можно отнести не каждую. Если таблица не содержит результатов подсчетов (таблица умножения, опросные листы), она не причисляется к исследуемой категории.

По внешнему виду статистическая таблица представляет комбинацию вертикальных и горизонтальных строк, содержащую верхние и боковые заголовки. Подлежащее и сказуемое являются основными элементами та-

блицы. Подлежащее представляет собой объект изучения, оно показывает, о чем идет речь в таблице. Это могут быть социальные группы населения, виды предприятий, территории. Обычно подлежащее находится в левой части таблицы и составляет содержание строк. В таблице 1 заголовком подлежащего является «Распределение рабочих по возрасту», содержанием подлежащего – наименование строк («малолетние», «подростки», «взрослые»). Совокупность числовых показателей, характеризующих изучаемый объект, называется сказуемым таблицы. Заголовки сказуемого в таблице 1 – это заголовки столбцов «Количество рабочих (чел.)», «мужского пола», «женского пола», а его содержание – цифры, при помощи которых характеризуются выделенные в подлежащем группы.

Статистические таблицы, используемые историком при обработке «чернового» материала, могут быть самыми разнообразными и иногда занимают несколько страниц. Но при публикации результатов исследования следует соблюдать определенные правила в оформлении таблиц:

1. Каждая таблица должна иметь заголовок, отражающий ее основное содержание, место и время, к которым относятся приводимые данные. В заголовке можно указывать единицу измерения, если она одна. Над верхним правым углом заголовка таблицы размещается надпись «Таблица...» с указанием ее номера: Таблица 1 и т. д.;

2. После заголовка таблицы должна находиться сноска, указывающая, на основании каких данных составлена таблица или из какого источника информации она взята;

3. Заголовки подлежащего и сказуемого следует формулировать точно и лаконично. Здесь же при необходимости указываются единицы измерения;

4. Таблицы не должны быть очень громоздкими и содержать много признаков, иначе снижается их наглядность;

5. Значения одних и тех же показателей следует заносить в таблицу с одинаковой степенью точности (например, все числа округляются до десятых);

6. Раньше при отсутствии отдельных данных историки ставили многоточие или прочерк в соответствующей ячейке таблицы. Сейчас этого делать не рекомендуется, так как большинство таблиц составляется и обрабатывается с помощью программы MS Excel. Чтобы результаты были подсчитаны автоматически, лучше оставлять такие ячейки пустыми;

7. Итоги должны быть рассчитаны по подгруппам, группам и в целом, что также нашло отражение в приведенной ранее таблице 1.

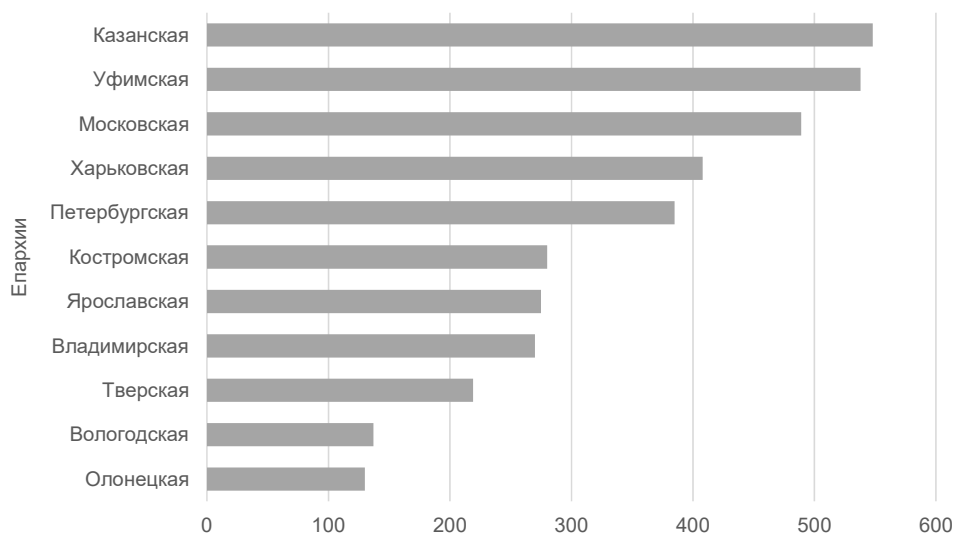
Более наглядными методами систематизации данных являются формы графического изображения, представленные графиками. Они логически продолжают статистические таблицы в процессе обобщения и анализа информации. Графиком называется чертеж, на котором статистические совокупности, характеризующиеся определенными показателями, описываются с помощью условных геометрических образов

или знаков. В зависимости от способа построения графики подразделяются на диаграммы, картограммы и картодиаграммы.

Диаграмма представляет чертеж, на котором информация отображается с помощью геометрических фигур или символических знаков. Наиболее распространенными видами диаграмм являются линейные графики, гистограммы и круговые диаграммы.

Линейные диаграммы чаще всего применяются для изображения изменения процесса во времени и при изучении связи между явлениями. В системе координат на горизонтальной оси X откладываются показатели времени, а на вертикальной оси Y – величины изучаемого показателя. После этого наносят данные и, соединив точки, получают статистическую кривую. Преимуществом линейных графиков является то, что в одном поле можно отобразить несколько показателей, что упрощает сравнение.

Динамика социально-экономических явлений может быть представлена в виде гистограмм. Другое их наименование, столбиковые диаграммы, связано с принципом построения: каждое значение показателя отображается в виде вертикального прямоугольника (столбика). На рис. 1 приведен пример гистограммы, показывающей размер дохода служителей церкви



(причта) от платы за обряды (крещение, венчание, бракосочетание и пр.) в разных епархиях Российской империи в конце XIX в.

Рис. 1. Средний годовой доход причта от платы за церковные обряды в 1880 г. [2, с. 8–9]

Гистограмма показывает, что наименьший доход от совершения обрядов получали служители церкви в малонаселенных северных епархиях. В Москве и столице плата за требы была традиционно выше, чем в провинции. Подобные столбиковые диаграммы очень удобны для визуального сравнения различных показателей. Также их можно использовать для изу-

чения структуры явления и динамики различных процессов, так как гистограмма обладает большими аналитическими характеристиками по сравнению с линейными графиками.

Круговые диаграммы также находят широкое применение в исторических исследованиях. Площадь окружности в них – это вся статистическая совокупность, а площади отдельных секторов отражают удельный вес (долю) ее составных частей. При этом оптимально, чтобы количество секторов было не очень большим, а подписи к ним (категории, доли) располагались рядом с сегментами с помощью «линий выноски», а не на отдельно выделенной легенде. В противном случае снижается наглядность диаграммы.

Интересной формой графического изображения статистических материалов являются картограммы, на которых штриховкой различной густоты, точками или окраской различной степени насыщенности показана сравнительная интенсивность какого-либо показателя в пределах нанесенного территориального деления. На картодиаграмме карта дополняется различными социально-экономическими диаграммами, например показателями развития промышленности и сельского хозяйства в регионах.

Итак, в ходе научной деятельности историки могут использовать различные методы систематизации количественной информации. Построение сводок и группировок тесно взаимосвязано, часто группировка является логическим продолжением сводки, но при этом и сама завершается в итоге сводными показателями. Сводки и группировки оформляются в виде таблиц, которые содержат точные количественные данные, но не всегда удобны для восприятия. Диаграммы строятся на основе табличных данных, они более наглядны, но в то же время не так точны, демонстрируют общие тенденции, без детализации. Часто методы систематизации дополняют друг друга (например, табличные данные одновременно визуализируются диаграммами), и выбор того или иного метода, безусловно, зависит от целей исследования. Наконец, следует отметить, что в последние два десятилетия построение таблиц и диаграмм производится не вручную, а с помощью специального программного обеспечения. Общеизвестной и интуитивно понятной разработкой является редактор электронных таблиц MS Excel, значительно упростивший работу историков с количественными данными.

Ссылки

1. Мазур Л. Н. Методы исторического исследования: учебное пособие. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 608 с.
2. О мерах к улучшению материального обеспечения православного сельского духовенства. СПб.: Синодальная типография, 1880. 37 с.
3. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. СПб.: Типография Киришбаума, 1903. 202 с.
4. Федорова Н. А. Математические методы в историческом исследовании: курс лекций. Казань: Форт-Диалог, 1996. 108 с.



Key Issues and Trends of Postcolonial Feminism

A. V. Milto¹

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, 12a Cooperative Street, Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-516-525

Research article
Full text in Russian

Postcolonial feminism is a response to Western Eurocentric feminism, which did not pay attention to racial differences, feelings and the position of women in the once colonized territories. The search for gender justice has led to the emergence of new theories and models reflecting the problems of oppression of women in the Afro-Asian world. The feminism of the postcolonial wave has focused on the issues of women's political participation, the preservation of patriarchal survivals in the family and the state, economic and social inequality, the impact of globalization and integration processes on the position of women in society. The lack of unity regarding the assessment of the influence of Western culture on traditional societies and the position of women in postcolonial countries has led to the emergence of many approaches to the interpretation of gender processes and the role of women in the modern world. An analysis of the variants of postcolonial feminism such as: womanism, stiwanism, motherism, nego-feminism and others allows us to draw conclusions about their engagement in global or national practice.

Keywords: Postcolonialism; Feminism; Gender; G. C. Spivak; C. Mohanty; Discrimination; Oppression; Wumanism; Globalization

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Milto, Anna V. | E-mail: amilto@mail.ru
| Cand. Sc. (History), Associate Professor



Ключевые проблемы и направления постколониального феминизма

А. В. Мильто¹

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, ул. Кооперативная, дом 12а, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-516-525
УДК 94(5)+94(6):396

Научная статья
Полный текст на русском языке

Постколониальный феминизм возник в ответ на западный евроцентричный феминизм, который игнорировал расовые различия, чувства и положение женщин на некогда колонизированных территориях. Поиск гендерной справедливости привел к появлению новых теорий и моделей, отражающих проблемы угнетения женщин в афро-азиатском мире. В центре внимания феминизма постколониальной волны оказались вопросы женского политического участия, экономического и социального неравенства, влияния процессов глобализации и интеграции на положение женщин в обществе. Отсутствие единства в отношении оценки влияния западной культуры на традиционные общества и положение женщин в постколониальных странах обусловило появление множества подходов к интерпретации гендерных процессов и роли женщины в современном мире. Анализ вариантов постколониального феминизма, таких как вуманизм, стиунизм, материзм, него-феминизм и другие, позволяет сделать выводы об их ангажированности в глобальной или национальной практике.

Ключевые слова: постколониализм; феминизм; гендер; Г. Ч. Спивак; Ч. Моханти; дискриминация; угнетение; вуманизм; глобализация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мильто, Анна Валентиновна | E-mail: amilto@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

В истории феминистского движения принято выделять три волны. Феминизм первой волны ассоциируется с деятельностью суфражисток, выступавших за права женщин в образовательной, социальной, политической сферах в конце XIX – начале XX в. Вторая волна, зародившаяся в 1960-е гг., сосредоточилась на стремлении женщин к равенству с мужчинами в трудовой деятельности, семье, в сексуальном плане. Феминизм третьей волны, начавшийся в 80-е гг. XX в., шире обозначил круг актуальных для женщин

© Мильто А. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

проблем и интересов, подчеркнув культурное, социальное, религиозное, национальное и сексуальное разнообразие, которое определило отсутствие единства в целях, моделях гендерных особенностей и предполагаемых способах изменения общества среди приверженцев данной теории.

Феминизм первой и второй волны в большинстве своем учитывал взгляды и потребности белых, гетеросексуальных и довольно обеспеченных женщин, живущих в промышленно развитых странах. Обращение к гендерным проблемам, затрагивающим вопросы культурной и этнической идентичности, расизма, политических, экономических и социальных последствий колониального воздействия на положение небелых женщин в бывших колониях Азии и Африки, состоялось в рамках третьей волны феминизма и стало неотъемлемой частью постколониальных исследований [1]. Постколониальный феминизм охватил вопросы женского политического участия, экономического и социального неравенства, влияния процессов глобализации и интеграции на положение женщин в обществе [2, p. 94].

Гендерные процессы, происходившие в афро-азиатском мире, долгое время отождествлялись с вестернизацией, заимствованием чужих ценностей и опыта, имитацией инородных форм общественно-политического и экономического развития. Универсальный образ женщины образованной, идущей в ногу со временем, способной принимать решения и обладающей свободой распоряжаться собственным телом, растиражированный в литературе, искусстве, средствах массовой информации, отразил преимущественно перспективу белых западных женщин среднего класса. Опыт небелых женщин, традиционно воспринимавшихся в качестве зависимых и подчиненных, пассивных и безгласных, игнорировался, как несоответствующий критерию восприятия гендерного развития общества.

Женщины, не подходившие под заданные установки, чувствовали себя незаметными, невидимыми, поскольку не были должным образом представлены в женском движении. Оценивая гендерные теории, идеологи постколониального феминизма, такие как Г. Ч. Спивак¹, В. Шива², Ч. Мохан-

¹ Гаятри Чакраворти Спивак (род. в 1942 г.) – профессор гуманитарных наук Колумбийского университета родом из Индии; один из идеологов постколониальной теории. Получила степень бакалавра в Калькутском университете (1959 г.) и степень доктора наук по сравнительному литературоведению в Корнеллском университете (1967 г.). Обладательница двенадцати почетных докторских степеней. Ее эссе «Могут ли угнетенные говорить?» считается мировой классикой постколониальных исследований. Входит в число экспертов Всемирного экономического форума.

² Вандана Шива (род. в 1952 г.) – индийский философ, антиглобалист и экофеминист. Проживает в Дели, является автором более 20 книг и более 500 статей в ведущих научных и технических журналах. Удостоена Азиатской премии культуры Фукуока (2012 г.) и «За правильный образ жизни» в 1993 г., MIDORI Prize (2016).

ти³, Л. Ганди⁴, Р. Чау⁵, Э. Уокер⁶, О. Огундипе-Лесли⁷, О. Немека⁸ и другие, продемонстрировали неприятие западного (белого) феминизма, критикуя его за обобщение проблем и игнорирование интересов женщин афро-азиатского мира. Они отвергли предположение о том, что белых женщин из среднего класса следует считать нормой, утверждая, что их трудности не обязательно касаются всех женщин и что различия в социальном положении порождают очень разные проблемы и способы их решения.

Сторонницы постколониального феминизма выдвинули тезис, что равенство для белой женщины среднего класса в США и, например, мусульманской женщины в Иране выглядит по-разному. Так, постколониальный феминизм вышел за рамки западных представлений о гендерном равенстве, чтобы понять и интерпретировать повседневный жизненный опыт разных национальных, этнических и религиозных слоев.

Гаятри Ч. Спивак – одна из основательниц постколониального подхода – гендерные вопросы рассматривала в рамках проблем существования и самовыражения субалтернов – «угнетенных»⁹. В работе «Французский феминизм в интернациональной оправе» [3] она подняла вопрос о несоответствии западных приоритетов интересам и заботам жительниц бывших

³ Чандра Талпаде Моханти (род. в 1955 г.) – американский социолог индийского происхождения, заслуженный профессор женских и гендерных исследований, декан-профессор гуманитарных наук Сиракузского университета (штат Нью-Йорк). Выступала за включение транснационального подхода в изучение опыта женщин во всем мире.

⁴ Ли́ла Ганди (род. в 1966 г.) – известный ученый в области постколониальной теории, профессор гуманитарных наук и английского языка в Брауновском университете. Является правнучкой М. Ганди.

⁵ Рэй Чау (Чоу) (род. в 1957 г.) – культурный критик, специализирующийся на китайской художественной литературе XX в., кино и постколониальной теории, профессор литературы в Университете Дьюка. Родилась и получила степень бакалавра в Гонконге, докторскую степень в области современной мысли и литературы получила в Стэнфордском университете.

⁶ Э́лис Уокер (род. в 1944 г.) – афроамериканская писательница, феминистка, общественный деятель. В 1963 г. окончила колледж Сары Лоренс в Нью-Йорке, получив степень бакалавра искусств. В 1983 г. получила Пулитцеровскую премию в области художественной литературы за роман «Цвет пурпурный» (The Color Purple, 1982), экранизированный режиссером С. Спилбергом в 1985 г.

⁷ О́молара Огундипе-Лесли (1940 – 2019 гг.) – нигерийская поэтесса, критик, редактор, одна из ведущих писательниц африканского феминизма. Родилась в Лагосе в семье педагогов и священнослужителей, стала первой женщиной, получившей степень бакалавра с отличием по английскому языку в Университетском колледже Ибадана, а затем в колледже Лондонского университета. В 1963 г. возглавила отдел феминистских и гендерных исследований в Африке.

⁸ Обиома Не́мека (род. в 1948 г.) – профессор французского языка в Университете Индианы-Пердью Индианаполис нигерийского происхождения. Является автором теории него-феминизма и основателем и президентом Ассоциации африканских женщин-ученых.

⁹ Термин «субалтерн» (subaltern) (буквально – «младший офицер») имеет военную этимологию, он был заимствован из «Тюремных тетрадей» А. Грамши. Используется для обозначения «малых социальных групп на краю истории» – притесняемых, маргинализированных социальных слоев населения, «неэлитарных» социальных классов.

колоний. Проводя исследование угнетенных групп, Г. Спивак выдвинула проблему невидимости и неслышимости колонизированного населения, особенно женского. Именно с позиции женщин, как наиболее незащищенных и бесправных, она стремилась посмотреть на историю колониальных и постколониальных обществ.

Она задалась вопросом «Могут ли угнетенные говорить?» [4]. В тексте одноименного эссе 1988 г. Г. Спивак отмечала, что поэтапное движение угнетенных к освобождению осложняется на фазе империализма. Автор пришла к заключению, что «угнетенные не могут говорить [сами за себя], <...> проблема реабилитации и репрезентации угнетенных должна быть делом рук не их самих, а ученых, интеллектуалов» [4, р. 308], в том числе ее самой.

Притеснение женщины идеологами постколониального феминизма рассматривается разносторонне как результат комплексного воздействия патриархальных традиций, экономических факторов и расовых предрассудков. Дискриминация по признаку пола часто анализируется в контексте колониального угнетения.

Феминизм постколониальной волны базируется на утверждении, что женщины были маргинализированы патриархальным обществом и подвергались как общей дискриминации в качестве жителей колоний, так и индивидуальному давлению в условиях преобладания патерналистской культуры. Женщины оказались бессильны не только перед системой, но и перед произволом, царящим в патриархальном доме и, соответственно, обществе [5, с. 34]. Подчиненное положение женщины афро-азиатского мира характеризует термин «двойная колонизация». Появление данного понятия связывают с работой Кирстен Холст Петерсен и Анны Резерфорд «Двойная колонизация: колониальное и постколониальное женское письмо» [6].

Колониализм оказался тесно сплетен с патриархальной политической культурой, традиционно развивавшейся во многих африканских и азиатских государствах. Процесс деколонизации не означал конец угнетению женщин в бывших колониях. Постколониальные феминистки указывают на сохранение гендерных предубеждений и «двойной колонизации» в государствах, получивших независимость, и на то, что женщины продолжают подвергаться стереотипному восприятию и маргинализации [2, р. 95].

В условиях глобализации, интеграции, активизации мобильности гендерные вопросы стали более актуальной проблемой, чем когда-либо. Пересечение границы влечет за собой изучение «другого», но, что более важно, оно также должно повлечь за собой и обучение «у другого». Миграционные потоки, современная экономическая и финансовая ситуация определили новые вопросы в рамках постколониальных исследований, такие как общая применимость феминистской теории во взаимосвязи национальности

и пола в транснациональной парадигме, определение центра и периферии постколониального мира и другие.

Индийский философ и феминистка Вандана Шива дала отрицательную оценку современным интеграционным процессам в мировой экономике, заявив, что женщины постколониальной эпохи подвергаются дискриминации на рынке труда и как представительницы Востока, и непосредственно как женщины [7, р. 97].

К теме двойной дискриминации обратилась Чандра Моханти в 1984 г. в эссе «Под западным взглядом: феминистская наука и колониальные дискурсы» [8]. Она отвергла понимание универсальности опыта, который предопределял навязывание женщине – жительнице колонизированного государства – моделей поведения, не присущих ее культурной традиции. В своей работе она ввела термин «женщина третьего мира» и описала сложившийся стереотип «среднестатистической женщины третьего мира» как невежественную, бедную, необразованную, связанную традициями и семьей, сексуально ограниченную жертву [8, р. 337]. Она подчеркнула, что создание образа «женщины третьего мира», всегда и везде угнетаемой, поддерживает иллюзию женщин «первого мира» о том, что они «светские, свободные и самостоятельно контролируют свою жизнь» [8, р. 353]. Ч. Моханти видела в глобализации обновленную по форме и содержанию колонизацию женщин и мужчин и призывала разработать механизмы коллективного сопротивления и освободительной стратегии.

Сложность и противоречивость процессов культурной идентификации обусловила необходимость учета постколониальных факторов и различий женских постколониальных практик в современном мире. Позиции идеологов феминизма постколониальной волны во многом сходные, различаются по степени критичности в отношении оценки влияния западной культуры на традиционные общества и положение женщин в постколониальных странах. Нельзя не согласиться с Ч. Моханти в том, что «научный западный феминистский дискурс и политическая практика не являются единичными и однородными по своим целям, интересам или анализу» [8, р. 334]. У женщин во всем мире сложился разный опыт в отношении постколониального наследия.

В противовес западному феминизму в оборот вводятся новые понятия, отражающие проблемы притеснения женщин в афро-азиатском мире. В 1980 г. в работе афроамериканской писательницы Элис Уокер впервые появился термин «вуманизм» (от англ. woman – женщина), характеризующий социально-философский комплекс идей, опирающийся на представление о расовом и гендерном угнетении чернокожих женщин [9]. Автор особо выделила преимущество использования данного понятия, не нуждающегося в добавлении определения «черный», поскольку оно подразумевалось по смыслу, в отличие от термина «феминизм», который без соответствующего уточнения воспринимался как «белый» – берущий начало в культу-

ре белых женщин [9, p. 100]. Для Э. Уокер вуманизм не просто делает акцент на расовых различиях, он подчеркивает разницу в ожиданиях белых и чернокожих женщин. Концепция Э. Уокер получила широкое признание среди афроамериканских женщин, что вызвало появление обновленных теорий, учитывающих непосредственно африканские особенности.

Профессор Кленора Хадсон-Уимс¹⁰, автор теории африканского вуманизма (африкана-вуманизма), утверждала, что американские феминистские идеалы не распространяются на культурные интересы африканских женщин из-за продолжительной истории рабства и расизма в Америке [10, с. 110–111]. Вместо терминов «афроамериканец», «черный» или «африканец» она использовала более инклюзивное понятие «африкана» (*africana*), которое объединило африканцев, проживающих в Африке и диаспоре [11]. Она подчеркивала, что вуманизм отличается от всех феминистских движений тем, что у него другие приоритеты и «он сосредоточен на уникальном опыте, борьбе, потребностях и желаниях африканских женщин» [12].

Еще одну интерпретацию вуманизма представила нигерийская писательница Чиквенье Оконджо Огуниеме¹¹. По ее мнению, африканский вуманизм, в отличие от феминизма и афроамериканского вуманизма, в меньшей степени индивидуален, сосредоточен на семье и коллективной борьбе африканцев за свои права в мировом сообществе [13]. «Черный вуманизм – это философия, которая прославляет черные корни, идеи черной жизни ... Его идеал – единство черных людей, где у каждого есть хотя бы капля власти и он может быть «братом», «сестрой», «отцом» или «матерью» для другого» [14, p. 68–69].

Новую альтернативу феминизму предложила нигерийская писательница и поэтесса Омолара Огундипе-Лесли. В 1994 г. она представила миру стиунизм (*stiwanism*) – теорию, призывающую женщин к включению в процесс социальной трансформации мира [15]. О. Огундипе-Лесли высказалась за активное участие женщин в преобразовании Африки в равноправном партнерстве с мужчинами с целью построения гармоничного общества. Со временем О. Огундипе-Лесли несколько переосмыслила свою концепцию в сторону радикализации, добавив идею борьбы женщин за свои права и смягчив свое отношение к феминизму [16, p. 242–244].

Исследователь и политический активист из Нигерии Кэтрин Обиануджу Ачолону¹² противопоставила западному феминизму образ женщи-

¹⁰ Кленора Хадсон-Уимс (род. в 1945 г.) – афроамериканская писательница, профессор в Университете Миссури, автор теории африкана-вуманизма.

¹¹ Чиквенье Оконджо Огуниеме (род. в 1932 г.) – нигерийская писательница, профессор литературы, основатель кафедры глобальных исследований Колледжа Сары Лоуренс (Нью-Йорк).

¹² этрин Обиануджу Ачолону (1951–2014 гг.) – нигерийская писательница (игбо по происхождению), исследователь, политический активист. Была старшим специальным советником президента О. Обасанджо по вопросам искусства и культуры. В 1982 г. основала первый журнал, посвященный африканской литературе.

ны-матери. В книге «Материзм – афроцентристская альтернатива феминизму» она призывала к достижению женской свободы через проявление любви и заботы к своему ребенку, подчеркивая невозможность отделения вопросов материнства от африканской женщины. В отличие от западной женщины, которая вряд ли откажется от своей работы в пользу детей, африканская женщина не может жить без погружения в материнские хлопоты. Забота о ребенке позволяет ей выжить в патриархальном обществе. «Какой бы ни была роль Африки в глобальной перспективе, она не может быть отделена от <...> Материнского континента человечества, и не случайно материнство остается центральным направлением африканского искусства, африканской литературы...» [17, р. 3].

Нигерийско-американская писательница, профессор Обиома Немека придерживалась мнения, что африканским женщинам присущ «него-феминизм» (Nego-feminism). Него-феминизм – это разновидность феминизма, основанная на культуре переговоров, а также теория, которая выступает за феминизм «без эгоизма» и модулируется с помощью растущих местных и глобальных потребностей» [18, р. 360–361]. В основе общих ценностей во многих африканских культурах, по мнению автора, «лежат принципы переговоров, взаимных уступок, компромиссов и баланса. <...> Для [африканских] женщин мужчина – это не «другой», а часть того же человека. Каждый пол представляет собой критическую половину, составляющую человеческое целое. Ни один из полов сам по себе не является полностью завершенным. Каждый имеет и нуждается в дополнении, несмотря на то, что обладает собственными уникальными особенностями. Африканские женщины <...> склонны работать с мужчинами для достижения поставленных целей. Готовность африканских женщин вести переговоры с мужчинами даже в трудных обстоятельствах широко распространена» [18, р. 379–380].

Оригинальное направление гендерного движения – арабский или мусульманский феминизм – базируется на признании незыблемости норм шариата. В условиях соблюдения исламских традиций, таких, например, как ношение хиджаба, он обычно вызывает недоумение у многих западных женщин. Они задаются вопросами: может ли мусульманка быть феминисткой, если скрывает лицо или делит мужа с тремя другими женами? Мусульманские женщины видят в исламе источник их религиозной идентичности, обеспечивающий им возможность реализовать свои женские потребности. Если западные феминистки рассматривают хиджаб как символ подчинения и угнетения мусульманских женщин, то для исламских феминисток хиджаб – символ исламской идентичности и освобождения от западного культурного влияния. Приверженцы исламского феминизма призывают к равенству мужчин и женщин в личной и публичной сферах и стремятся к пересмотру практик и толкований, которые оставляют жен-

щину на вторых ролях, утверждая, что они противоречат предписаниям Корана [19, p. 13, 41].

Постколониальный феминизм объединил большое количество текстов, подходов и взглядов на стратегии освобождения женщин от угнетения и дискриминации. В эпоху глобализации, интеграции, транснационализации проявились стремления к универсализации направлений феминизма, без учета его исторической и географической специфики и способности продуктивно взаимодействовать с различиями; к выработке одного большого феминистского течения, которое способно свести все или почти все потребности женщин в логическую глобальную практику, выходящую за рамки узких представлений о региональной или национальной культурах.

Однако игнорирование расовой и этнической принадлежности, исторического разнообразия и региональных особенностей зачастую приводит к обратному эффекту – желанию подчеркнуть свой уникальный опыт, что приводит к формированию локализации и изоляционизма [20, с. 156]. Современная постколониальная феминистская теория эклектична, поскольку ее идеологи по-разному реагируют на многообразие социальных, региональных и национальных особенностей. В настоящее время в отношении этой специфики тиражируются множественные подходы, взятые из разных дисциплин. Отсюда очевиден вызов политкорректности и вместе с ним западному научному сообществу, в силу чего происходят кумирозация и сакрализация инаковости, возврат к экзотизму.

«Женщины» не составляют единую группу исключительно по признаку пола. Статус и роли женщин варьируются в зависимости от сложного взаимодействия между такими факторами, как этническая, социальная, культурная и религиозная принадлежности. Только глубокое осознание существования культурных различий, дифференцированный анализ феминистских теорий, зависящий от контекста, учет опыта «другого» и разных жизненных историй позволят выработать эффективные политические стратегии и применить их на практике [8, p. 347].

Ссылки

1. Африка: постколониальный дискурс / отв. ред. Т. М. Гавристова, Н. Е. Хохолькова. М.: Институт Африки РАН, 2020. 248 с.
2. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. The Post-Colonial Studies: The Key Concepts. 2nd ed. L. & N.-Y.: Routledge, 2007. 292 p.
3. Spivak G. C. French Feminism in an International Frame // Yale French Studies. 2013. N. 62. P. 154–184.
4. Spivak G. C. Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture. L.: Macmillan Education, 1988. P. 271–313.

5. Мильто А. В. Женское политическое лидерство в Сомали // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2018. №1 (43). С. 29–34.
6. Holst-Petersen K., Rutherford A. A Double Colonization: Colonial and Post-Colonial Womens' Writing. Mundelstrup, Denmark; Oxford, England: Dangaroo Press, 1986. 188 p.
7. Shiva V. War against Nature and the People of the South // Views from the South: The Effects of Globalization and the WTO on the Third World / Ed. by S. Anderson. Chicago: IL USA, 2000. P. 91–125.
8. Mohanty C. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses // Boundary 2. 1984. Vol. 12, No. 3. P. 333–358.
9. Walker A. Coming Apart // Take Back the Night: Women on Pornography / Ed. Laura Lederer. N.-Y.: W. Morrow, 1980. P. 95–104.
10. Хохолькова Н. Е. Афроцентризм в США: теория и практика социокультурных трансформаций. М.: Институт Африки РАН, 2019. 194 с.
11. Hudson-Weems C. Africana Womanism: Reclaiming Ourselves. 5th Edition. L.: Routledge, 2019. 176 p.
12. Russo S. Revue of the Womanist Reader by Layli Phillips // Feminist Teacher. 2009. Vol. 19, No. 3. P. 243–245.
13. Ogunyemi C. O. African Wo/Man Palava: The Nigerian Novel by Women. Women in Culture and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1996. 366 p.
14. Ogunyemi C. O. Womanism: The Dynamics of the Contemporary Black Female Novel in English // Signs 11. 1985. № 1. P. 63–80.
15. Ogundipe-Leslie M. Re-creating Ourselves: African Women and Critical Transformations. Trenton, New Jersey: African World Press, 1994. 262 p.
16. Alkali M., Talif R., Wan Yahya W. R., Mohd Y. Dwelling or Duelling in Possibilities: How (Ir)relevant are African Feminisms? // GEMA Online® Journal of Language Studies. 2013. Vol. 13(3), September. P. 237–253.
17. Acholonu C. Motherism: The Afrocentric Alternative to Feminism. Owerri: Afa Publications, 1995. 144 p.
18. Nnaemeka O. Nego-Feminism: Theorizing, Practicing, and Pruning Africa's Way // Signs. 2004. Vol. 29, № 2. P. 357–385.
19. Moghadam V. M. Modernizing women: Gender and social change in the Middle East. 2nd edition. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 2003. 300 p.
20. Гавристова Т. М. Нигерия – страна историй // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. № 2 (56). С. 152– 163.



Pius IX in 1846–1848 — the Liberal Pope?

K. A. Kimlenko¹

¹Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-526-531

Research article
Full text in Russian

The paper discusses the first years of the pontificate of Pius IX (1846–1878), when the newly elected head of the Catholic Church was perceived as a “liberal Pope”. On the one hand, in 1846–1848 Pius IX was the Pope who carried out reforms and announced an amnesty. On the other hand, in the same period he criticized rationalism and created censorship commissions. The paper is another attempt to answer the question whether Pius IX was indeed a “liberal” Pope at the beginning of his pontificate. Special attention is given to the Pope’s policy during 1847. It was the time when the Papal States’ population expected the continuation of the reform process. The paper raises the question of Cardinals’ impact on the Pope, as well as on the pace of reform in the Papal States. Another key issue is the response of Pius IX to the revolutionary movement in Italy. The author concludes with the significance of the Pope’s refusal to struggle against Austria for the further development of the process of Italian Unification.

Keywords: Pius IX; Papal States; Italy; reforms; revolutions of 1848–1849; neoguelphism

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kimlenka, Katsiaryna A. | E-mail: k.kimlenko@gmail.com
| Postgraduate



Пий IX в 1846–1848 гг. — папа-либерал?

Е. А. Кимленко¹

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-526-531

Научная статья

УДК 94(450+456.31)

Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются первые годы понтификата Пия IX (1846–1878), когда новоизбранного главу Католической церкви и Папского государства воспринимали как «папу-либерала». С одной стороны, Пий IX в 1846–1848 гг. – это понтифик, который провел ряд реформ и объявил амнистию, а с другой – папа, который подверг критике рационализм, создал цензурные комиссии и отказался от перспективы возглавить итальянские государства в борьбе против Австрии. Статья представляет собой попытку ответить на вопрос, действительно ли Пий IX в начале своего понтификата был «либеральным» папой.

Ключевые слова: Пий IX; Папская область; Италия; реформы; революции 1848–1849 гг.; неогвельфизм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кимленко, Екатерина Александровна | E-mail: k.kimlenko@gmail.com
Аспирант

История католической церкви полна примеров, когда после «консервативного» понтифика папскую тиару носил тот, кто имел славу «либерала». Шаги последнего, как правило, казались более прогрессивными на фоне курса его предшественника. В XIX в. эффект контраста в наибольшей степени проявился после смерти Григория XVI (1831–1846), когда на папский престол взошёл Пий IX (1846–1878).

Понтификат Григория XVI как светского государя оставил неблагоприятное впечатление у современников [1, р. 57]. 30-е – начало 40-х гг. XIX в. вошли в историю Папской области как время глубокого застоя в общественной жизни и экономическом развитии. Григорий XVI отказался от идеи создания Государственного совета, проведения реформ и даже от строительства железной дороги на территории Папской области [1, р. 51]. Результатом его консервативного курса стали беспорядки в ряде провинций Папского государства в первой половине 1840-х гг. [2, р. 10]. В итоге стиль управления Григория XVI начали критиковать не только светские лица, но и кардиналы римской Курии [3, р. 51].

Несмотря на сложное отношение современников к Григорию XVI, широко распространенным являлось представление об особой исторической роли римского папы. Еще при жизни этого понтифика большие надежды возлагались на того человека, который станет его последователем на папском престоле. От него ожидали готовности возглавить борьбу жителей Апеннинского полуострова за освобождение Италии от австрийского господства и национальное объединение. Квинтэссенцией этих идей стала доктрина неогвельфизма, нашедшая свое выражение в труде аббата Винченцо Джоберти «О моральном и гражданском первенстве итальянцев» (1843 г.). Он утверждал, что папа должен возглавить объединенную Италию. По справедливому замечанию В. Е. Язьковой, «основную роль в разработке проекта конфедерации философ отводил Папскому государству и Сардинскому королевству, полагая, что именно от согласия между Римом и Туринном зависит судьба Италии» [4, с. 96]. Идеи В. Джоберти получили дальнейшее развитие в сочинениях ряда политических мыслителей (Л. Галлеотти, Дж. Каппони, В. д'Эррико и др.) [3, р. 70].

После кончины Григория XVI перемены казались неизбежными. Среди кандидатов на папский престол на конклаве 1846 г. выделялся епископ Имола Джованни Мария Мастаи Ферретти, известный критикой действий покойного папы [5, р. 36]. Его соперником был кардинал Л. Ламбрускини, Государственный секретарь Григория XVI, от которого ожидали продолжения курса предыдущего понтифика и сохранения благоприятного отношения к Австрии. Симпатии Коллегии кардиналов оказались на стороне Дж. М. Мастаи Ферретти, т. к. они надеялись, что ему удастся установить внутренний мир в Папском государстве [6, р. 86]. Кроме того, существовало мнение, что новым понтификом не должен стать кардинал, слишком сильно связанный с бюрократическим аппаратом Святого престола. Более предпочтительной выглядела кандидатура епископа Имола, нежели Государственного секретаря Григория XVI [7, р. 141]. 16 июня 1846 г. Дж. М. Мастаи Ферретти был избран папой. Имя Пий IX он выбрал в честь Пия VII, одного из своих предшественников на посту епископа Имола.

Восприятие Пия IX как «либерального» и «национального» папы, т. е. того, кто поддерживает независимость Италии, – это один из характерных социальных феноменов середины XIX в. На вопрос, был ли Пий IX действительно «либеральным», историография дает различные ответы. Известно, однако, что первые два года своего понтификата Пий IX по меньшей мере стремился соответствовать образу папы-новатора [8, р. 645]. Тем не менее реформы, проведенные им в 1846–1848 гг., имели весьма ограниченный характер и были во многом вынужденными. Однако на фоне атмосферы, царившей в Папском государстве в конце понтификата Григория XVI, преобразования, которые осуществил его последователь на папском престоле, казались революционными и вызвали широкий общественный резонанс не только на Апеннинском полуострове, но и в Европе.

16 июля 1846 г. папа объявил амнистию. Несмотря на то что амнистия касалась исключительно тех, кто совершил политические преступления, т. е. была ограниченной, она встретила весьма положительный отклик со стороны итальянских либералов. После амнистии, однако, папа не сразу предпринял схожий по своей значимости шаг.

В ноябре 1846 г. Пий IX сформировал трикомиссию из светских и духовных лиц, которые занимались изучением вопросов уголовного и гражданского судопроизводства, муниципальной системы и бродяжничества. 5 июля 1847 г. было объявлено о создании гражданской гвардии. Это означало, что впервые за столетия понтифик поручил защиту и сохранение порядка на территории своего государства местной милиции, а не только наемным войскам. 2 октября 1847 г. Пий IX распространил на Рим некоторые законы, уже применяемые в отношении других муниципалитетов Папского государства. В Риме он стал органом местной власти, наделенным конкретными полномочиями и связанным с новой формой представительства. В состав муниципального Совета входили 100 советников, из которых только четверо являлись священниками, назначаемыми кардиналом-викарием Рима. Выборы остальных проходили на основе имущественного и профессионального ценза [3, р. 139].

12 июня 1847 г. Пий IX учредил Совет министров с консультативными функциями. Его членами стали исключительно кардиналы и прелаты – общественность выступала за проведение более глубоких реформ. В этой связи в конце 1847 г. папа решил включить в состав Совета министров светских лиц. Кроме того, в 1847 г. для разработки и обсуждения общественных преобразований Пий IX учредил Государственную Консульту, в состав которой должны были войти выдающиеся миряне, за исключением двух духовных лиц – ее президента и вице-президента.

В 1847 г. шли переговоры по проекту создания таможенной Лиги Тосканского герцогства, Сардинского королевства и Папского государства. Пий IX поддерживал идею создания Лиги, полагая, что она может стать стратегией, направленной на сдерживание и руководство процессом реформ в собственном государстве [6, р. 67]. Другими словами, Пий IX стремился сделать путь реформ настолько безопасным, насколько это было возможно.

В 1848 г., когда в Европе произошла целая серия революций, позиция Пия IX как светского государя стала менее прочной. Во многих итальянских государствах появились конституционные акты. Документ такого типа был опубликован и в Папской области 14 марта 1848 г. В соответствии с ним был создан избираемый Совет депутатов, который должен был предлагать законопроекты. Из его юрисдикции выводились церковные дела и вопросы, противоречащие канонам церкви [9].

Хотя первые годы понтификата были отмечены рядом реформ, однако Пий IX совершал шаги, которые вряд ли вписываются в образ «папы-либерала». В первой энциклике *Qui pluribus* от 1 ноября 1846 г. он подверг критике религиозную индифферентность и рационализм [10]. Пий IX вернулся к церемонии «вступления во владение городом», которая казалась устаревшей. Она представляла собой конную процессию, сопровождавшую

новоизбранного папу к базилике Сан-Джованни-ин-Латерано, его епископской кафедре. Обряд символизировал «многополярность власти папы» – правителя города, светского государя, епископа Рима и главы церкви [6, р. 39]. К шагам Пия IX, которые не соответствовали представлениям современников о папе-новаторе, относился также закон о печати (март 1847 г.). Он предполагал создание цензурных комиссий во всех основных городах Папской области и в Риме [2, р. 12]. В Риме реакция на этот шаг Пия IX была особенно негативной: на копиях, прикрепленных к городским стенам, вскоре появились гербы покойного Григория XVI [11, р. 64]. Современники полагали, что закон о печати был таким же консервативным, как законы предыдущего понтификата.

Когда линия Пия IX перестала полностью соответствовать образу «папы-либерала», то во время народных выступлений стали слышны крики не “Viva Pio IX” («Да здравствует Пий IX»), а “Viva Pio IX solo” («Да здравствует только Пий IX») [2, р. 14]. Последняя формула как бы противопоставляла папу-реформатора кардиналам-ретроградом. В. Джоберти в своей брошюре «Обращение католического философа к Пию IX» (1847 г.) также указывал на то, что кардиналы не поддерживают Пия IX в его стремлении реформировать Папское государство. При этом он верил в то, что папа, несмотря на это обстоятельство, преуспеет в изменении существовавшего политического порядка: «Напрасно некоторые малодушные, прославляя Ваши, Святейший Отец, добродетели и намерение творить добро, пытаются поставить под сомнение их [реформ. – авт.] успех, говоря, что Вы одиноки в своих стремлениях» [12, р. 9]. В целом на протяжении 1847 г. представление о том, что консервативно настроенные кардиналы препятствуют углублению реформ, продолжало укрепляться среди населения Папского государства.

Среди ближайшего окружения папы наиболее одиозной персоной считался кардинал П. Джицци, Государственный секретарь Пия IX в 1846–1847 гг. Когда папа назначил его на этот пост, то общественность рассчитывала, что он будет следовать умеренной линии, далекой от консерватизма Государственного секретаря Л. Ламбускини. Однако вскоре стало очевидно, что П. Джицци выступает против проведения реформ. Он подверг критике идею создания гражданской гвардии. Кардинал понимал, что участники многочисленных демонстраций в поддержку Пия IX не просто прославляли папу, но и ожидали от него более значительных реформ и даже введения конституции. По этим причинам П. Джицци всячески пытался сократить количество демонстраций, если не запретить их вовсе [13, р. 190]. Сам Пий IX чётко осознавал, что благосклонность населения Папского государства к его фигуре связана с ожиданием углубления реформ и упованием на ведущую роль понтифика в борьбе итальянцев за национальное единство. Он писал в марте 1847 г. кардиналу Л. Амату, что «надежды питают эту привязанность» [11, р. 44].

Речь Пия IX *Non semel* 29 апреля 1848 г. положила конец идее о создании конфедерации во главе с папой. Пий IX отказался от войны против Австрии и от перспективы возглавить конфедерацию итальянских госу-

дарств. Он заявил, что будучи «отцом всех верующих», он не может вести войну с христианским народом [14]. Эта позиция Пия IX привела к резкому падению его популярности в итальянских государствах и ознаменовала собой переход инициативы от неогвельфов к неогибеллинам в процессе объединения Италии. Недостаточно глубокие реформы Пия IX были подвергнуты жесткой критике представителями революционно-демократического крыла Рисорджименто. Проблемой для Пия IX оказалось и то, что в условиях подъема национально-освободительного движения процесс реформ было сложно остановить.

В целом шаги, предпринятые Пием IX в 1846–1848 гг., не следует воспринимать как согласие с идеей постепенного обмирщения государственного механизма и стремление радикально изменить Папское государство. Реформы начала понтификата скорее являлись попыткой провести ограниченные по своему характеру преобразования как с целью сохранения духовного влияния папы в Европе, так и геополитического присутствия Папского государства на полуострове.

Ссылки

1. Chadwick O. A. A History of the Popes 1830–1914. New York, 1998. 624 p.
2. Ara A. La fase liberale e riformatrice di Pio IX (1846–1848) // Pius IX. und der Kirchenstaat in den Jahren 1860–1870: Ein deutsch-italienisches Kolloquium. Erlangen, 1995. P. 9–25.
3. Martina G. Pio IX (1846–1850). Roma, 1974. 566 p.
4. Язькова В. Е. Пий IX: от «папы-либерала» к «узнику» либерального государства // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2013. № 2. С. 95–108.
5. Maioli G. Pio IX da vescovo a Pontefice. Modena, 1949. 138 p.
6. Veca I. Il mito di Pio IX. Storia di un papa liberale e nazionale. Roma, 2018. 309 p.
7. Chiron Y. Histoire des conclaves. Paris, 2013. 276 p.
8. Carnevale M., Caracciolo A. Lo Stato Pontificio da Martino V a Pio IX. Torino, 1978. 793 p.
9. Statuto fondamentale del governo temporale degli Stati di Chiesa Pio PP. IX // Università degli Studi di Torino. URL: <http://www.dircost.unito.it/cs/docs/chiesa1848.htm> (accessed: 05.09.2020).
10. Qui Pluribus Enciclica del Sommo Pontefice Pio IX // La Santa Sede. URL: <http://www.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/enciclica-qui-pluribus-9-novembre-1846.html> (accessed: 05.09.2020).
11. Quazza R. Pio IX e Massimo D'Azeglio nelle vicende Romane. Modena, 1954. Vol. 1: Dalle questioni interne al problema nazionale (da documenti inediti). 177 p.
12. Gioberti V. Discorso di un filosofo cattolico a Pio IX P.O.M. Roma, 1847. 15 p.
13. Martina G. I segretari di Stato di Pio IX // Mélanges de l'École française de Rome. Italie et Méditerranée. 2004. T. 116, No. 1. P. 189–197.
14. Allocuzione Non Semel del Sommo Pontefice // La Santa Sede. Pio IX. URL: <http://www.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/allocuzione-non-semel-29-aprile-1848.html> (accessed: 10.10.2020).



Topical issues of ensuring human rights on digital platforms

S.V. Simonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-532-541

Research article
Full text in Russian

The article deals with the constitutional understanding of the place modern Internet platforms play in ensuring human rights. Some problematic aspects of the topic are illustrated through the lens of Russian and foreign legal practice, which has developed in connection with the functioning of well-known digital platforms and promotion of information rights, digital security and privacy rights, freedom of speech within the boundaries of popular social networks, video hosting platforms, online services. Particular attention is paid to the analysis of the latest novelties of Russian legislation aimed at regulating the status and new grounds for responsibility of digital platforms.

The cornerstone question proposed by the author for discussion is the question of the best model of interaction between the state and digital platforms, as well as the conditions and limits of their responsibility for violations of human rights. The article analyzes the problem of inconsistency of terms of services with generally recognized standards of international human rights law, examines options for unifying the platform's policies in relation to the content published on them, examines the phenomenon of "refusal of constitutional rights by contract".

Taking into account the deduced features of digital platforms as a space for the realization of human rights, the author's view of the system of legal measures aimed at improving the standards of protecting human rights on digital platforms, is proposed as conclusions.

Keywords: digital platforms, human rights, digitalization, terms of services, Internet

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Simonova, Snezhana V. | E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Funding: Yaroslavl State University, Project VIP-014.



Актуальные вопросы обеспечения прав человека в деятельности интернет-платформ

С. В. Симонова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-532-541
УДК 342.7

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена конституционно-правовому осмыслению места современных интернет-платформ в механизме обеспечения прав человека. Отдельные проблемные аспекты темы иллюстрируются через призму российской и зарубежной юридической практики, сложившейся в связи с функционированием известных цифровых платформ и обеспечением в их границах информационных прав, прав в области цифровой безопасности и приватности, свободы слова (популярные социальные сети, видеохостинги и онлайн-сервисы). Особое внимание уделяется анализу последних новелл российского законодательства, направленных на регламентирование статуса и новых оснований ответственности цифровых платформ.

Краеугольный вопрос, предлагаемый автором к обсуждению, – вопрос об оптимальной модели взаимодействия государства и цифровых платформ, а также об условиях и пределах их ответственности за нарушения прав человека. В работе анализируется проблематика несоответствия локальных актов платформ общепризнанным стандартам международного права в области прав человека, рассматриваются варианты унификации политик платформ в отношении публикуемого на них контента, исследуется феномен «отказа от конституционных прав по контракту».

С учетом выведенных особенностей цифровых платформ как пространства реализации прав человека в качестве выводов предлагается авторский взгляд на систему юридических мер, направленных на повышение стандартов защиты прав граждан в деятельности цифровых платформ.

Ключевые слова: цифровые платформы; права человека; цифровизация; пользовательские соглашения; Интернет

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Симонова, Снежана Владимировна | E-mail: snezh-simonova@yandex.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Финансирование: ЯрГУ, проект VIP–014.

В российской науке конституционного права с каждым годом появляется все большее число исследований, выполненных на тему влияния новых цифровых технологий на сферу прав человека. В частности, всестороннему осмыслению подвергаются такие аспекты этой проблематики, как вопросы понятия и сущности цифровых прав [1, с. 9–46], защиты прав человека в сети Интернет [2, с. 143–157], эволюции традиционных прав человека в цифровую эпоху [3, с. 109–125] и ряд других смежных аспектов. Несмотря на столь активный интерес к тематике цифровых прав и «гуманистических» аспектов цифровизации, указанные вопросы практически не исследуются в разрезе концепции платформенной экономики, значение которой для сферы прав человека становится все более ощутимым.

Некоторые резонансные сюжеты, подчеркивающие колоссальное влияние политик отдельных цифровых платформ на ситуацию с обеспечением прав человека, пришлись на конец 2020 – начало 2021 года и стали катализаторами важных законодательных реформ как в России, так и за ее пределами. Прежде всего, речь идет о новых проявлениях и формах так называемой «цензуры» цифровых платформ: под этим термином, как правило, понимают действия операторов платформ по ограничению распространения материалов, в целом соответствующих национальному законодательству. Ярким примером такой практики принято считать ситуацию, связанную с блокировкой YouTube, Facebook и некоторыми иными интернет-площадками каналов и материалов отдельных российских СМИ¹. Не меньший общественный резонанс вызвала и ситуация блокировки аккаунтов бывшего Президента США социальными сетями в начале 2021 года.

Указанные выше сюжеты, вне всякого сомнения, закономерно отразились на подходах российского законодателя к регулированию деятельности интернет-платформ. Так, факты ограничения материалов российских СМИ в социальных сетях и на видеохостингах послужили катализатором принятия известного федерального закона, установившего механизм ограничения доступа к информационным ресурсам, признанным причастными к нарушениям основополагающих прав и свобод человека². В июле 2021 года были также определены правовые основы деятельности иностранных IT-компаний, ведущих деятельность в рос-

¹ Согласно статистике Роскомнадзора, к марту 2021 года ведомством было зафиксировано 37 фактов подобных ограничений. Более подробно см.: РКН насчитал 37 случаев цензуры против СМИ РФ на иностранных платформах // Интерфакс. 2021. 19 марта. URL: <https://www.interfax.ru/russia/756828> (дата обращения: 01.08.2021).

² См.: Федеральный закон от 30.12.2020 № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1, ч. I, ст. 21.

сийском сегменте сети Интернет, в частности определена их обязанность по открытию филиалов (представительств) либо российских юридических лиц, представляющих их интересы³.

Дополнительно к действующим нормативным правовым актам вопрос о регулировании статуса цифровых платформ в России в части их обязательств применительно к сфере прав человека прорабатывается на уровне большого числа законопроектов и актов «мягкого» права. В 2021 году в Государственную Думу РФ был внесен, но по состоянию на сентябрь 2021 года уже снят с рассмотрения законопроект «О российских технологических платформах»⁴, а в августе 2021 года вниманию широкой общественности были представлены разработанные ФАС России принципы работы цифровых платформ. Декларируется, что одной из важных целей разработки этих принципов служит цель обеспечения реализации конституционных прав пользователей платформ, в том числе права на получение и распространение информации, неприкосновенности частной жизни⁵.

Тот факт, что о необходимости защиты обозначенных конституционных ценностей задумывается такой государственный орган, как ФАС России, само по себе уже наводит на мысль, что в эпоху развития цифровых платформ, сервисов и экосистем вопрос обеспечения прав человека давно уже перестал являться сугубо «публичным» делом и входит в зону прямого интереса и влияния частных корпораций. В целях более обстоятельного осмысления обозначенной тенденции, крайне важно проанализировать природу цифровых платформ как пространства реализации и защиты отдельных конституционных прав личности.

Обобщая сложившиеся к настоящему времени подходы к определению цифровых платформ, можно прийти к выводу, что понятие цифровой платформы, как правило, справедливо рассматривать с позиции трех основных аспектов. Каждый из этих аспектов позволяет вычленить ключевые особенности платформ как пространства реализации конституционных прав.

Так, определением цифровой платформы как особого типа бизнес-модели, системы отношений между участниками экономической отрасли в целях снижения их транзакционных издержек, подчеркивается,

³ См.: Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, ч. I, ст. 5064.

⁴ Законопроект № 1208812-7 «О российских технологических платформах». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1208812-7> (дата обращения: 15.08.2021).

⁵ См.: Экосистемный анализ: ФАС составила пять принципов работы цифровых платформ // Официальный сайт ФАС России. URL: <https://fas.gov.ru/publications/23202> (дата обращения: 01.09.2021).

что ядро платформенной организации составляют блага, имеющие четкое конституционно-правовое осмысление, – *информация, данные граждан, их вовлеченность и социальная активность*. Особенностью экономики платформ служит то, что в границах последних создаются не столько товары или услуги, сколько пространство, где указанные товары (услуги) существуют и обмениваются, а аккумулируемые платформами блага – данные и информация – зачастую собираются в счет бесплатного использования сервисов платформ.

Не менее значимым является понимание платформ в техническом ключе как базирующейся на сетевом эффекте *системы алгоритмизированных взаимоотношений участников в единой информационной среде*. Подобная конструктивная особенность платформ влияет на осуществление прав в их границах, а также предопределяет типовые формы социального вовлечения пользователей. Алгоритмы, лежащие в основе работы цифровых платформ, предопределяют неоднозначную роль платформ для динамики общественной коммуникации. С одной стороны, платформы существенно облегчают эту коммуникацию и взаимодействие. С другой же стороны, непрозрачность и сложная архитектура цифровых платформ практически выводят их администрирование из зоны внешнего контроля: логично, что, будучи управляемыми коммерческими корпорациями, деятельность платформ отражает экономические и политические приоритеты своих администраторов.

Наконец, с юридической точки зрения широко распространенным является восприятие цифровых платформ как *информационных посредников*, монетизирующих гражданскую активность и позволяющих осуществлять поиск, получение, распространение и предоставление информации. Права и обязанности информационных посредников уже урегулированы в российском законодательстве; правда, пока – исключительно в разрезе защиты интеллектуальных прав.

Обозначенные выше особенности цифровых платформ позволяют прийти к выводу об их особой частно-публичной природе, вытекающей из высокой значимости платформ для реализации целой группы конституционных прав – права на информацию, свободу мнений, права на неприкосновенность частной жизни, социально-экономических прав и ряда других. Как частные субъекты операторы платформ определяют пределы дозволенного в своих границах. В то же время эти же субъекты выполняют значимые публичные функции по предоставлению пространства для реализации прав, оказывают целый спектр общественно значимых услуг.

Указанные тенденции оцениваются в юридических кругах неоднозначно. Не секрет, что коммерческие субъекты уже давно играют далеко

не последнюю роль в содействии реализации конституционных прав (достаточно вспомнить институт коммерческой прессы). Однако, как справедливо отмечается в зарубежной литературе, если раньше частные институты были всего лишь частью общей системы свободы выражения мнений в дополнение к политическим партиям, государственным СМИ, общественным организациям, то в настоящее время эта роль становится ведущей и трансформирующей природу механизмов общественного участия. По мнению датского исследователя Р. Ф. Йоргенсена, любое общественное обсуждение в Интернете – это коммерческий акт, часть лежащей в его основе транзакции, трансформирующей активность пользователя в доход от рекламы. Указанное составляет ядро *personal information economy* (экономики личных данных) как модели онлайн-бизнеса, получающего экономическую выгоду от управления данными, предпочтениями и активностью пользователей [4, с. 280–296].

Что интересно, владельцы цифровых платформ высоко оценивают свою роль в деле защиты прав человека, декларируя приверженность отдельным конституционным ценностям. Так, в обновленных миссиях ведущих цифровых компаний можно увидеть заявления об их стремлении сделать мир более открытым и связанным, предоставить людям возможность свободного информационного обмена, качественную и достоверную информацию, а также укрепить традиционные институты безопасности и гражданского сообщества [5, с. 42]. Достижению этих целей служат и государственные институты.

С учетом столь обширных публичных функций и задач, которые принимают на себя владельцы цифровых платформ, отметим некоторые проблемы-вызовы, выходящие на ведущий план в связи с новой ролью цифровых корпораций, и обозначим возможные варианты их решения.

1. Прежде всего, в связи с усилением роли цифровых платформ в механизме реализации большого спектра конституционных прав, высокую степень актуальности имеет *проблема несоответствия отдельных положений локальных актов цифровых платформ общепринятым международным и национальным стандартам прав человека*. Значение этих локальных актов колоссальное, ведь именно они определяют общий объем прав и обязанностей пользователей, условия доступа к сервисам платформы, правила публикации контента, ограничения распространения информации и условия обработки данных отдельных пользователей. Фактически, принимая подобные документы, цифровые платформы реализуют некие «квазиправотворческие» функции. И здесь высок соблазн разного рода злоупотреблений со стороны владельцев платформ.

В 2014–2016 годы при поддержке Совета Европы увидел свет большой аналитический доклад с результатами исследования текстов поль-

зовательских соглашений 50 онлайн-платформ на предмет их соответствия базовым правам человека в сфере приватности, свободы мнений и процессуальных гарантий. Проведя анализ, исследователи пришли к выводу, что современные terms of services регулируют не столько отношения в сфере потребления товаров и услуг платформ, сколько отношения по поводу реализации отдельных конституционных прав. Среди общих недостатков пользовательских соглашений в докладе были отмечены такие проблемы, как сложный и двусмысленный язык этих документов; большое число и объемный характер пользовательских соглашений; недостаточное регулирование прав пользователей и гарантий этих прав⁶.

Несмотря на то что указанные проблемы отмечались уже в аналитических документах образца 2016 года, в 2021 году они стоят не менее остро. Как и во многих других странах, в России одним из инструментов противодействия применению цифровыми платформами неоднозначных с позиции государства пользовательских соглашений становятся инструменты антимонопольной политики. Довольно показательным в этом плане является дело, возбужденное ФАС России весной 2021 года против Google по поводу злоупотребления YouTube доминирующим положением на рынке, ущемления прав пользователей и других участников. Поводом к возбуждению дела стали факты блокировки аккаунтов российских СМИ на видеохостинге, а основанием – жалоба на отсутствие у цифровой платформы единого подхода к удалению и блокировке контента, возможность блокировки аккаунтов по усмотрению платформы⁷.

Формально камнем преткновения государства и цифровых платформ является принципиальная разница в подходах к оценке контента, которые исповедуют интернет-игроки и государственные институты. Если мериллом оценки государства служат такие критерии, как, например, законодательные требования и права человека, то цифровые корпорации ориентируются на размытые community standards, которые не всегда четко доводятся до пользователей и предоставляют цифровым платформам широкие пределы усмотрения в оценке контента. Как следствие, отдельные материалы, в целом соответствующие национальному законодательству, могут быть признаны несовместимыми с правилами платформы и ограничены. В литературе отмечается, что для многих платформ актуальными являются такие размытые стандарты, как *безопасность, оживления сообщества, приемлемость контента, соответствие контента*

⁶ См.: Terms of Services and Human Rights: analysis of Online Platform Contracts. Second Edition / Jamila Venturini, Luiza Louzada, Marilia Maciel, Nicolo Zingales, Konstantinos Stylianou and Luca Belli. Rio de Janeiro: Revan, 2016. 152 p.

⁷ См.: Google вменяют YouTube // Официальный сайт ФАС России. URL: <https://fas.go.ru/publications/22844> (дата обращения: 01.08.2021).

пользовательским предпочтениям, польза для участников сообщества [4, с. 280–296].

Указанная выше проблема уже получила пессимистичные оценки в юридической доктрине, где было даже предложено название для феномена ограничения основополагающих прав человека пользовательскими соглашениями – *«отказ от конституционных прав по контракту»*. Таким термином предлагается именовать включение владельцами цифровых платформ в пользовательские соглашения положений, деструктивных для ядра конституционных прав [6, с. 7–8]. Поскольку платформы работают по принципу *«take it or leave it»* (использование платформ невозможно без принятия условий пользовательских соглашений), пользователи «автоматически» принимают порой невыгодные для себя и своей личной приватности «правила игры».

Сложившаяся и описанная выше практика, вне всякого сомнения, актуализирует необходимость разработки государством общих правил работы платформ, принципов их деятельности, правовых стандартов и условий ответственности за нарушения прав пользователей в их границах. Здесь мы выходим на вторую проблему, которая заключается в ограниченном арсенале государственного воздействия на платформенные корпорации.

2. Одним из значимых препятствий для безусловного внедрения общепризнанных стандартов в сфере прав человека в деятельность цифровых платформ служит *выведение последних из числа прямых адресатов императивов международного права в области прав человека*.

В целях восполнения этого пробела в течение последних десяти лет на межгосударственном уровне был принят целый ряд актов «мягкого права», носящих рекомендательный характер. В их числе – Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека ООН 2011 года, закрепившие корпоративную обязанность уважать права человека и оценивать свою деятельность с позиции этих прав, с одной стороны, и обязанность государства принять меры, направленные на соблюдение бизнесом законов и прав человека, с другой стороны. Документ приобретает особую значимость на фоне того, что большинство владельцев крупных цифровых платформ открыто заявляют о своей приверженности институту прав человека, в том числе нередко берут на себя функции защиты прав и интересов своих пользователей при рассмотрении поступающих в адрес платформ запросов об удалении определенного контента, предоставлении данных пользователей, блокировок их аккаунтов [4, с. 280–296].

Между тем более пристальный анализ политик ведущих цифровых платформ позволяет обнаружить принципиальное отличие их интерпре-

тации содержания отдельных прав человека от традиционного понимания. Например, объявляя о высоких стандартах безопасности личных данных, операторы интернет-платформ понимают *приватность* не в контексте ограничений на сбор данных своих пользователей, а как *предоставление пользователям возможности управления своими данными, определения условий их предоставления и распространения*. С учетом подобных и неких иных расхождений в трактовке базовых правовых категорий (которым сложно дать однозначную позитивную или негативную оценку) государству крайне важно вырабатывать основные «правила игры» цифровых корпораций совместно с представителями последних. В этом смысле следует приветствовать уже отмеченный выше опыт ФАС России по разработке принципов работы цифровых платформ при участии всех заинтересованных субъектов.

Исходя из анализа вышеперечисленных проблем, справедливыми видятся следующие ключевые рекомендации в целях более полного обеспечения прав человека в границах цифровых платформ.

Во-первых, крайне перспективным представляется отказ от реакционной модели взаимодействия государства с цифровыми платформами в пользу более полного развития различных форм диалоговых механизмов. В числе возможных, но далеко не единственных инструментов последней группы справедливо считать меры по взаимодействию государств с представительствами ИТ-компаний по вопросам соблюдения прав человека, поощрение принятия платформами правил, соответствующих основным международным стандартам и пр.

Во-вторых, не меньшее значение будет приобретать гибкое реагирование традиционных правовых институтов на новые реалии платформенной экономики. К примеру, в последние несколько лет стала остро ощущаться необходимость трансформации национальных подходов регулирования труда с учетом широкой практики платформенной занятости. К настоящему моменту уже сложилась определенная судебная практика, исходящая из необходимости распространения на работников платформ базовых гарантий трудового законодательства⁸, начали появляться первые национальные законы о трудовом статусе работников платформ⁹. В 2021 году отмеченная проблема также обсуждалась Европейским союзом и Международной организацией труда [7].

⁸ См.: Judgment Uber BV and others (Appellants) v Aslam and others (Respondents) given on 19 February 2021 // The Supreme Court of the United Kingdom. URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2019-0029.html> (дата обращения: 01.08.2021).

⁹ См.: Цифровые платформы: нужно ли защищать права курьеров, фрилансеров и таксистов? // EURONEWS. URL: <https://ru.euronews.com/next/2021/04/07/ru-rb-08-platform-work-master> (дата обращения: 01.08.2021).

В-третьих, в российском контексте в целях более детального регулирования статуса цифровых платформ требуется принятие ряда шагов на уровне информационного законодательства [8, с. 84–91; 9, с. 26–37]. Указанные шаги должны прежде всего развивать концепцию платформ как информационных посредников, четко определять условия и пределы их ответственности за размещаемый контент.

Ссылки

1. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 4. С. 9–46.
2. Алферова Е. В. Защита прав человека в Интернете // Государство и право в новой информационной реальности: сборник научных трудов / отв. ред. Е. В. Алферова, Д. А. Ловцов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. 268 с. С. 143–157.
3. Довгань Е. Ф. Права человека в эпоху информационных технологий // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 5. С. 109–125.
4. Jorgensen R. F. What Platforms Mean When They Talk About Human Rights? // Policy and Internet. 2017. May. P. 280–296.
5. Пибаяев И. А., Симонова С. В. Алгоритмы в механизме реализации конституционных прав и свобод: вызовы цифровой эпохи // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 31–50.
6. Human Rights in the Age of Platforms / ed. by R. F. Jorgensen. Cambridge, 2019. 392 p.
7. World Employment and Social Outlook 2021. The role of digital labour platforms in transforming the world of work (Full report) // International Labour Organisation. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2021/WCMS_771749/lang-en/index.htm (дата обращения: 01.08.2021).
8. Симонова С. В. Административно-процессуальные аспекты реализации запретов распространения информации в сети «Интернет» // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 84–91.
9. Симонова С. В. Информационная безопасность несовершеннолетних в цифровой среде: материально-правовые и процессуальные аспекты // Социально-юридическая тетрадь. 2020. № 10. С. 26–37.



Restrictions in labor law: theory of the issue and practice of application

M. V. Lushnikova¹, L. G. Dzhidzhavadze¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-542-551

Research article
Full text in Russian

The article proposes the author's approach to the definition of legal restrictions as a special technical and legal technique, which is the limits fixed in laws or other normative legal sources, the boundaries of behavior, entailing the narrowing of the subject's powers. Sectoral features characteristic of restrictions in labor law are derived. The issue of correlation of the concept of «restriction» with other related concepts: «prohibition», «exceptions», «differentiation», «discrimination» in labor law is investigated.

Keywords: limitation; guarantee; differentiation; exclusion of a party to an employment relationship; legal regulation method

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Lushnikova, Marina V. | E-mail: mvlushnikova@mail.ru
Doctor Sc. (Jurisprudence), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Dzhidzhavadze, Levan G. | E-mail: levandzhidzhavadze@yandex.ru
Graduate



Ограничения в трудовом праве: теория вопроса и практика применения

М. В. Лушникова¹, Л. Г. Джиджавадзе¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-542-551
УДК 349.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье предложен авторский подход к определению правовых ограничений как специального технико-юридического приема, представляющего собой закрепленные в законах или иных нормативных правовых источниках пределы, границы поведения, влекущие сужение правомочий субъекта. Выводятся отраслевые признаки, характерные именно для ограничений в трудовом праве. Исследуется вопрос соотношения понятия «ограничения» с иными смежными понятиями: «запретом», «исключением», «дифференциацией», «дискриминацией» в трудовом праве.

Ключевые слова: ограничение; гарантия; дифференциация; исключение стороны; трудовые отношения; метод правового регулирования

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лушникова, Марина Владимировна | E-mail: mvlushnikova@mail.ru
Доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации

Джиджавадзе, Леван Гияевич | E-mail: levandzhidzhavadze@yandex.ru
Студент магистратуры

Ограничения как правовые средства регулирования трудовых и производных отношений играют важную роль в трудовом праве; именно с их помощью зачастую осуществляются такие важные функции отрасли, как охрана труда, защита трудовых прав, дифференциация и др. Актуальность и практическая значимость данной темы исследования особенно ярко проявляется в условиях нынешней пандемии, когда остро стоит вопрос обеспечения безопасности населения, сохранения и развития экономики, социальной поддержки населения с использованием в том числе и такого правового инструментария, как ограничения и гарантии. В период панде-

мии реализуется особый порядок введения ограничений прав работодателя, к которым относятся:

- 1) установление нерабочих дней, влекущих ограничение права работодателя на привлечение работников к труду;
- 2) санитарно-эпидемиологические требования и нормативы, соблюдение которых предполагает дополнительные расходы работодателя на охрану труда;
- 3) ограничения организационного характера, проявляющиеся, например, в обязательном переводе работников на дистанционный режим работы и др.

Особенность механизма их закрепления проявляется в том, что они вводятся подзаконными нормативно-правовыми актами, в числе которых указы Президента РФ (например, Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»[1]), подзаконные акты субъектов РФ (например, акты высших должностных лиц субъектов). Ряд положений были введены актами ненормативного характера, к которым относятся рекомендации и письма Минтруда и Роспотребнадзора. Кроме этого, произошло расширение сферы совместного ведения РФ и субъектов РФ [2].

Между тем способ легального закрепления подобных ограничений на подзаконном уровне правового регулирования вызывает вопросы и требует отдельной оценки, в том числе в ключе теоретической проработки вопроса: определение «пределов ограничений», иными словами «предела пределов».

Несмотря на то что правовая конструкция «ограничений» активно используется законодателем в различных отраслях права, доктринально данный вопрос в теории права и отраслевых науках мало исследован. Поэтому для эффективного осуществления правотворческой и правоприменительной деятельности по вопросу установления и реализации ограничений в трудовом праве необходимо определить понятие и сущность ограничений в трудовом праве, выявить отраслевые особенности данного приема юридической техники, соотнести трудовые ограничения со смежными правовыми понятиями «дифференциация» и «дискриминация» в трудовом праве, а также с такими приемами и способами юридической техники, как запрет, исключение.

К вопросу об определении ограничений в праве

Не заостряя особого внимания на терминологических дискуссиях, укажем только, что в науке выделяют такие понятия, как «правовое ограничение», «ограничение в праве», «ограничение прав». Под правовым ограни-

чением обычно понимается ограничение в отдельных отраслях права, т. е. ограничения, установленные правом (юридические ограничения). Под ограничениями в праве понимается специальный технико-юридический прием, а под ограничением прав – ограничение субъективных прав [3, с. 53–54; 4, с. 367–368]. В доктрине ведется спор о соотношении данных понятий, и мнения ученых разделились. Одни считают, что данные понятия имеют разное содержание, другие считают их тождественными [5–6]. На наш взгляд, с позиций прикладного значения определения терминов и понятий в праве и устранения многозначности созвучных терминов целесообразно привести это понятие к «единому знаменателю» – понятию правовых ограничений. Вспомним крылатое выражение Аристотеля: Иметь не одно значение – значит не иметь ни одного значения.

Смеем предположить, что правовые ограничение по своему содержанию (сущности) представляет собой установленные в праве пределы реализации прав, свобод и интересов. Отметим, что целый ряд ученых вполне справедливо связывали сущностные характеристики правовых ограничений с пределами реализации прав. Так, Н. Н. Андреев рассматривает понятие «ограничение» с двух позиций: 1) ограничение субъективных прав и 2) ограничения, закрепленные в отраслях права [7]. М. Л. Давыдова понимает под ограничениями в праве сужение сферы свободы индивида, то есть ограничение прав субъекта [8, с. 145]. С. С. Алексеев понимал под ограничениями объем и границу правила, которые устанавливаются путем сужения дозволений, новых запрещений, дополнительных обязанностей. При этом к ограничительным мерам он относит запреты, обязывания, приостановления и т. п. [9, с. 67]. При этом сомнительным, дискуссионным является отнесение дополнительных обязанностей к ограничениям. Если рассмотреть правовые ограничения в ключе механизма правового регулирования в рамках способов дозволения, запрета и предписания, то, очевидно, что границы поведения (пределы) устанавливаются при реализации управомочивающих и запрещающих норм права. Вопрос возможности ограничения предписания является дискуссионным, т. к. предписание представляет императивность, то ограничение обязанностей представляется невозможным. Императивные обязывающие нормы не предполагают пределов (ограничений) обязанностей.

По форме проявления правовые ограничения являются не чем иным, как технико-юридическим приемом. В этой связи следует согласиться с Н. Н. Семенютой, которая понимает под ограничением в праве технико-юридический прием, с помощью которого осуществляется сужение или расширение объема соответствующего правила [10, с. 97].

Таким образом, правовые ограничения как единство содержания (сущности) и формы характеризуются следующими признаками:

1. Правовые ограничения внешне выражены в законах или в иных источниках права. Круг источников, в которых закреплены ограничения, зависит от того, в чьем ведении находится тот или иной вопрос в соответствии со ст. 71–73 Конституции Российской Федерации. Так, например, ограничения в уголовном праве могут устанавливаться только на федеральном уровне. Иногда некоторые ограничения могут быть установлены только нормативно-правовым актом определенной юридической силы. Так, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены исключительно на основании федерального закона, в том числе и трудовые права работников [11, с. 283];

2. Ограничения представляют собой границы поведения. Так, согласно ст. 392 ТК РФ право на разрешение индивидуального трудового спора ограничивается определенным сроком. В данном случае ограничение устанавливает временные рамки осуществления права. Еще одним примером ограничения является ч. 2 ст. 142 ТК РФ, в которой ограничивается право работника на приостановление работы при наличии определенных оснований. Так, согласно абз. 3 ч. 1 ст. 130, 137, 138 ТК РФ ограничивается право работодателя на удержание из заработной платы. В ч. 1 ст. 261 ТК РФ также установлено изъятие из запрета увольнять беременную женщину в период беременности. Но в то же время данное ограничение можно рассматривать как исключение из права беременной женщины на сохранение рабочего места. Ограничение в виде запрета установлено также в ч. 1 ст. 351.1 ТК РФ, в которой ограничивается право отдельной категории лиц осуществлять трудовую деятельность в сфере образования, воспитания. Говоря о том, что ограничения представляют некие границы поведения, необходимо разобраться, как соотносятся понятия «ограничение» и «пределы осуществления прав». Под пределами осуществления прав понимаются границы (совокупность требований), в рамках которых лицо может осуществлять реализацию или защиту своих прав [12, с. 499]. Пределы бывают общие и частные. Первые содержатся в нормах-принципах, а вторые устанавливаются нормативно-правовыми актами и связаны не только с содержанием права, но и со сроками их осуществления. В пример можно привести ч. 2 ст. 131 ТК РФ, в которой установлены количественные пределы заработной платы, выплачиваемой в натуральной форме. Подчеркнем, что ограничение, в случае когда оно сопровождается упрощающей нормой, представляет собой пределы осуществления прав;

3. Установление ограничений влечет сужение правомочий или общего правила. Их закрепление, с одной стороны, влечет уменьшение объема прав одного субъекта, но с другой – приводит к расширению объема гарантий другого субъекта и т. д. Так, например, ограничение оснований и раз-

мера удержаний из заработной платы не только является ограничением права работодателя, но и гарантией работника;

4. Ограничения по форме их реализации в праве – это специальный технико-юридический прием, представляющий собой закрепленные в законах или иных источниках права пределы, границы поведения, влекущие сужение правомочий субъекта.

Отраслевые особенности ограничений в трудовом праве (трудоправовые ограничения)

Предмет и метод трудового права определяют особенности ограничений в трудовом праве. К таковым следует отнести:

1. Оптимальное согласование интересов сторон трудовых отношений, интересов государства (ст. 1 ТК РФ) должно обеспечиваться в том числе и такими правовыми средствами, как трудоправовые ограничения. При этом ограничения в отношении одного из субъектов одновременно, как правило, выступают гарантией для другого субъекта правоотношения. На защиту прав работника ориентирована значительная часть таких ограничений. В качестве примера можно привести абз. 3 ч. 1 ст. 130 ТК РФ, ч. 1, 2, 3 ст. 138 ТК РФ и ст. 137 ТК РФ. Данными нормами ограничивается предельный размер и перечень оснований удержания из заработной платы. Примером ограничения в интересах работодателя может служить ч. 2 ст. 348.12 ТК РФ, в которой предусматриваются ограничения возможности расторжения трудового договора работником (спортсменом и тренером).

Трудоправовые ограничения устанавливаются не только в отношении прав работодателя, но и работника, а также их представителей. Так, в ч. 2 ст. 373 ТК РФ необходимость учета мотивированного мнения профсоюза ограничена 7-дневным сроком, при пропуске которого работодатель может не учитывать такое мнение;

2. Особенностью трудоправовых ограничений является и способ их установления, т. е. наличие трех уровней регулирования трудовых отношений: централизованного, коллективно-договорного и локального, и индивидуально-договорного. Данный признак выводится из п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации и ст. 5 ТК РФ. Примером ограничения прав работодателя, закрепленного на централизованном уровне, может выступать ч. 2 ст. 131 ТК РФ, в которой устанавливается ограничение предельного размера заработной платы, выплачиваемой в натуральной форме. Кроме того, ограничения прав работодателя могут содержаться в коллективном договоре и в локальных нормативных актах, а также в индивидуальном договоре. Статутные трудовые права работников могут быть ограничены исключительно федеральным законом в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Между тем, если работодатель обеспечивает работникам на коллективно-договорном, локальном,

индивидуально-договорном уровне более высокий уровень трудовых прав по сравнению с законодательным уровнем, то не исключается установление ограничений, пределов реализации этих прав работником. Однако если речь идет о трудовых правах работника, то эти ограничения должны подчиняться правилу: положение работников не может ухудшаться по сравнению с тем, которое регламентировано на предыдущем (более высоком по иерархии) уровне правового регулирования.

Трудовые ограничения и их соотношение со смежными понятиями

Для исследования природы и сущности ограничений в трудовом праве необходимо разобраться и с их соотношением со смежными понятиями. Сначала рассмотрим, как соотносятся понятия «ограничение» и «запрет» в трудовом праве. В доктрине нет на сей счет единого мнения. Большинство ученых сходятся во мнении, что ограничение и запрет – это нетождественные понятия; отличается только аргументация данной позиции. Ф. Н. Фаткуллин также подчеркивает, что запрет и ограничение – это разные правовые конструкции, приводя при этом иную аргументацию. Он считает, что запрет и ограничение являются компонентами метода правового регулирования. Если первый элемент метода направлен на полное исключение общественного отношения, то второй – на установление определенных рамок его реализации [13, с. 157]. А. В. Малько высказывает иную точку зрения, утверждая, что запрет входит в понятие «ограничение», которое для него выступает родовым [6]. Такой же позиции придерживается М. М. Султыгов, подчеркивая при этом, что запрет – это наиболее последовательно-выраженное ограничение [14, с. 7, 18]. Несмотря на то что аргументы разные, ученые сходятся во мнении, что ограничение – более широкое понятие, чем запрет.

Для ответа на вопрос о соотношении данных понятий необходимо проанализировать нормативно-правовой материал. Позиция законодателя весьма непоследовательна. В одних случаях он разводит понятия «запрет» и «ограничение», что видно из одновременного использования данных терминов (ч. 3 ст. 131 ТК РФ, ч. 4 ст. 193 ТК РФ). В других случаях законодатель, озаглавив статью «ограничение», фактически ведет речь о запрете (например, в ст. 253, 258 ТК РФ). Представляется, что понятия «запрет» и «ограничение» не тождественны друг другу, но тесно связаны между собой. В некоторых случаях с помощью запрета может выражаться ограничение. Так, например, в ч. 2 ст. 142 ТК РФ запрет приводит к изъятию из права и является ограничением права на самозащиту. Представляется, что запрет является крайней формой ограничения. Такой подход позволяет под иным углом зрения оценить юридическую технику изложения норм трудового права в ТК РФ и иных нормативно-правовых актах.

Следующим смежным понятием, которое мы рассмотрим, будет исключение. Ввиду того что ограничение и исключение являются технико-юридическим средством (приемом), они связаны между собой. Под исключением понимается дополнение или изъятие из парного с исключением правила, предусматривающего альтернативный вариант поведения [15, с. 382–383]. По целевому назначению В. М. Баранов делит исключения на ограничения и дозволения. При этом подчеркивает, что ограничение-исключение возможно только в виде изъятия из дозволения. Таким образом, он выстраивает бинарную пару: дозволение – ограничение-исключение [15, с. 389]. Исключения-ограничения автор понимает в широком и узком смысле. В узком смысле – это собственно исключения-ограничения, а в широком – к ним еще относятся исключения-запреты, исключения-обязанности. Получается, что в некоторых случаях исключение может быть выражено в форме ограничения. Считаю, что ограничение и исключение являются самостоятельными приемами юридической техники. Если следовать позиции В. М. Баранова, то под ограничения-исключения подпадает п. 2 ч. 1 ст. 89 ТК РФ и ч. 4 ст. 414 ТК РФ. Такие примеры имеются и в ТК РФ. Например, в п. 2 ч. 1 ст. 89 ТК РФ имеет место ограничение-исключение из права работника на свободный бесплатный доступ к своим персональным данным. В ч. 4 ст. 414 ТК РФ ограничивается право работодателя на невыплату заработной платы работнику, участвующему в забастовке, (в данном случае можно сказать, что имеет место такой вид исключений-ограничений, как исключения-обязывания). Проанализировав конструкцию данных норм, можно сделать вывод, что законодатель должен был сформулировать положения не как исключения, а как запрет. Ведь фактически речь идет об ограничении, выражающемся в форме запрета.

Еще одним понятием, которое следует проанализировать, является дифференциация. Под дифференциацией понимается установление различий, исключений, предпочтений и ограничений в правовом регулировании трудовых отношений отдельных категорий работников [11, с. 291]. Дифференциация является одним из принципов трудового права, который рассматривается в паре с запретом дискриминации. Но в отличие от принципа запрета дискриминации принцип дифференциации не закреплен в ст. 2 ТК РФ. Дифференциация бывает двух видов: 1) дифференциация, обусловленная особенностью труда (объективная), 2) дифференциация, основанная на заботе государства об отдельных категориях лиц (субъективная) [11, с. 531–532]. Ограничения являются средством дифференциации обоих видов. Например, в ч. 1 ст. 253 ТК РФ устанавливаются ограничения применения труда женщин на подземных и иных работах, тем самым обеспечивается субъективная дифференциация. Объективная дифференциация во вредных и опасных условиях труда обеспечивается уста-

новлением пределов рабочего времени по п. 5, 6 ч. 1 ст. 94 ТК РФ. При этом важно подчеркнуть, что дифференциация не всегда предполагает установление ограничений, она может реализовываться и путем установления привилегий и иными способами.

Следующим смежным понятием является дискриминация. Понятие дискриминации выводится из ст. 3 ТК РФ. Если соотносить дискриминацию с ограничениями, то можно подчеркнуть, что она является незаконным ограничением трудовых прав.

Таким образом, ограничения в трудовом праве обладают всеми признаками, присущими ограничениям в праве, но, кроме этого, имеют свои отраслевые особенности, обусловленные спецификой предмета и метода трудового права. Так, к признакам ограничений в трудовом праве относятся: 1) обеспечение, в том числе с помощью трудовправовых ограничений согласования интересов работников, работодателей, их представителей и государства. При этом ограничения прав одной стороны трудовых и производных правоотношений выступает гарантией прав другой стороны; 2) наличие трех уровней установления трудовправовых ограничений (нормативно-правового, коллективно-договорного (локального) и индивидуально-договорного), но в отношении работника (как наименее защищенной стороны трудового отношения) с соблюдением принципа *in favorem*. Ограничения в трудовом праве находятся в пересечении с таким понятием, как дифференциация. Запрет же – разновидность ограничений. Дискриминация же является незаконным ограничением, поэтому не входит в понятие «ограничение» в трудовом праве. Исключение также не пересекается с понятием ограничение, выступая самостоятельным приемом юридической техники.

На основе проведенного анализа можно сформулировать ряд предложений по совершенствованию трудового законодательства РФ. Так, теоретические положения, содержащиеся в данной работе, позволяют оценить законность правового механизма введения ограничений. В данной связи можно подчеркнуть следующее: изменение механизма регулирования трудовых отношений подзаконными актами и актами субъектов РФ приходит в противоречие со ст. 5 ТК РФ и ст. 6 ТК РФ в части иерархии нормативно-правовых актов и разграничения компетенции федерального и регионального законодателя. В этой связи с очевидностью назрела необходимость внести соответствующие изменения и дополнения в ст. 5 ТК РФ для случаев возникновения или угрозы возникновения чрезвычайной ситуации. Целесообразно также с учетом разделения понятий «запрет» и «ограничение» внести изменения и в редакцию ряда статей ТК РФ (например, ст. 253, 258 и др.).

Ссылки

1. Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СЗ РФ. 2020. № 14, ст. 2082.
2. Головина С. Ю. Пандемия коронавирусной инфекции (covid-19) как новый вызов трудовому праву // Трудовое право в России и за рубежом. М., 2020. С. 3–8.
3. Власенко Н. А. Ограничения в праве: природа и пути исследования // Юридическая техника: ежегодник. Вып. 12: Ограничения в праве: теория, практика, техника. Н. Новгород, 2018. С. 53–55.
4. Шабуров А. С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения»: соотношение понятий // Юридическая техника: ежегодник. Вып. 12: Ограничения в праве: теория, практика, техника. Н. Новгород, 2018. С. 365–370.
5. Макогон Б. Н. Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов: монография. М.: Юр-ВАК, 2013. 207 с.
6. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: (Теоретико-информационный аспект): автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. 40 с.
7. Андреев Ю. Н. Ограничения в гражданском праве России. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. 398 с.
8. Давыдова М. Л. Ограничительные нормативно-правовые предписания: проблема существования и классификационная характеристика // Юридическая техника: ежегодник. Вып. 12: Ограничения в праве: теория, практика, техника. Н. Новгород, 2018. С. 142–148.
9. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. 286 с.
10. Семенюта С. Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. 215 с.
11. Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: учебник: в 2 т. Т. 1: Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. М.: Статут, 2009. 877 с.
12. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2020. 1040 с.
13. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. 334 с.
14. Султыгов М. М. Запрет как метод правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. 150 с.
15. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. М.: Проспект, 2021. 648 с.



Communication with young people through normatively fixed dialogue institutions in the regions of Russia

E. A. Isaeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-552-559

Research article
Full text in Russian

The study of the regional legislation of 85 constituent entities of the Russian Federation was carried out by the author in order to identify the normatively fixed channels of communication between the state and youth at the regional level, which could make it possible through formalized institutions to carry out dialogue interaction, stimulate the desire of young people to participate in the life of society, participate in the development of the agenda in the constituent entity of Russia.

As a result, the author comes to the conclusion that the created youth governments, youth parliaments, youth public chambers and other similar institutions in the regions are not a sufficient channel for full-fledged communication with young people. Formalized platforms involve rather loyal youth in a dialogue with the authorities, leaving behind those whose opinion, attitude to the political, economic, and social decisions taken by the authorities is sometimes quite critical.

Keywords: youth, dialogue platforms, intersectoral interaction, youth civic engagement management

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Isaeva, Elena A. | E-mail: elena2000@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Funding: RFBR and EISI, Project No. 21-011-31770.



Коммуникация с молодежью через нормативно закреплённые диалоговые институты в регионах России

Е. А. Исаева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-552-559
УДК 321

Научная статья
Полный текст на русском языке

Исследование регионального законодательства 85 субъектов Российской Федерации проводилось автором с целью выявления нормативно закреплённых каналов коммуникации государства с молодежью на региональном уровне, которые бы могли давать возможность через формализованные институты осуществлять диалоговое взаимодействие, стимулировать желание молодых людей участвовать в жизни общества, выработке повестки в субъекте РФ.

В результате автор приходит к выводу, что созданные молодежные правительства, молодежные парламенты, молодежные общественные палаты и иные подобные институты в регионах не являются достаточным каналом для полноценной коммуникации с молодежью. Формализованные площадки вовлекают в диалог с властью скорее лояльную молодежь, оставляя за рамками тех, чье мнение относительно принимаемых политических, экономических, социальных решений органов власти порой довольно критично.

Ключевые слова: молодежь; диалоговые площадки; межсекторное взаимодействие; управление; гражданская активность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Исаева, Елена Александровна | E-mail: elenia2000@mail.ru
Кандидат юридических наук, доцент

Финансирование: РФФИ и ЭИСИ, проект № 21-011-31770 «Возможности и угрозы управления лояльностью молодежи в современной России».

Одной из целей молодежной политики в России, определенной в ФЗ от 30.12.2020 N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» является создание условий для участия молодежи в политической, социально-экономической, научной, спортивной и культурной жизни общества. Одним из каналов участия является совокупность диалоговых площадок, создаваемых для молодежи как на федеральном, так и региональном уровнях. К числу наиболее распространенных формализованных институций относятся молодежные парламенты (молодежные палаты), молодежные правительства, молодежные советы при органах исполнительной власти субъектов России.

Наше исследование нормативной базы 85 регионов России показало, что правовую основу для существования подобных площадки имеют подавляющее большинство субъектов. При этом в каких-то регионах есть нормативная основа для создания и деятельности и молодежного правительства и молодежного парламента (Нижегородская, Костромская, Орловская, Тамбовская, Вологодская, Ленинградская, Новгородская области, республики Коми, Марий-Эл и др.); в других – нормативный акцент сделан на какую-то одну из перечисленных форм взаимодействия (Московская, Тульская, Архангельская области, НАО, республики Башкортостан и др.); в третьих – нормативная база для формализованного политического диалога не была выявлена либо при наличии правовой базы исследуемые институты фактически не созданы. Об этом свидетельствуют, в частности, нормативные акты, регламентирующие деятельность молодежного правительства, в которые не вносились изменения с 2009 года (Воронежская область), с 2012 года (Ивановская область, Карачаево-Черкесская республика), с 2014 года (Калининградская область) и др.

Если говорить о каналах вовлечения молодежи, создания диалога с молодежными сообществами, что так необходимо для построения открытой системы гражданского общества [1, с. 113], то важными показателями являются, на наш взгляд: охват молодежи через формализованные каналы, частота коммуникаций, возможность использования канала для трансляции смыслов одной стороной и получения обратного сигнала от другой, наличие барьеров для диалога. Эти моменты также подвергались анализу в рамках проведенного исследования.

Одним из наиболее распространенных механизмов вовлечения молодежи в процесс социально-экономического развития региона, создания целостной системы отбора, подготовки и приобщения социально активных молодых людей к управленческой деятельности, повышения их правовой и политической культуры является молодежное правительство. Оно может создаваться как постоянно действующий совещательный орган при главе региона, как, например, в Вологодской, Кемеровской областях, при Правительстве субъекта, как, например, в Ленинградской, Нижегород-

ской областях. Также возможен вариант, когда молодежное правительство является консультативным органом одновременно при Главе и Правительстве, как в Чеченской Республике. В ЯНАО председателем молодежного правительства является сам Губернатор автономного округа.

В каких-то регионах, например в Смоленской области, НАО, подобный орган может носить название молодежного совета (Смоленская область) или молодежной администрации (НАО), а также молодежного экспертного совета (молодежное правительство дублеров) (Красноярский край), но из содержания нормативных актов понятно, что функционал данных постоянно действующих совещательных органов аналогичен молодежному правительству.

Нормативные акты регионов, регламентирующие формирование и деятельность молодежных правительств, по содержанию очень схожи. Есть некоторые отличия, например, в плане требуемого возраста кандидатов: от 14 до 35 лет (Ульяновская область, Кемеровская область – Кузбасс, Чувашская республика), от 16 до 35 лет (Сахалинская область), от 20 до 30 лет (Костромская область), от 18 до 25 (Новгородская область), от 18 до 30 лет включительно (Брянская, Кировская, Смоленская, Нижегородская области, Новосибирская области, Алтайский край, республика Хакасия, Чеченская республика), от 18 до 35 лет включительно (Амурская, Астраханская, Ленинградская, Владимирская области). Есть примеры установления разного возраста для членов молодежного правительства: в НАО возрастные рамки от 18 до 30 лет не распространяются на председателя, заместителя председателя и секретаря.

Региональная нормативная база зачастую не устанавливает четкой численности членов молодежного правительства, увязывая ее с количеством созданных в субъекте профильных министерств, департаментов, либо отдает на откуп субъекту, имеющему полномочия на итоговое согласование победителей конкурса. Но есть субъекты, изначально определившие предельное число будущих членов молодежного правительства либо через указание четкой цифры, либо ее предельного значения: 14 членов (ЯНАО), не более 15 человек (Ленинградская область), 15 человек (Омская, Новгородская области), не более 19 человек (Вологодская область), 20 членов (Владимирская область, Ставропольский край), не более 20 членов (Орловская область), не более 25 человек (Магаданская область), 21 человек (Алтайский край), не более 30 человек (Смоленская область), 35 человек (Тамбовская область), не более 40 человек (Хабаровский край).

Согласно статистике охвата молодежным правительством активной молодежи, можно сделать вывод скорее о точечной, не массовой работе диалоговой площадки с молодым населением региона. Причем члены и кандидаты в члены молодежных правительств – уже изначально мотивированные, активные, скорее успешные в той или иной сфере молодые люди.

В Нижегородской области для вовлечения большего числа молодежи создан Совет по делам молодежи при молодежном правительстве. Он работает как открытая площадка коммуникации молодежных министров с молодежью в целях обеспечения их участия в управлении государственными и общественными делами через проведение консультаций, предварительного обсуждения инициатив и проектов, отнесенных к компетенции министерств, а также осуществления общественного контроля за эффективностью деятельности молодежного правительства. Совет не имеет фиксированного членства. К участию в заседаниях Совета приглашаются граждане в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Данную практику расширения молодежного охвата можно оценить как положительную.

Как правило, нормативные акты закрепляют определённые схожие требования и ограничения к кандидатам в члены молодежного правительства. Практически повсеместным является требование о постоянном проживании на территории субъекта, наличие опыта создания и реализации социальных проектов. Но есть и специфические требования, к примеру подключение учетной записи в АИС «Молодежь России» (Свердловская, Владимирская области), обучение на момент конкурса в образовательных организациях высшего образования либо членство в детских или молодежных общественных организациях и объединениях (Костромская область); обучение в образовательных организациях или работа в организациях, зарегистрированных на территории субъекта или регистрация в качестве индивидуального предпринимателя на территории региона (Магаданская область); в Нижегородской области не могут быть кандидатами представители законодательных органов государственной власти и местного самоуправления, а также консультативно-совещательных органов при законодательных органах государственной власти и местного самоуправления; в Свердловской области участниками конкурса не могут являться лица, замещавшие должности членов молодежного правительства более двух сроков полномочий молодежного правительства, а также лица, являющиеся депутатами молодежного парламента Свердловской области или членами молодежной избирательной комиссии Свердловской области.

Срок полномочий молодежного правительства в регионах, как правило, составляет два года, но есть исключения, к примеру в Орловской области – три года, Кемеровской области – Кузбассе – один год.

Заседания молодежных правительств предусмотрены к проведению не реже 1 раза в квартал, но есть регионы, в частности Ульяновская область, республика Хакасия, где подобные заседания должны проводиться ежемесячно, и регионы, в частности Красноярский край, где заседания молодежного органа должны проводиться не реже двух раз в год.

Есть примеры нормативного ограничения по количеству сроков участия в правительстве. В частности, в Свердловской, Смоленской, Вологодской областях одно и то же лицо не может занимать должность члена молодежного правительства более двух сроков.

В целях создания условий для включения молодежи в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь и содействия формированию осознанной и активной гражданской позиции у молодежи уже по линии законодательных органов, по примеру Общественной молодежной палаты при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации и Палаты молодых законодателей при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, в регионах создаются молодежные парламенты. По сравнению с молодежными правительствами данные площадки уже, как правило, более многочисленные: 100 членов (республика Татарстан), 70 членов (Республика Саха (Якутия), 61 член (Нижегородская область), 60 членов (Удмуртская республика), 55 членов (Вологодская область), 52 члена (Тверская область), 50 членов (Белгородская, Самарская область, Ставропольский край), 45 членов (Брянская область), 40 человек (Волгоградская область), 38 членов (Иркутская область), 36 членов (Амурская область), 35 членов (республика Башкортостан), 34 члена (республика Марий Эл, Липецкая область), 30 членов (Оренбургская, Сахалинская, Томская области, республика Коми), 26 членов (республика Тыва), 25 членов (республика Хакасия), 24 члена (Севастополь), 23 члена (республика Алтай) и др.

По возрастному критерию для членов молодежных парламентов отличий от рамок, установленных в нормативной базе о молодежных правительствах регионов, практически нет: 18–35 лет (Белгородская, Брянская, Волгоградская, Московская, Сахалинская, Томская, Тверская области, республики Хакасия, Тыва, Коми, Адыгея и др.); 18–30 лет (Иркутская, Нижегородская области, республики Крым, Татарстан и др.); 18–31 год (Удмуртская республика и др.); 18–32 года (Камчатский край и др.); 14–30 лет (республики Саха (Якутия) и др.); 14–35 лет (Алтайский край, республика Марий Эл и др.); 16–30 лет (Воронежская область, республика Башкортостан и др.); 16–35 лет (Оренбургская, Амурская, Волгоградская области, республика Алтай и др.).

По срокам полномочий молодежные правительства и молодежные парламенты также не имеют особых расхождений. Формируются молодежные парламенты на 2 года в Белгородской, Московской, Сахалинской областях, республиках Алтай, Крым, Удмуртской республике, Севастополе; на 2,5 года – в Брянской области; на 3 года – в Иркутской, Томской областях, республиках Башкортостан, Алтай; на 5 лет – в республике Адыгея, Липецкой области. В ряде регионов, например в Алтайском крае, Волгоградской, Воронежской областях, республиках Хакасия, Тыва, Коми, Та-

тарстан, ХМАО и др., молодежный парламент создается на срок полномочий законодательного органа власти субъекта.

Сессии молодежного парламента созываются по мере необходимости, но не реже одного раза в полгода (Алтайский, Камчатский края, Вологодская область), два раза в год (республики Хакасия, Тыва, Ставропольский край, Амурская, Тверская области), четыре раза в год (республики Башкортостан, Крым, Адыгея, Саха (Якутия), Брянская, Иркутская, Московская, Томская, Липецкая, Нижегородская области), не реже трех раз в год (ХМАО), не реже 1 раза в 4 месяца (Сахалинская область), по мере необходимости (республика Коми).

Проведенное исследование показало, что буквально в единичных субъектах есть опыт создания тематических молодежных советов при органах власти. В качестве выявленных примеров можно отметить молодежный общественный совет при департаменте культуры Воронежской области; молодежный совет департамента спорта города Москвы; молодежный совет департамента инвестиционной и промышленной политики города Москвы; молодежный совет департамента финансов Вологодской области; молодежный совет при Министерстве образования и науки Республики Башкортостан; молодежный совет при Министерстве здравоохранения Республики Башкортостан; молодежный совет при Государственном комитете Республики Татарстан по архивному делу; общественный молодежный совет при Министерстве сельского хозяйства Республики Алтай; молодежный координационный совет по патриотическому воспитанию молодежи Республики Саха (Якутия) при Министерстве по делам молодежи и семейной политике Республики Саха (Якутия).

Все представленные выше площадки: молодежные правительства, молодежные парламента, молодежные советы при органах власти в субъектах России – специфичны: по сути, они изначально ориентированы на вовлечение малого количества уже успешной, интеллектуально подкованной, активной молодежи. И при хорошо поставленной работе данные институты способны дать ожидаемый от них позитивный социальный эффект для коммуникации. Но проблема в том, что, кроме упомянутых и охарактеризованных выше, в регионах нет иных нормативно закреплённых каналов взаимодействия с молодежью, которые бы могли вовлечь в системную коммуникацию широкие и разные по взглядам, интересам слои школьников, студентов, работающей молодежи и др. [2, с. 200].

Отсутствие стабильных, разнообразных, в том числе формализованных, каналов коммуникации органов власти с молодежью региона, дающих возможность услышать, почувствовать настроения молодых людей, серьезным образом влияет, на наш взгляд, на возможность реализации управленческих процессов [3, с. 151], выработки правильного вектора мероприятий молодежной политики [4, с. 039]. Даже созданные молодежные

правительства, молодежные парламенты, молодежные советы в тех регионах, где они работают, точно не являются достаточным каналом для коммуникации с молодежью. Формализованные каналы вовлекают в диалог с властью скорее лояльную молодежь, оставляя за бортом тех, чье отношение к принимаемым политическим, экономическим, социальным решениям органами власти порой довольно критично. Создание площадок и каналов, позволяющих работать с такой молодежью в регионе, является обязательным элементом реализации молодежной политики [5, с. 21], ставящей целью формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям [6–7].

Ссылки

1. Соколов А. В., Исаева Е. А. Гражданское общество в региональном измерении // *Власть*. 2015. № 1. С. 113–117.
2. Сергеев А. К., Гнатюк М. А., Гнатюк К. Ю. Молодежный парламент как форма реализации региональной молодежной политики: опыт Самарской области // *Государственное и муниципальное управление: Ученые записки*. 2018. № 2. С. 199–204.
3. Фролов А. А., Палагичева А. В. Роль государства в управлении гражданской активностью: (по результатам исследования, проведенного в Ярославской области) // *Социальные и гуманитарные знания*. 2017. Т. 3, № 2(10). С. 149–154.
4. Исаева Е. А. Нормативно закрепленные диалоговые площадки власти и общества в субъектах России: предпосылки эффективности // *Власть*. 2013. № 8. С. 39–41.
5. Головин Ю. А. Государственное управление развитием гражданской активности молодежи (по опыту Ярославской области) // *Youth World Politic*. 2016. № 1. С. 20–23.
6. Исаева Е. А., Соколов А. В., Тарусина Н. Н. О тенденциях гражданской активности: благодаря и вопреки праву // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2015. № 3 (33). С. 59–64.
7. Исаева Е. А., Соколов А. В., Тарусина Н. Н. Гражданская активность россиян: тенденции законодательства и общественной практики // *Социально-юридическая тетрадь*. 2015. № 5. С. 130–148.



Debatable aspects of constructing construction of corpus delicti in the sphere of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation)

O. G. Solovyev¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-560-567

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the features of the regulation of crimes in the field of economic activity with formal, material and truncated structures of the compositions in the 1996 Criminal Code of the Russian Federation. The author notes that the presence in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation of a significant number of criminal-legal prohibitions containing a formal type of structure of a crime is criticized in the doctrine of criminal law and does not always meet the rules of criminalization of a socially dangerous act and the needs of law enforcement practice. The absence of signs characterizing the economic consequences (damage, avoidance of losses, etc.) in many dispositions with a formal structure does not allow us to speak of the presence of the level of social danger necessary for criminalization of the illegal behavior of economic entities. A number of crimes, in our opinion, should be legally transferred to the category of administrative offenses.

The author notes that when designing complex alternative compositions, one should carefully select the necessary features with a homogeneous nature and level of public danger. Such alternative signs should be used in a situation where it is impossible to use abstract linguistic terms covering all the signs listed in the disposition. You should also avoid including false signs in alternative constructions of dispositions: repetitive, unreasonable criminologically, intersecting with other elements of crime, etc.

Keywords: criminal liability; crime; economic activity; corpus delicti; classification; formal construction; material construction; truncated construction; complex corpus delicti; crimes; integrated corpus delicti

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Solovyev, Oleg G. | E-mail: olegso1961@yandex.ru
| Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

© Solovyev O. G., 2021

This is an open access article under the CC BY license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)



Дискуссионные аспекты конструирования составов преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ)

О. Г. Соловьев¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-560-567
УДК 343.337.4

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются особенности регламентации преступлений в сфере экономической деятельности с формальными, материальными и усеченными конструкциями составов в Уголовном кодексе РФ 1996 года. Автор отмечает, что наличие в главе 22 УК РФ значительного количества уголовно-правовых запретов, содержащих формальный тип конструкции состава преступления, критикуется в доктрине уголовного права и не всегда отвечает правилам криминализации общественно-опасного деяния и потребностям правоприменительной практики. Отсутствие признаков, характеризующих экономические последствия (ущерб, избежание убытков и т. д.) во многих диспозициях с формальной конструкцией, не позволяет говорить о наличии необходимого для криминализации уровня общественной опасности противоправного поведения субъектов экономической деятельности. В этой связи ряд преступлений необходимо законодательно перевести в разряд административных проступков.

Автор отмечает, что при конструировании сложных альтернативных составов следует внимательно отбирать необходимые признаки с однородным характером и уровнем общественной опасности. Такие альтернативные признаки следует использовать в основном в ситуации, когда невозможно применять абстрактные лингвистические термины, охватывающие все перечисляемые в диспозиции признаки. Также следует избегать по возможности включения в альтернативные конструкции диспозиций ложные признаки: повторяющиеся, не обоснованные криминологически, пересекающиеся с иными составами преступлений и т. д.

Ключевые слова: уголовная ответственность; преступление; экономическая деятельность; состав преступления; классификация; формальная конструкция; материальная конструкция; усеченная конструкция; сложные составы; интегрированные составы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловьев, Олег Геннадиевич | E-mail: oleg1961@yandex.ru
Кандидат юридических наук, доцент

© Соловьев О. Г., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В отечественной уголовно-правовой доктрине принято считать, что преступлением с формальной конструкцией состава является такой способ описания деяния, при котором общественно опасные последствия не закрепляются в диспозиции нормы как обязательный признак, поэтому преступление считается оконченным с того момента, когда указанные в законе действия либо уже совершены, либо начали совершаться. Следует сказать, что большая часть деяний в главе 22 УК РФ (Преступления в сфере экономической деятельности) относятся к преступлениям с формальным составом (их более 65 % от общего числа преступлений в этой главе).

Так, к примеру, к таковым посягательствам возможно отнести: воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ч. 1 ст. 169 УК РФ); регистрацию незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ); легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174, 174.1 УК РФ); нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм (ст. 181 УК РФ); незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК РФ) и ряд других преступлений.

Наличие формальных составов преступлений в главе 22 УК РФ критически оценивается рядом ученых. Так, М. Г. Жилкин и И. А. Тихон говорят о неспособности «формальных» посягательств нанести какой-либо реальный вред охраняемым общественным отношениям [1, с. 236; 2, с. 36]. Полагаем, что данная позиция, в части некоторых преступлений, требует определенной коррекции. Поскольку вред объекту и предмету преступлений в сфере экономической деятельности в большинстве случаев причиняется путем отрицательного воздействия на структурные элементы общественных отношений, такое воздействие может подвергаться криминализации даже без учета возможных последствий. При этом негативное влияние от противоправного поведения может осуществляться не только на один конкретный элемент общественных отношений, но и одновременно на несколько элементов [3, с. 77].

В русле указанной многообъектности заметим, что как материальные, так и формальные составы преступлений бывают простыми и сложными. Простой состав преступления содержит один объект преступного посягательства, одно общественно опасное действие (бездействие), одно последствие, единую форму вины, одну цель или один мотив, которые являются обязательными для квалификации деяния как преступления. В сложном составе представлено несколько объектов преступного посягательства, несколько действий или несколько последствий, или несколько форм вины, мотивов, способов, обязательных для квалификации деяния как преступления. Примером сложного состава служит деяние, закрепленное в ст. 169 УК РФ, в диспозиции которой перечислены несколько альтернативных способов совершения преступления.

Разновидностями формального состава преступления выступают усеченные составы и составы создания опасности [4, с. 47]. В преступлениях с конструкцией усеченного состава момент окончания преступления переносится на стадию покушения или приготовления. В составах создания опасности ответственность наступает не в связи с причинением вреда, а в связи с фактом реальной угрозы его причинения. Примером усеченных составов преступлений в главе 22 УК РФ служит ст. 170.1 УК РФ «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета». Данное преступление считается оконченным уже с момента предоставления документов, содержащих заведомо ложные сведения. Диспозиция статьи 173.2 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица» также сконструирована по типу усеченного состава. К особенностям конструирования составов преступлений в главе 22 УК РФ можно, несомненно, отнести наличие минимального количества усеченных составов, а также то, что в одном составе одновременно могут быть признаки и материальной и формальной конструкции. Такая конструкция вытекает из указания в ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» или ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» на «крупный ущерб» и «крупный доход». Такие нормативные решения включаются в группу формально-материальных составов. Также ряд статей данной главы включают материальные признаки исключительно в квалифицированные составы. К примеру, часть 2 ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности» предусматривает такой признак, как причинение крупного ущерба.

Сам факт наличия такого большого количества преступлений с формальным составом в главе 22 УК РФ говорит об избыточности данных конструкций в группе посягательств в сфере экономической деятельности. Нельзя не согласиться с мнением тех ученых, которые говорят о необоснованности регламентации ряда преступлений в главе 22 УК РФ по типу формальных [5, с. 11; 6, с. 70].

Так, например, при конструировании состава ст. 169 УК РФ законодатель не стал включать в данный состав признаки причиненного вреда или мотива виновного. Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности влечет уголовную ответственность при наличии самого факта неправомерного отказа в регистрации индивидуального предпринимателя или коммерческой организации, уклонения от регистрации и т. п. Однако в таком случае стираются, размываются границы уголовной и административной ответственности и нарушаются правила межотраслевой дифференциации. Очевидно, что данное деяние по степени общественной опасности очень часто не выходит за рамки дисциплинарного или административного правонарушения.

Похожая ситуация складывается и со статьями 170 УК РФ «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом» и 181 УК РФ «Нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм». Наличие признаков уголовной ответственности за совершение вышеназванных преступлений будет присутствовать лишь в случаях реального наступления значительного либо крупного ущерба или при значительных объемах преступной деятельности (неоднократно, в крупных размерах).

Таким образом, можно сделать вывод, что составы преступлений в сфере экономической деятельности, сконструированные по типу формальных, порой не отвечают требованиям юридической техники и содержат технико-юридические дефекты. В этой связи авторы Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере [7] рекомендуют вообще отказаться от конструирования составов экономических преступлений по типу формальных. Полагаем, что эта идея пригодна не ко всем составам преступлений в главе 22 УК РФ (например, для ст. 174, 174.1, 185.5 и др.) [8, с. 179]. Однако для оптимизации норм о преступлениях в сфере экономической деятельности, несомненно, требуется перестройка в виде «материализации» деяния либо его декриминализации для целого ряда формальных, прежде всего основных, составов (ч. 1 ст. 169, ч. 1 ст. 170.1, ч. 2 ст. 170.1 и др.).

Рассмотрим несколько основных классификаций составов преступлений через призму экономических преступлений. По одной из них, производимой в зависимости от структуры закрепленного в уголовном законодательстве состава преступления, выделяются составы простые (т. е. структура которых не усложнена множественностью хотя бы одного признака, относящегося к любому элементу состава преступления, например часть 2 ст. 185.6 УК РФ, предусматривающая ответственность за «умышленное использование инсайдерской информации путем ее неправомерной передачи другому лицу» (если признавать данный состав самостоятельным) и составы сложные (где хотя бы один признак является множественным). Такие составы закреплены в подавляющем количестве норм о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Сложные составы преступлений весьма неоднородны, среди них также можно выделить отдельные виды [9, с. 30]. В зависимости от наличия (отсутствия) альтернативных или совмещенных признаков сложные составы преступлений делятся на:

а) альтернативные – составы, включающие 2 или более признака, относящиеся к одному из элементов состава преступления, любого из которых достаточно для обоснования ответственности (квалификации) по этому составу. Примеров подобных составов преступлений в гл. 22 УК РФ довольно много: например, ч. 1 ст. 173.2 УК РФ («Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица»)

описывает несколько альтернативных предметов преступления («документ, удостоверяющий личность», «доверенность»);

б) совмещенные – составы, включающие 2 или более признака, относящиеся к одному из элементов состава преступления, каждый из которых необходим для обоснования ответственности (квалификации) по этому составу. Например, состав преступления, предусмотренный ст. 190 УК РФ («Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей»), предполагает совмещенные признаки, относящиеся к действию («невозвращение», «если такое возвращение обязательно в соответствии с законодательством Российской Федерации»), предмету преступления («культурные ценности», «вывезены за пределы Российской Федерации»);

в) комбинированные – составы с альтернативными и с совмещенными признаками. Например, ч. 3 ст. 200.6 УК РФ («Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд») альтернативна в части субъекта («эксперт», «уполномоченный представитель экспертной организации»), совмещена – в отношении вины (умысел + неосторожность).

В зависимости же от наличия (отсутствия) в конструкции одного состава других составов (или состава) преступлений сложные составы делятся:

а) на интегрированные – составы, которые в своей законодательной конструкции объединяют два и более иных состава преступления. Например, квалифицированный состав, закрепленный в ч. 2 ст. 179 УК РФ («Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения») содержит одновременно как основной состав такого преступления, так и в части признака «насилие» – составы преступлений против жизни и здоровья;

б) неинтегрированные, к которым можно отнести, к примеру, ст. 200.1 УК РФ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» [9, с. 31].

Применительно к каждому из выделенных видов сложных составов преступлений есть свои правила конструирования, пренебрежение которыми зачастую рождает проблемы. Начать стоит с правил конструирования альтернативных составов преступлений. Так, во-первых, альтернативные признаки должны характеризовать однородные по своей природе разновидности криминального поведения. В том числе и по этой причине ст. 183 УК РФ не является базовой для уголовно-правовой охраны всех видов тайны. Под её защиту поставлены коммерческая, налоговая и банковская тайна, но не поставлена, например, государственная – помимо разнородного объекта преступления, государственная тайна обладает и сильно отличающимся от перечисленных видов охраняемой тайны правовым режимом, диктующим необходимость описания в законе других видов противоправного поведения, с другими пределами ответственности.

Во-вторых, альтернативные признаки должны иметь схожий между собой «заряд» общественной опасности [9, с. 32]. С этой точки зрения непра-

вильным выглядит однопорядковое перечисление в ч. 1 ст. 175 УК РФ зараннее не обещанных приобретения и сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем – сбыт явно более общественно опасен, чем приобретение.

В-третьих, альтернативные признаки должны употребляться при построении состава преступления тогда, когда при описании не удастся подобрать общего понятия для нескольких явлений либо законодатель хочет ограничить запрет лишь несколькими действиями из довольно широкого круга. В связи с этим выглядит необоснованным казуистичное употребление альтернативных признаков тогда, когда запрет можно было бы выразить более абстрактно – примером в гл. 22 УК РФ может служить ч. 1 ст. 185.5 УК РФ, которую можно было бы сформулировать и без альтернативных признаков – как «совершение незаконных действий (бездействия), направленных на захват управления в юридическом лице».

Проблемой при построении альтернативных составов преступлений является и ложная альтернативность, при которой признаки описываются как альтернативные, но на самом деле один включает в себя другой. Примером может служить ч. 1 ст. 173.1 УК РФ: «представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах», включает в себя и «образование (создание, реорганизацию) юридического лица через подставных лиц», так как последний из обозначенных процессов не может произойти без передачи данных в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Применительно к интегрированным составам преступлений чаще всего говорят о необходимости соблюдения следующих правил. Во-первых, конструируя интегративный состав преступления, следует учитывать принцип справедливости и возможности построения санкции, которая бы оптимально ему соответствовала. Например, возвращаясь к уже упоминавшемуся п. «б» ч. 2 ст. 179 УК РФ, можно увидеть, что в случае, если в результате применения такого насилия умышленно причиняется тяжкий вред здоровью, влекущий по неосторожности смерть человека, или же если смерть причиняется умышленно, санкция ч. 2 ст. 179 УК РФ явно недостаточна и требуется квалификация по совокупности преступлений [10, с. 178]. Во-вторых, при построении интегрированных составов необходимо стремиться к унификации законодательных конструкций. Так, например, в статьях гл. 22 УК РФ признак «насилие» употребляется без разделения на виды (опасное и неопасное).

Таким образом, уголовно-правовая наука выработала довольно четкие и обоснованные правила конструирования сложных составов преступлений в зависимости от их разновидности, которые не всегда соблюдаются законодателем, в том числе и при оформлении гл. 22 УК РФ, что влечет за собой

появление в теле уголовного закона многочисленных нарывов-дефектов. Исправление этих дефектов на основании научных рекомендаций – одна из основных задач уголовной политики на данный момент.

Ссылки

1. Жилкин М. Г. О роли оценки в формировании уголовно-правовых понятий // Межвузовский сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. Ч. 1: Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел. М.: Московская академия МВД России, 2001. С. 234–237.

2. Тихон И. А. Некоторые спорные вопросы, возникающие при квалификации преступлений в сфере экономики // Преемственность и новации в юридической науке: материалы научной конференции адъюнктов и соискателей. Омск: Омская академия МВД, 2005. Вып. 1. С. 37–41.

3. Соловьев О. Г., Гончарова Ю. О. Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 1. С. 76–83.

4. Иванчин А. В. Деление составов преступлений по моменту их окончания // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2017. № 4 (42). С. 46–51.

5. Бражник С. Д., Касаткина Н. Н. Лингвистические правила (языковые) правила в законодательной технике // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 10–12.

6. Иванчин А. В. Понятие техники построения уголовного законодательства // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе: сборник научных статей. Ярославль: ЯрГУ, 2001. С. 63–71.

7. Бавсун М. В., Борков В. Н., Николаев К. Д. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере: критический анализ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-modernizatsii-ugolovnogo-zakonodatelstva-v-ekonomicheskoy-sfere-kriticheskiy-analiz> (дата обращения: 30.08.2021).

8. Грузинская Е. И. Уголовная ответственность за неправомерный захват органов управления юридического лица: вопросы конструирования составов преступлений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2–3. С. 177–179.

9. Иванчин А. В. Альтернативные, интегрированные и иные сложные составы преступлений (проблемы трактовки) // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники): сборник научных статей. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 29–38.

10. Рогова Е. В. Правила построения квалифицирующих и привилегирующих признаков состава преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 172–178.



Economic solidarity as a constitutional principle of the Russian economic system

E. M. Yakimova¹

¹Baikal State University, 11 Lenin str., Irkutsk, Irkutsk region 664003, Russia

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-568-573

Research article
Full text in Russian

The constitutional regulation of the economic system of modern Russia has undergone changes in connection with the amendments to the Constitution of Russia in 2020 aimed at establishing the ideological and value component of interaction within the system business - society - state. One of the new constitutional principles was the movement towards economic solidarity. However, the content of this category to date does not have a complete understanding and unambiguous interpretation, while the category has received a wide understanding within the framework of sociology, philosophy, economics. It has been established that economic solidarity is a category of legal, has features of constitutional value and constitutional principle.

Keywords: constitutional principle; constitution; solidarity; economic basis; economic relations; rule of law; constitutional value; communicative principle

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Yakimova, EkaterinaM.	E-mail: yakimova_katerin@mail.ru
	Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Legal Support of National Security



Экономическая солидарность как конституционный принцип экономической системы России

Е. М. Якимова¹

¹Байкальский государственный университет, ул. Ленина, 11, Иркутск, 664003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-568-573
УДК 342.417

Научная статья
Полный текст на русском языке

Конституционное регулирование экономической системы современной России претерпело изменения в связи с внесением в Конституцию России поправок в 2020 г., направленных на установление идейно-ценностной компоненты взаимодействия внутри интаэросистемы бизнес — общество — государство. Одной из новых конституционных установок стало движение к достижению экономической солидарности. Вместе с тем содержательное наполнение данной категории до настоящего времени не имеет полного понимания и однозначного толкования, при этом категория получила широкое осмысление в рамках социологии, философии, экономики. Установлено, что экономическая солидарность выступает категорией правовой, имеет черты конституционной ценности и конституционного принципа.

Ключевые слова: конституционный принцип; конституция; солидарность; экономическая основа; экономические отношения; норма права; конституционная ценность; коммуникативный принцип

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Якимова, Екатерина Михайловна	E-mail: yakimova_katerin@mail.ru Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности
-------------------------------	---

Вопрос о субстанциональных характеристиках такой категории, как «конституционная ценность», и ее преломлении в текстах правовых актов является весьма сложным и многоаспектным. Безусловно, конституционные ценности всегда являлись основой для формирования модели конституционного развития и находили отражение в различных нормах конституции [1–2], причем не только в положениях, описывающих основы конституционного строя. Вместе с тем в современной России наблюдается тенденция на включение в текст Конституции категорий, имеющих признаки ценно-

© Якимова Е. М., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

сти, однако не в полной мере являющиеся правовыми категориями. Ранее подобного рода положения, причем разнородные, находили достойное место в преамбуле, что гармонично сочеталось с отсутствием у нее юридического значения. Так, в преамбуле Конституции «одновременно можно обнаружить как идеи либерального и универсального характера..., так и концепцию социальной солидарности», причем «второго в преамбуле явно больше» [3, с. 72]. Однако в результате конституционной реформы в основном тексте Конституции России появилось большое число конституционных ценностей (например, в статье 75.1 Конституции обозначены такие ценности, как создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантированность защиты достоинства граждан и уважение человека труда, сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность). Конституционная регламентация указанных категорий, как представляется, требует оценки с позиции их места в системе права: становятся ли включенные в Конституцию ценности принципами права либо они таковыми не являются. Дополнение текста Конституции России социальными ценностями не должно рассматриваться как явление техническое, поскольку, становясь нормой права конституционного значения, подобные положения приобретают статус обязательного правила поведения, имеющего специфические признаки, включая специальный механизм защиты. Особенно четкого ответа на данный вопрос требует бизнес-сообщество, поскольку «новые» положения Конституции могут существенно скорректировать основы функционирования интаэросистемы бизнес — общество — государство [4].

Понимание конституционных принципов права

Для ответа на данный вопрос необходимо четко определиться с пониманием принципа права. Представляется обоснованным полагать, что принципы права не являются «самостоятельными структурными подразделениями системы права, поскольку принципы права всегда так или иначе выражены в нормах права и сами выступают в качестве основных, исходных норм при регулировании общественных отношений. Не случайно слово «принцип» определяется в отдельных словарях не только как руководящая идея, но и как «основное правило поведения» [5, с. 159]. Таким образом, принцип права представляет собой норму права, обладающую определенными характеристиками исходной нормы, составляющую основу системы права и правового регулирования общественных отношений [5, с. 160], при этом принципы права абстрактны [6, с. 27], они не обозначают конкретики и частных.

Одной из типологий является выделение конституционных, межотраслевых (не все межотраслевые принципы являются конституционными), отраслевых принципов права. Представляется, что понимание конституционных принципов лежит более глубоко, чем их закрепление в конституциях. Появление того или иного принципа в конституциях имеет не техническое, а аксиологическое значение, поэтому конституционные принципы

столь многогранны и имеют, чаще всего, не только правовое, но и политическое значение [7, с. 218], что обусловлено тем, что любая конституционная ценность имеет признаки «социокультурной сущности, политикоправового содержания и метаюридической формы» [8, с. 23]. Конституционный принцип и конституционная ценность связаны между собой как форма и содержание (через аксиологическую направленность правовой нормы).

Таким образом, закрепление в тексте Конституции России новых норм может порождать появление как новых конституционных норм, так и новых конституционных принципов права, основанных на существовавших или выявленных конституционных ценностях. Оценка нового положения в конституционном тексте как нормы права или принципа права лежит в определении его идейно-ценностной компоненты и технико-юридического значения.

Содержание экономической солидарности как конституционного принципа экономической системы Российской Федерации

Экономическая система, как представляется, наиболее чувствительна к изменению правового регулирования в силу того, что подобного рода изменения имеют для этой системы практическое значение. Поэтому обратим внимание на те «новые» конституционные ценности, которые непосредственно относятся именно к экономической системе общества: на создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, социальное партнерство, экономическую солидарность.

Из всех «новых» конституционных принципов экономической системы Российской Федерации особый интерес представляет экономическая солидарность, поскольку отдельные ее проявления в виде ответственного ведения бизнеса еще до включения в текст Конституции имели законодательное закрепление, однако после включения соответствующих конституционных положений будут, безусловно, наполнены дополнительным содержанием.

Экономическая солидарность также является примером должного поведения участников экономических отношений. В тексте Закона о поправке к Конституции России 2020 г. категория «солидарность» употребляется два раза: в ч. 6 ст. 75 в контексте определения основ функционирования пенсионной системы через соблюдение принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений, а также в ст. 75.1 применительно к обеспечению экономической, политической и социальной солидарности. Закрепление солидарности в качестве конституционного положения обусловлено тем, что «обеспечение совместных действий людей, т. е. их взаимодополнения и согласования, — важнейшая задача государства и вообще государственности» [9, с. 142], причем «успех процесса согласования во многом определяется соотношением интересов — экономических, социальных, культурных и т. д.» [10, с. 156].

Солидарность — категория многоаспектная. Близкими по смыслу являются категории «сплоченность», «доверие», «взаимодействие», «сотруд-

ничество», «сопереживание», «интеграция». Солидарность рассматривают как моральную ценность [11, с. 255], онтологический «якорь» естественного права [12, с. 133], гуманистическое основание культуры доверия [13, с. 19], парадигмы развития современного постиндустриального общества [14, с. 9]. В целях настоящего исследования особое значение имеет такая субстанциональная характеристика солидарности, как наличие момента «приведения в согласие векторов активности различных социальных акторов» [15, с. 85], поскольку данное действие отражает достижение равновесного состояния общественной системы на определенном временном этапе, что позволяет обеспечить равновесие общественной системы не только как состояния, но и достижения сходящихся сил в рамках силового многоугольника. Государство, объявляя солидарность конституционной ценностью, берет на себя определенные социальные обязательства, однако при формировании и реализации государственной политики для реализации данной цели стоит учитывать, что «правовое демократическое государство должно регламентировать социальные отношения, стараясь не перейти ту критическую черту, за которой наступает их огосударствление, ущемление свободы, активности, инициативности, самостоятельности, подавление личности и гражданского общества политической элитой и бюрократическим аппаратом под предлогом всеобщей социальной солидарности и установление тоталитарного политического режима» [14, с. 403]. Следовательно, экономическая солидарность является скорее не предписанным правилом поведения, а его ценностным ориентиром экономических отношений, основой должной коммуникационной активности между различными субъектами экономических отношений и консолидацией общества для реализации цели создания условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан.

На основании вышеизложенного можно заключить, что конституционная реформа–2020 поставила и перед научным сообществом, и перед правоприменителями большое количество вопросов, связанных с определением идейно-ценностного содержания российской правовой системы. Если говорить лишь о конституционных принципах экономической системы, то, помимо институциональных принципов, появились иные коммуникативные принципы, представляющие собой основу непротиворечивости этических и правовых норм регулирования экономических отношений.

Представляется, что, безусловно, создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, социальное партнерство, экономическая солидарность не являются такими же принципами права, как единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств и т. п., во-первых, в силу их текстуального расположения в Конституции России, поскольку они не являются основой конституционного строя, во-вторых, в силу невозможности проверки правовых актов на соответствие Конституции России, исходя из конкретного принципа, без выявления смысла иных принципов,

составляющих основу конституционного строя. Однако в качестве конституционной ценности они закреплены и будут оказывать влияние на функционирование государства и общества современной России.

Экономическая солидарность представляет собой коммуникативный конституционный принцип, реализация которого в правовом пространстве будет носить абстрактный характер, что соответствует признакам конституционного принципа.

Ссылки

1. Данилина А. С., Бурзанов Ю. Л. Типология современных конституций в контексте равного компаративного достоинства для всех стран // *Global & Regional Research*. 2020. Т. 2, № 3. С. 129–133.
2. Слободчикова С. Н. К вопросу о конституционно-правовом понимании свободных выборов в России // *Конституционное и муниципальное право*. 2019. № 8. С. 46–49.
3. Белов С. Ценности российской Конституции в тексте и в практике её толкования // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2019. № 4 (131). С. 68–98.
4. Якимова Е. М. Концепция равновесия системы конституционного регулирования предпринимательской деятельности. М., 2020. 320 с.
5. Пьянов Н. А. Теория государства и права : учеб. пособие. Иркутск, 2014. 490 с.
6. Александров Ю. А. К вопросу о соотношении начал и принципов права // *Vaikal Research Journal*. 2014. № 6. С. 27–29.
7. Чуксина В. В., Бондаренко О. В. Права человека в контексте политико-правовой турбулентности // *Известия Байкальского государственного университета*. 2017. Т. 27, № 2. С. 218–230.
8. Бондарь Н. С. Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей // *Журнал конституционного правосудия*. 2016. № 1. С. 23–30.
9. Кистяковский Б. А. Государство правовое и социальное // *Вопросы философии*. 1990. № 6. С. 142–168.
10. Демидов А. И. Категория «политическая жизнь» как инструмент человеческого измерения политики // *Полис. Политические исследования*. 2002. № 3. С. 156–162.
11. Жалкиев В. Т. Проблема онтологического обоснования социальной солидарности // *Общество и право*. 2010. № 5 (32). С. 254–257.
12. Ивушкин А. С. Социально-экономические права в контексте теории публичного права Лона Фуллера и Джона Финниса // *Теория и практика общественного развития*. 2017. № 1. С. 132–134.
13. Кожемякина О. Н. Принцип солидарности в культуре доверия: социально-философский контекст // *Studia Humanitatis*. 2015. № 4. С. 19.
14. Алебастрова И. А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 556 с.
15. Кузьменко И. С. К вопросу об исследовании солидарности в современной социальной науке // *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. 2019. № 6 (77). С. 84–90.



Technique of war crimes regulation in the 1960 Criminal Code of the RSFSR

Yu. O. Goncharova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-574-581

Research article
Full text in Russian

The article analyses the technique of regulating war crimes in the Criminal Code of the RSFSR of 1960. The author notes the need for a retrospective analysis of the legislative technique of war crimes in order to consider this type of crime most holistically. Despite the existence of discussions in the theory of criminal law about the concept of legislative technique and the elements included in it, the author interprets legislative technique as a set of means and techniques used to give the content of legislative norms an appropriate form. This article also notes the need to distinguish the category of «war crimes» in the criminal legislation of the Russian Federation, as this term is widespread in international criminal law. The author attributes the following provisions of the Criminal Code to war crimes: Article 356 («Application of prohibited means and methods of warfare»), Article 357 («Genocide») and Article 359 («Menary»). The author conducts a comparative analysis of the legislative technique of the norms on criminal liability for war crimes of the current criminal legislation and criminal legislation of the Soviet period. From the analysis, some features of the technique of regulating war crimes of the Soviet period are revealed, namely: a) most of the elements of war crimes were designed using the casual reception of legislative equipment; b) the Soviet legislator used a direct way of presenting the norms without applying references; c) the note was used to build some formulations of war crimes, but did not. This paper also examines a number of imperfections in the technique of regulating war crimes in the 1960 Criminal Code.

Keywords: Criminal law; 1960 Criminal Code of the RSFSR; war crimes; regulatory technique; legislative equipment; means of legislative equipment; methods of legislative equipment

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Goncharova, Yulia O. | E-mail: julygoncharova97@yandex.ru
| Postgraduate



Техника регламентации военных преступлений в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года

Ю. О. Гончарова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-574-581
УДК 343.337.4

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируется техника регламентации военных преступлений в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года. Автор отмечает необходимость ретроспективного анализа законодательной техники военных преступлений для наиболее целостного рассмотрения данного вида преступлений. Несмотря на наличие дискуссий в теории уголовного права относительно понятия законодательной техники и элементов, входящих в нее, автором трактуется законодательная техника как совокупность средств и приемов, используемых для придания содержанию законодательных норм соответствующей формы. Отмечается необходимость выделения категории «военные преступления» в уголовном законодательстве Российской Федерации, так как данный термин широко распространен в международном уголовном праве. Автор относит к военным преступлениям следующие нормы УК РФ: статью 356 («Применение запрещенных средств и методов ведения войны»), статью 357 («Геноцид») и статью 359 («Наемничество»). Проводится сравнительный анализ законодательной техники норм об уголовной ответственности за военные преступления действующего уголовного законодательства и уголовного законодательства советского периода. Выявляются некоторые особенности техники регламентации военных преступлений советского периода: а) большинство составов военных преступлений сконструированы с использованием казуистического приема законодательной техники; б) советский законодатель использовал прямой способ изложения норм, не применяя отсылки; в) прием «примечание» был использован для построения некоторых составов военных преступлений, однако не совсем оправдал себя. В статье также рассматривается ряд несовершенств техники регламентации военных преступлений в Уголовном кодексе 1960 года.

Ключевые слова: уголовное право; УК РСФСР 1960 года; военные преступления; техника регламентации; законодательная техника; средства законодательной техники; приемы законодательной техники

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гончарова, Юлия Олеговна | E-mail: julygoncharova97@yandex.ru
Аспирант

© Гончарова Ю. О., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Проблемы уголовной ответственности за военные преступления, на наш взгляд, одна из самых актуальных тем в доктрине уголовного права, и при этом наименее исследованная не только в настоящее время, но и на протяжении достаточно длительного исторического периода. Война – негативное явление, которое красной нитью тянется сквозь всю историю нашего государства. К сожалению, человечество регулярно погружается в военные конфликты разной интенсивности, которые сопровождаются большим количеством военных преступлений. Думается, что для более детального и глубокого рассмотрения ответственности за преступления, совершаемые во время военных действий, необходимо отправиться назад в прошлое, рассмотреть данный институт в историческом аспекте. В предлагаемой статье речь пойдет об Уголовном кодексе РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960), и прежде всего о технико-юридических аспектах построения норм о военных преступлениях в указанном кодифицированном уголовно-правовом акте.

В первую очередь стоит отметить, что понимается под законодательной (юридической) техникой в уголовном праве. Ряд отечественных ученых при определении указанного института основное внимание уделяют практической разработанности ее основных приемов. Так, И. К. Ильин и Н. В. Морозов считают, что законодательная техника является «совокупностью определенных, выработанных опытом и проверенных практикой, приемов и методов работы по подготовке и изданию различных правовых актов нормативного и ненормативного характера» [1, с. 65–73]. По верному замечанию Д. А. Керимова, в законодательной технике тесно переплетаются элементы науки, практики и юридического мастерства [2, с. 52]. Поэтому при анализе конструирования уголовно-правовых запретов невозможно исключать фактор научной обусловленности технико-юридических приемов.

В науке уголовного права принято выделять следующие элементы законодательной техники: 1) средства, 2) приемы, 3) правила. Однако, на наш взгляд, не стоит выделять правила законодательной техники как самостоятельную единицу, так как они по своему существу «характеризуют использование технических средств и приемов, относящихся в основном к внешней форме» [3, с. 221; 4, с. 77]. По существу, правила являются факкультативным элементом технико-юридического инструментария правотворческого процесса.

Мы считаем, что законодательную технику следует определять как совокупность средств и приемов, используемых для придания содержанию законодательных норм соответствующей формы. Данная дефини-

ция лаконична и в то же время отражает все существенные характеристики определяемого понятия.

Остановимся для начала на средствах законодательной техники. Полагаем, что под средствами техники регламентации должны пониматься не явления или методы (способы), а нематериальные инструменты законодателя. В юридической литературе отсутствует единое мнение о круге таких средств. Однако мы считаем верным относить к содержанию такого элемента законодательной техники, как средства, следующие понятия: а) терминологию (языковые средства); б) презумпции; в) фикции; г) юридические конструкции; д) символы; е) аксиомы. При этом не исключаем расширение данного списка, включения в него новых юридических понятий за счет развития теории уголовного права [5, с. 70].

Не уступает в актуальности и дискуссионности вопрос о приемах законодательной техники. Так, С. С. Алексеев предлагает выделять две группы приемов: а) по степени обобщения конкретных показателей – абстрактный и казуистический; б) по способу изложения – прямой, отсылочный, бланкетный. Думается, что подобная классификация является оптимальной. В свою очередь, А. В. Иванчин под приемами понимает «способы построения нормативных предписаний, в том числе соединенные с использованием определенного средства» [6, с. 64]. К их числу автор относит приемы примечания, дефиниции, непосредственно-определенный и ссылочный приемы. Полагаем, что наиболее правильным будет относить к приемам законодательной техники следующие элементы: а) абстрактный и казуистический (по степени обобщения конкретных показателей нормы) приемы; б) непосредственно-определенный (прямой), отсылочный и бланкетный (по способу изложения) приемы; в) прием – примечание.

Далее рассмотрим вопросы конструирования норм о военных преступлениях. Отечественная наука не имеет единого подхода к пониманию военных преступлений, а современное законодательство и вовсе не содержит это понятие, несмотря на то что словосочетание «военные преступления» повсеместно встречается в международных правовых актах. Перечень военных преступлений дается в статье 6 Устава Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Данный документ относит к военным преступлениям «убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправдан-

ное военной необходимостью, и другие преступления». Исходя из этого, наиболее удачное определение круга рассматриваемых посягательств со схожим групповым объектом предложено А. В. Наумовым [7, с. 603], Н. И. Ветровым [8, с. 436], А. А. Гравиной [9, с. 427]. Указанные ученые относят к военным преступлениям деяния, предусмотренные ст. 356 («Применение запрещенных средств и методов ведения войны»), ст. 357 («Геноцид») и ст. 359 («Наемничество») УК РФ.

Стоит отметить, что в истории уголовного права до принятия ныне действующего Уголовного кодекса РФ не упоминались составы военных преступлений в том виде, в каком они существуют сейчас. К примеру, отсутствовала ответственность за геноцид и наемничество. В некоторых статьях, разбросанных по Уголовному кодексу РСФСР 1960 года, можно увидеть деяния, частично подпадающие под объективную сторону ныне действующей ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов войны». К таковым можно отнести ст. 67.1 «Применение биологического оружия», ст. 267 «Насилие над населением в районе военных действий», ст. 268 «Дурное обращение с военнопленными», ст. 269 «Незаконное ношение знаков Красного Креста и Красного Полумесяца и злоупотребление ими».

При детальном рассмотрении вышеуказанных статей можно сделать некоторые выводы. Во-первых, большинство составов военных преступлений сконструированы в УК РСФСР с использованием казуистического приема законодательной техники. Мы видим перечисление в законе всех максимально возможных действий, составляющих объективную сторону преступлений. Заметим, что в настоящее время законодатель при описании военных и иных международных преступлений в большей степени использует абстрактно-казуистический нормативный прием, перечисляя лишь несколько основных действий, составляющих объективную сторону, при этом оставляя перечень этих действий открытым.

Во-вторых, советский законодатель использовал прямой способ изложения норм, не применяя отсылок, как внешних, так и внутренних. В действующем Уголовном кодексе РФ законодатель, избегая громоздкие казуистические диспозиции, старается применять по возможности бланкетный прием конструирования составов военных преступлений, используя отсылки к нормам международного права.

В-третьих, в статье 67.2 УК РСФСР 1960 года находится примечание-дефиниция, относящееся в том числе и к рассматриваемой нами статье 67.1. В данном примечании расшифровывается понятие биологического оружия. На наш взгляд, данная дефиниция не совсем удачна, так как в ней

под биологическим оружием понимается не только само оружие (живые организмы, вирусы и т. д.), но и средства их доставки. Таким образом, происходит подмена понятий, так как средства доставки биологического оружия на понятийном уровне становятся самим биологическим оружием. В настоящее время аналогичная ст. 356 УК РФ не содержит такого приема законодательной техники, как примечание.

При анализе техники регламентации военных преступлений советского периода просматриваются некоторые недочеты и относительно средств законодательной техники. Так, например, ст. 267 УК РСФСР 1960 года называется «*Насилие над населением в районе военных действий*». В диспозиции данной статьи законодателем перечисляются действия, входящие в объективную сторону состава, а именно в понятие «насилие», для удобства правоприменения данной нормы. Однако, если посмотреть на данный перечень, то можно увидеть некую путаницу. Статья 267 выглядела следующим образом: Статья 267. Насилие над населением в районе военных действий: «Разбой, противозаконное уничтожение имущества, насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий, – наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет или смертной казнью».

В первую очередь бросается в глаза, что под насилием над населением понимаются в основном насильственные действия против собственности, а не в отношении населения. Разбой, уничтожение имущества, отобрание имущества – это все преступления, основным объектом которых являются имущественные отношения, а не личность, которая указывается в названии статьи. И лишь между этими действиями законодатель прописывает это «насилие», которое и остается нераскрытым.

Обратившись к толковому словарю С. И. Ожегова, мы видим, что под насилием понимается: 1) *Применение физической силы к кому-н. Акт насилия. Следы насилия на теле.* 2) *Принудительное воздействие на кого-н., нарушение личной неприкосновенности. Н. над личностью.* 3) *Притеснение, беззаконие (книжн.). Произвол.* [10, с. 711].

Таким образом, под насилием понимаются действия, направленные непосредственно к человеку, личности, и, следовательно, к насилию нельзя приравнять разбой, уничтожение имущества и т. д. Следовательно, советский законодатель допустил серьезную ошибку в технике регламентации ст. 267 УК РСФСР.

Далее проанализируем ст. 268 УК РСФСР 1960 года. Она выглядела следующим образом: Статья 268. *Дурное обращение с военнопленными:*

«а) Дурное обращение с военнопленными, имевшее место неоднократно, или сопряженное с особой жестокостью, или направленное против больных и раненых, а равно небрежное исполнение обязанностей в отношении больных и раненых лицами, на которых возложены лечение их и попечение о них, при отсутствии признаков более тяжкого преступления – наказываются лишением свободы на срок от одного года до трех лет;

б) дурное обращение с военнопленными без указанных отягчающих обстоятельств – влечет применение правил Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР».

Рассматривая данную статью, обращаем внимание на то, что квалифицирующие признаки находятся в части первой, соответственно, основной состав находится в части второй. Налицо очередной сбой законодательной техники и правил дифференциации ответственности, поскольку квалифицированные составы должны размещаться после основных. Стоит отметить, что другие нормы УК РСФСР сконструированы технически более оптимально, что говорит не об общей негативной тенденции в процессе конструирования составов советского уголовного законодательства о военных преступлениях, а о наличии ошибки исключительно в рассматриваемом нами составе.

Также, на наш взгляд, пробел законодательной техники при описании деяния, закрепленного в данной статье, просматривается и в том, что законодатель не указал, что понимается под дурным обращением, сам же термин выглядит достаточно абстрактно, что позволяет предугадать необоснованно широкие границы его усмотрения в судебно-следственной практике исследуемого периода.

Таким образом, можно сделать вывод, что техника регламентации уголовной ответственности за военные преступления в УК РСФСР 1960 года страдала некоторыми нормативными пробелами. Во-первых, следует отметить достаточно узкие границы уголовно-правового регулирования в сравнении с международным криминальным правом. Во-вторых, на наш взгляд, недостатком является слабое использование бланкетного приема при обрисовке исследуемых норм. В-третьих, серьезным технико-юридическим сбоем считаем наличие в нормах о военных преступлениях абстрактных, неконкретизированных терминов, которые, очевидно, вызывали сложности в процессе квалификации.

Ссылки

1. Ильин И. К., Морозов Н. В. О форме и стиле правовых актов // Советское государство и право. 1960. № 12. С. 67–69.

2. Керимов Д. А. Законодательная техника. М., 2000. 121 с.
3. Алексеев С. С. Государство и право: Начальный курс. М., 1993. 192 с.
4. Соловьев О. Г., Гончарова Ю. О. Дискуссионные аспекты определения перечня средств и приемов законодательной техники в правотворческом процессе // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, № 1. С. 76–83.
5. Соловьев О. Г. Юридические символы как средства конструирования составов преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 69–72.
6. Иванчин А. В. Понятие техники построения уголовного законодательства // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе: сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль: ЯрГУ, 2001. С. 63–71.
7. Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций: в 3 т. Т. 3: Особенная часть. 6-е изд. М., 2018. 704 с.
8. Ветров Н. И. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. М., 2000. 501 с.
9. Гравина А. А. Преступления против мира и безопасности человечества // Уголовное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. В. П. Кашепов. М.: Норма, 1999. 521 с.
10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / отв. ред. Л. И Скворцов. М.: АСТ, 2020. 1360 с.



Metacognitive processes and qualities as determinants of general management styles

A. A. Karpov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003,
Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-582-591

Research article
Full text in Russian

The article presents theoretical and empirical materials that reveal the specifics of the main parameters of the metacognitive sphere of personality as determinants of general management styles. It is shown that one of the most constructive means of such disclosure is to identify the relationship between management styles as one of the central constructs of management psychology, on the one hand, and the main metacognitive parameters (procedural, strategic and other characteristics), on the other. The regularities of the influence of metacognitive factors on the main general management styles are established. It is shown that they are characterized by different values of the indexes of integration (coherence), differentiation (divergence) and the index of general organization of the metacognitive sphere. The provisions are formulated according to which general management styles have a structural, rather than analytical determination in relation to those metacognitive factors on the basis of which they are formed.

Keywords: metacognitive sphere of personality; management activity; metasystem approach; management style; structural organization; indexes of structural organization

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov, Alexandr A. | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
Doc. Sc. (Psychology), Associate Professor

Funding: RFBR, project 19-013-0013.



Метакогнитивные процессы и качества как детерминанты общеуправленческих стилей

А. А. Карпов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-582-591
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены теоретические и эмпирические материалы, раскрывающие специфику основных параметров метакогнитивной сферы личности как детерминант общеуправленческих стилей. Показано, что одним из наиболее конструктивных средств такого раскрытия является выявление взаимосвязи стилей руководства как одного из центральных конструктов психологии менеджмента, с одной стороны, и основных метакогнитивных параметров (процессуальных, стратегических и иных характеристик) – с другой. Установлены закономерности влияния факторов метакогнитивного плана на основные общеуправленческие стили. Показано, что они характеризуются различными значениями индексов интегрированности (когерентности), дифференцированности (дивергентности) и индекса общей организованности метакогнитивной сферы. Сформулированы положения, согласно которым общеуправленческие стили имеют собственно структурную, а не аналитическую детерминацию в отношении тех метакогнитивных факторов, на основе которых они формируются.

Ключевые слова: метакогнитивная сфера личности; управленческая деятельность; метасистемный подход; стиль управления; структурная организация; индексы структурной организации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Александр Анатольевич | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
Доктор психологических наук, доцент

Финансирование: РФФИ, проект № 19-013-0013.

Постановка проблемы исследования

Среди многообразия сложившихся к настоящему моменту и интенсивно развивающихся направлений современной психологии ведущее положение занимают психологическая теория деятельности [1–5], с одной стороны, и метакогнитивизм [2, 5, 6–10], с другой. Во-первых, подобная их роль обусловлена рядом новых тенденций, свойственных психологии труда и смежным с ней дисциплинам (организационной и индустриальной психологии, психологического анализа деятельности, психологии управления и др.) на данном этапе их развития [11]. Главная из них – стремление к интеграции теоретических представлений и результатов прикладных исследований и формирование на этой основе возможной единой психологической отрасли. Во-вторых, и психологическая теория деятельности, и метакогнитивизм (и шире – метакогнитивная психология), характеризуясь высоким уровнем и темпами развития, во многом определяют и важнейшие тенденции развития психологического знания. Однако до сих пор они разрабатываются подчеркнуто автономно друг от друга, что обуславливает множество принципиальных трудностей и проблем, попытка решения которых была предпринята нами в цикле предыдущих работ [2, 5]. Принципиально важно отметить, что в этих исследованиях по отношению к рассматриваемой проблеме был реализован метасистемный подход. Именно такой общий методологический подход наиболее релевантен природе и содержанию метакогнитивной сферы личности, что было показано, в частности, в работе [2], направленной на установление закономерностей метакогнитивной регуляции деятельности управленческого типа. Наряду с этим, важно отметить, что одно из наиболее традиционных и широко представленных в психологии управления направлений – исследование стилей руководства и лидерства, а также проблема принятия решений. Обе категории фактически определяют все содержательные и процессуальные характеристики управленческой деятельности, являются, по существу, системообразующими по отношению к ней. К настоящему времени сложился целый ряд различных концептуальных подходов к разработке классификаций стилей руководства, стилей принятия управленческих решений и др., что предоставляет возможность разработки комплексных научно-исследовательских процедур. В связи с этим одним из основных этапов реализации общего цикла исследований, направленного на выявление и объяснение закономерностей, имеющих место во взаимосвязи метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности и самой этой деятельности, выступает изучение стилевых особенностей ее реализации, возникающих под де-

терминирующим воздействием факторов метакогнитивного плана. Следует учитывать, что само понятие индивидуально-стилевых различий, как правило, специфицируется до понятия общеуправленческих стилей (или стилей руководства), в результате чего обычно выделяются три «классических» стиля (авторитарный, демократический или коллегиальный и попустительский).

Организация процедуры и методы исследования

В исследовании было использовано шесть психодиагностических методик опросного типа: методика «Метакогнитивной включенности в деятельность» (Metacognitive Awareness Inventory – MAI) [7–8]; методика диагностики рефлексивности (А. В. Карпов, В. В. Пономарева), включающая субшкалы определения ретроспективной рефлексивности, рефлексии настоящего, рефлексии будущего, а также интегральную оценку развития рефлексивности [4, 8]; методика определения уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта, включающая субшкалы диагностики ауторефлексии и социорефлексии (по [6–8]); методика Д. Эверсон на диагностику меры и характера метакогнитивного мониторинга (по [6–8]); опросник степени выраженности средств антирефлексивной направленности (А. А. Карпов [5]); методика определения индивидуальной степени выраженности процессов метамышления (А. А. Карпов [5]); методика определения стиля руководства трудовым коллективом (В. П. Захарова и А. Л. Журавлева) [12–13].

Помимо этого, в исследовании был реализован отдельный блок методов математико-статистической обработки и интерпретации данных, включавший в себя коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ), метод вычисления матриц интеркорреляций, метод определения индексов структурной организации, метод экспресс- χ^2 , а также Н-критерий Краскела–Уоллиса.

В проведенном исследовании приняли участие люди, занимающие руководящие должности в организациях и принадлежащие к среднему и высшему звеньям управления. Общая выборка составила 200 человек. Первый этап исследования состоял в том, что в пределах данной выборки руководителей была проведена методика определения стиля руководства трудовым коллективом (В. П. Захарова и А. Л. Журавлева). По результатам этой психометрической процедуры вся выборка была дифференцирована по признаку принадлежности к тому или иному общеуправленческому стилю. Далее каждый испытуемый выполнил задания методик на диагностику уровня выраженности основных параметров метакогнитивной сферы личности.

Результаты исследования и их обсуждение

Вначале следует особо отметить, что в процедурном отношении исследование предполагало два отдельных, однако взаимосвязанных друг с другом этапа. Первый из них, традиционно обозначающийся как аналитический, заключался в установлении различий между исследуемыми группами испытуемых – руководителей, принадлежащих к трем общеуправленческим стилям. В этом случае нами был применен непараметрический Н-критерий Краскела–Уоллиса. По результатам его реализации можно констатировать, что различия между совокупностью результативных показателей по всем используемым в исследовании методикам оказались статистически значимы. Это означает, что на аналитическом уровне изучения метакогнитивных параметров в трех отдельных группах испытуемых-руководителей имеет место специфическая, присутствующая исключительно каждой из групп характеристики мера выраженности метакогнитивных процессов, качеств, стратегических и иных характеристик. Этот полученный результат, как мы полагаем, оказывается вполне достаточным для констатации положительного ответа о том, что метакогнитивная сфера личности у руководителей, принадлежащих к разным общеуправленческим стилям, закономерным образом претерпевает определенные и вполне очевидные особенности при сопоставлении исследуемых показателей друг с другом. Вообще, было бы не вполне логично априорно предполагать, что разные стили будут обнаруживать одинаковые характеристики. И это даже относится не только, а возможно, и не столько к метакогнитивным процессам, хотя, как показали полученные на аналитическом этапе результаты, и к ним тоже и в очень очевидной мере.

Наряду с этим, как показывает практика выполнения целого ряда схожих исследовательских процедур, аналитический этап в изучении того или иного предмета может и должен быть дополнен другим – *структурным*, который предоставляет возможности получения относительно более точных результатов и позволяет установить более широкую совокупность закономерностей. Он же в данном случае является наиболее адекватным природе изучаемого предмета – метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности. Вместе с тем зачастую имеет место очевидное несоответствие полученных на аналитическом и на структурном уровнях результатов. Вторые оказываются отличными от первых. Это, однако, не «ослабляет» общий потенциал математико-статистических критериев, а, напротив, усиливает возможности и собственно «разрешающую способность» метода структурно-психологического анализа.

Таким образом, на основании уже полученных после проведения методик результатов был реализован уже не аналитический, как в предыдущем случае, а структурный уровень исследования взаимосвязи стиля руководства и структурной организации основных параметров метакогнитивной сферы личности руководителей. Каждая из матриц вычислялась отдельно для трех групп респондентов (основание для дифференциации – общеуправленческий стиль деятельности). Были построены структурограммы метакогнитивных характеристик в каждой группе, отражающие их общую структурную организованность, а также наличие между ними значимых взаимосвязей. Далее по результатам определения данных матриц были подсчитаны индексы когерентности, дивергентности и организованности структур метакогнитивных параметров (ИКС, ИДС и ИОС). Индекс когерентности структуры параметров (ИКС) определяется как функция числа положительных значимых связей в структуре и степени их значимости; индекс дивергентности структуры (ИДС) – как функция числа и значимости отрицательных связей в структуре; индекс организованности структуры (ИОС) – как функция соотношения общего количества положительных и отрицательных связей, а также их значимости. При этом учитываются связи, значимые при $\alpha = 0,01$ и $\alpha = 0,05$; первым приписывается «весовой» коэффициент 3 балла, вторым – 2 балла. В ряде случаев учитываются и связи на $\alpha = 0,10$ (с «весовым» коэффициентом 1 балл) [2].

Таблица 1

Сводная таблица индексов структурной организации

Индексы	Стиль		
	Коллегиальный	Директивный	Попустительский
ИКС	52	27	8
ИДС	6	0	3
ИОС	46	27	5

Из таблицы 1 видно, что исследуемые общеуправленческие стили значительно различаются по всем трем структурным индексам. Так, индекс когерентности и индекс общей организованности у руководителей коллегиального стиля значительно выше, чем у представителей директивного и попустительского стилей, что свидетельствует о более высокой степени структурной организации метакогнитивной сферы у испытуемых-руководителей данной группы. Подобные результаты можно

объяснить, по нашему мнению, следующим образом: возможно, для таких руководителей наиболее эффективной является в различных сферах управленческой деятельности (коммуникативная, принятие решений и т. д.) гармоничная, структурированная представленность основных компонентов метакогнитивной сферы личности и, главным образом, высокая и выше среднего выраженность основных метакогнитивных характеристик в контексте единоличного принятия решений и принятия ответственности. Более того, сам по себе коллегиальный стиль предполагает опору на конструктивную межличностную коммуникацию, что, как мы полагаем, в существенной степени способствует усилению роли социорефлексии, метакоммуникативных процессов, повышению общего метакогнитивного потенциала структуры за счет возникновения между отдельными метакогнитивными качествами отношений синергетического типа. Кроме этого, нельзя не отметить и очевидное содержательное и даже этимологическое сходство коллегиальности принятия управленческих решений и метакогнитивных параметров. И то и другое суть категории объединяющего – синтезирующего плана. И если первое – в отношении общности и учета мнений сотрудников, то второе – относительно интегративного единства образований психического плана. Как указывается в [14], «все основные процессы и образования психики обладают очень общей и фактически фундаментальной особенностью – свойством функциональной обратимости. Они могут реализовывать свой функциональный потенциал в отношении самих же себя и тем самым подвергаться своеобразному “удвоению”». В этой связи хорошо известно, что, наряду с «первичными» (познавательными) психическими процессами, существуют и «вторичные» – метакогнитивные, которые регулируют характер и форму проявления первых. Отсюда, полагаем, проистекают и высокие интегративные возможности метакогнитивной сферы у представителей коллегиального стиля управления. Кстати говоря, эти же результаты были получены нами ранее, например в [2–3].

Директивный стиль, напротив, предполагает скорее эффективное использование отдельных – частных – метакогнитивных параметров, а не их определенным образом организованной совокупности. Иными словами, имеет место скорее аналитическая, нежели структурная, детерминация. Вместе с тем нельзя не отметить и очевидно высокую роль директивного стиля в управленческой деятельности. Мера структурной организации основных метакогнитивных параметров в этом случае хотя и уступает в количественном отношении коллегиальному стилю, но имеет объективно высокие показатели.

И наконец, отдельного внимания, полагаем, заслуживают показатели ИКС и ИОС в группе с попустительским стилем управления. Различия в структурной организации метакогнитивных параметров между стилями обусловлены *содержательными особенностями* данных стилей в контексте реализации управленческой деятельности. Именно характеристики стиля выступают в роли факторов организации метакогнитивной сферы личности управленцев. Известно, что попустительский стиль предполагает, с одной стороны, «максимум» демократии» или же «видимость демократии» (исполнители могут высказывать свои позиции, но реального учета, согласования позиций не стремятся достичь), а с другой – «минимум контроля» (даже принятые решения не выполняются, контроль за их реализацией практически отсутствует, все «пускается на самотек»). В силу этих причин закономерным образом возникает вопрос о необходимости в организованности метакогнитивных и других характеристик в принципе. Очевидное ослабление их роли не может не отразиться и на тенденциях в архитектонике структуры метакогнитивных параметров. Она дезинтегрируется, уменьшается число значимых положительных связей. Вместе с тем это происходит не потому, что руководители «не могут», скажем, эффективно применять те или иные метакогнитивные стратегии, а потому, что скорее «не хотят» этого делать, хотя вполне возможно, что такой потенциал у них имеется, однако стиль управления не требует его раскрытия.

Рассмотрим показатели индекса дивергентности (ИДС) в каждой из трех исследуемых структур. Его значение во всех случаях оказалось очень малым. Подобный результат является закономерным. Дело в том, что сама природа метакогнитивных процессов и качеств предполагает усиление ресурсных возможностей психики, ее интегративных механизмов. По этой причине можно утверждать, что именно метакогнитивные параметры выступают в качестве действенных и конструктивных средств реализации управленческой деятельности.

Заключительным этапом эмпирического исследования является реализация метода χ^2 в своем экспресс-варианте. Согласно содержанию данного метода ранжируются структурные веса всех элементов структур (трех групп). После присвоения рангов проводится корреляционный анализ каждой из структур друг с другом [2]. Таким образом, в случае получения значимых корреляций между группами испытуемых можно говорить лишь о количественных различиях между структурами и, наоборот, в случае выявления незначимых корреляционных связей следует утверждать, что различия между исследуемыми структурами качественны. Как известно, критическим значением выборочного коэффициента кор-

реляции для трех коррелируемых параметров (по В. Ю. Урбаху) является 0,72 [15]. В нашем случае в результате реализации данного метода были получены следующие результаты. Структуры метакогнитивных параметров испытуемых, принадлежащих к трем исследуемым группам руководителей, при их сопоставлении друг с другом (посредством вычисления коэффициента ранговой корреляции Спирмена) оказались гетерогенными. Иными словами, это принципиально разные структуры. Можно предположить, что этот результат является вполне закономерным, поскольку отражает разнообразие в организации метакогнитивного потенциала в зависимости от принадлежности к тому или иному общеуправленческому стилю.

Выводы

1. По результатам исследования установлено, что стили руководства имеют структурную, а не аналитическую детерминацию относительно тех метакогнитивных факторов, на основе которых они формируются.

2. Основные общеуправленческие стили значимо различаются по всем трем структурным индексам, что обусловлено характеристиками организации метакогнитивных параметров в подгруппах руководителей, дифференцированных на основании стиля деятельности.

3. Различия в структурной организации уровня выраженности параметров метакогнитивной сферы личности между стилями обусловлены их содержательными особенностями в контексте реализации управленческой деятельности.

4. Обнаруженные изменения в структурной организации основных параметров метакогнитивной сферы личности в разных подгруппах руководителей носят качественный, а не количественный характер, что свидетельствует о различиях в метакогнитивном потенциале в зависимости от принадлежности к определенному общеуправленческому стилю.

Ссылки

1. Карпов А. В. Психология деятельности: в 5 т. М.: Издательский дом РАО, 2015.

2. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 784 с.

3. Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В. Психология принятия решения в управленческой деятельности. Метасистемный подход. Ярославль: ЯрГУ; М.: Издательский дом РАО, 2016. 644 с.

4. Карпов А. В., Пономарева В. В. Психология рефлексивных механизмов управления. М.: Институт психологии РАН, 2000. 283 с.

5. Карпов А. А. Новые методики исследования метакогнитивной регуляции управленческой деятельности: учебное пособие. М.: МПСУ, 2019. 115 с.
6. Карпов А. А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 208 с.
7. Карпов А. А., Карпов А. В. Введение в метакогнитивную психологию: учебное пособие. М.: МПСУ, 2015. 512 с.
8. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. М.: ИП РАН, 2005. 325 с.
9. Metcalfe J. Evolution of metacognition / Handbook of Metamemory and Memory. New York: Psychology Press, 2008. P. 29–46. Metcalfe J. Evolution of metacognition. In J. Dunlosky, R. Bjork (Eds.), Handbook of Metamemory and Memory. New York: Psychology Press, 2008. P. 29–46.
10. Perfect T., Schwartz B. L. Applied Metacognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 220 p.
11. Карпов А. А. Современная организационная психология. М.: МПСУ, 2018. 256 с.
12. Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия. М.: ИП РАН, 2004. 474 с.
13. Козлов В. В., Мазилев В. А., Фетискин Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учебное пособие (2-е изд., доп. и перераб.). М.: МАПН; Изд-во Института психотерапии, 2018. 716 с.
14. Карпов А. А. Особенности структурно-функциональной организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности // Ярославский психологический вестник. 2019. Вып. 2 (44). М; Ярославль: Титул. С. 64–69.
15. Суходольский Г. В. Основы математической статистики для психологов: учебник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 464 с.



Relevant information in the era of a pandemic: ways of broad-casting and peculiarities of perception

E. V. Koneva¹, V. K. Solondaev¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-592-601

Research article
Full text in Russian

The choice of the subject of the article is due to the fact that numerous recent publications actively analyze the reaction of people to information about COVID-19, but do not investigate the stage of actually receiving and understanding this information by citizens. Using the example of the publication in the regional electronic edition of the telegram channel of the regional administration, some factors affecting the perception and understanding of information concerning the health of schoolchildren and teachers are studied. An empirical characteristic of the change in understanding is given when the logic of constructing a message changes – the combination of substantive and procedural logic. Possible directions for further study of the problem are formulated.

Keywords: information material; substantive logic; procedural logic; trust in information; verbal content; non-verbal content

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Koneva, Elena V. | E-mail: ev-kon@yandex.ru
| Doc. Sc. (Psychology), Professor

Solondaev, Vladimir K. | E-mail: solond@yandex.ru
| Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor



Актуальная информация в эпоху пандемии: способы трансляции и особенности восприятия

Е. В. Конева¹, В. К. Солондаев¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14,
Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-592-601
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Выбор тематики статьи обусловлен тем обстоятельством, что в многочисленных публикациях последнего времени активно анализируется реакция людей на информацию о COVID-19, но не изучается этап собственно получения и понимания этой информации. На примере публикации в региональном электронном издании исследованы некоторые факторы, влияющие на восприятие и понимание информации, которая касается здоровья школьников и педагогов. Дана эмпирическая характеристика изменения понимания при изменении логики построения сообщения – соединении субстанциальной и процессуальной логик. Сформулированы возможные направления дальнейшего изучения проблемы.

Ключевые слова: информационный материал; субстанциальная логика; процессуальная логика; доверие к информации; вербальный контент; невербальный контент

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Конева, Елена Витальевна | E-mail: ev-kon@yandex.ru
Доктор психологических наук, профессор

Солондаев, Владимир Константинович | E-mail: solond@yandex.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Процессы получения и анализа информации потребителем в условиях пандемии приобрели не только повышенное значение, но и особенности, в меньшей степени свойственные им в «доковидный» период. Среди этих особенностей разные авторы отмечают следующее. Во-первых, пережива-

© Конева Е. В., Солондаев В. К., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ние эпидемической угрозы с высокой степенью вероятности снижает доверие к информации, получаемой из СМИ и из других источников [1]. Во-вторых, потребление информации в период пандемии выполняет защитную функцию, способствуя регулированию психического состояния, в частности снижению тревоги [2]. В-третьих, уникальность современной ситуации заключается в том, что информационный фон не только выступает в роли транслятора сведений и даже не только в роли побудителя к определенным формам поведения (например, к вакцинированию), но и формирует и конструирует новые ценности [3]. Наконец, при наличии огромного информационного потока существуют значительные трудности верификации информации [4], в результате чего зафиксировано новое явление, обозначенное как инфодемия [3, 5].

Изучая особенности восприятия потребителями информации о коронавирусной инфекции, ученые закономерно обращают внимание на возможности публикаций оказать на потребителей воздействие, способное убедить их в необходимости защитных противовирусных мер, в том числе вакцинирования. Определенные формы презентации информации в большей или меньшей степени способствуют доверию потребителей к рекомендациям официальных лиц [3, 6] и, соответственно, стимулирует выполнение этих рекомендаций. При этом тематика психологического воздействия в СМИ и других источниках не исчерпывается намеренно применяемыми автором средствами. Во многих случаях актуален лозунг «не навреди», то есть при построении информации важно иметь в виду, что сообщение может оказать негативное влияние на психологическое состояние и когнитивную сферу потребителей независимо от мотивации автора.

В нашем исследовании мы преследовали **цель** выявить, каким образом воспринимается информация, опубликованная в сентябре 2020 г. в одном из региональных электронных СМИ, в сравнении с информацией того же содержания, построенной с учетом рисков негативного психологического воздействия на потребителей.

Экспериментальный материал: оригинальный и модифицированные тексты¹ (табл. 1).

Модифицированный вариант отличается от оригинального двумя деталями, отвечающими закономерностям процессуальной логики. В отличие от субстанциональной логики, в которой построено большинство официальных текстов, процессуальная логика основывается на процессах, действиях [7]. Одна логика не «лучше» и не «хуже» другой, однако восприятие и понимание текстов, построенных в разных логиках, гипотетически должно различаться.

¹ Удалены географическое название, номер образовательной организации, фамилия и имя официального лица.

Оригинальный и модифицированный тексты

Оригинальная информация	Модифицированная информация
<p>Во избежание распространения ОРВИ, ... школа № ... отправлена на карантин. В образовательной организации зафиксирован рост заболевших. В связи со сложной эпидемиологической ситуацией, а также во избежание распространения ОРВИ школьники и педагоги ушли на карантин до 5 октября, – отметила директор департамента образования ... области О переводе на дистанционное обучение речи не идет, это ограничительные меры, которые применяются при сезонном подъеме заболеваемости в целях разобщения детей и минимизации контактов. В учебную программу будут внесены поправки, чтобы скорректировать процесс. В образовательной организации будет проведена полная дезинфекция здания в противовирусном режиме с привлечением профильного предприятия. По состоянию на 28 сентября в ... школе № ... также выявлен положительный диагноз на коронавирус у 19 школьников и 3 педагогов. Полная информация о состоянии учебного процесса в регионе в связи с коронавирусом размещена на сайте департамента образования ... области.</p>	<p>... школа № ... отправлена на карантин. В образовательной организации зафиксирован рост числа острых респираторных инфекционных заболеваний. По рекомендации Роспотребнадзора школьники и педагоги ушли на карантин до 5 октября, – отметила директор департамента образования ... области В образовательной организации будет проведена полная дезинфекция здания в противовирусном режиме с привлечением профильного предприятия. Вопросы дальнейшей организации обучения будут решаться с учетом состояния здоровья учителей и учеников. К сожалению, сейчас в школе много заболевших среди учителей. Сразу начинать на время карантина дистанционное обучение с новыми для детей временными педагогами считаем нецелесообразным. Будем возвращаться к учебному процессу по мере стабилизации ситуации со здоровьем учеников и учителей школы. Мы понимаем затруднения родителей и разделяем их озабоченность учебной деятельностью детей. Но сейчас в приоритете здоровье. Как здоровье детей, так и здоровье учителей. А сложности с учебной деятельностью мы сумеем преодолеть до конца учебного года. Полная информация о состоянии учебного процесса в регионе в связи с коронавирусом размещена на сайте департамента образования ... области.</p>

Для проверки этого предположения из основного текста, во-первых, были исключены те единицы информации, которые могут провоцировать у читателей «путаницу» в уровнях обобщения: COVID-19 также относится к категории ОРВИ, а в исходном тексте эти два понятия расположены вперемешку. Во-вторых, добавлена эмоционально окрашенная информация: негативное отношение автора к происходящему; сожаление по поводу де-

зрганизации учебного процесса и выражение намерения изменить ситуацию; упоминание ценности здоровья.

Методика исследования. Испытуемым предлагалось оценить каждый из текстов по следующим параметрам: понятность информации, достоверность информации, вероятность благоприятного развития описанной ситуации в плане продолжения учебы. Кроме того, необходимо было указать, какие чувства, впечатления вызывает у испытуемых прочитанная информация.

Выборка. В опросе приняли участие 48 испытуемых – студенты факультета психологии, из них 43 женщины, 5 мужчин. Возраст испытуемых 18–20 лет.

Обработка результатов. Ответы на вопрос: «Какие чувства, впечатления вызывает у Вас прочитанная информация?» – обрабатывались с помощью частотного анализа. Отсутствие ответа также рассматривалось как единица анализа. В отдельных случаях испытуемые давали несколько ответов на вопрос. В результате по оригинальному тексту (1-я серия) было получено 50 ответов, по модифицированному (2-я серия) – 48 ответов.

Различия между результатами 1-й и 2-й серий заключаются в следующем (табл. 2).

Таблица 2

**Различия в ответах на вопрос:
«Какие чувства, впечатления вызывает у Вас прочитанная информация!»**

№	Оригинальная информация	Модифицированная информация
1.	В 10 % ответов упоминаются чувства грусти, печали	Не упоминаются чувства грусти, печали
2.	14 % ответов выражают безразличие, чувство обиденности, усталость от подобной информации или не отвечают на вопрос	Ответы, выражающие безразличие, чувство обиденности, усталость от подобной информации, отсутствуют
3.	6 % ответов содержат упрек в адрес руководителей образовательных структур, центральной власти; одобрение их действий отсутствует	Упреки в адрес каких-либо официальных структур отсутствуют; одобрение их действий выражено в 8 % ответов
4.	В 23 % ответов отмечено более высокое качество модифицированной информации: «Более легко воспринимаема, т. к. написана более неформально»; «Чувствуется забота о школьниках и педагогах и понимание трудности сложившейся ситуации»; «Благодарность за то, что в приоритете здоровье»; «Оперативное решение проблемы радует»	

Восприятие понятности информационных сообщений фиксировалось по шкале от 1 (непонятно) до 5 (полностью понятно). Средняя оценка понят-

ности первого сообщения 4,75, станд. откл. 0,56. Средняя оценка понятности второго сообщения 4,40, станд. откл. 0,81. Из оценок понятности второго сообщения каждым испытуемым вычитались оценки, данные тем же испытуемым первому сообщению; результат оценивался по критерию Вилкоксона в модификации Манна-Уитни.

Второе информационное сообщение было воспринято испытуемыми как менее понятное. Медиана разности оценок составила минус 0,999 балла; $V = 44$; $p\text{-value} = 0,02$; 95-процентный доверительный интервал разности: $[-1,5; 0,001]$.

Восприятие достоверности информационных сообщений фиксировалось по шкале от 1 (недостоверно) до 7 (полностью достоверно). Средняя оценка достоверности первого сообщения 5,19, станд. откл. 1,14. Средняя оценка достоверности второго сообщения 5,31, станд. откл. 1,41. Из оценок достоверности второго сообщения каждым испытуемым вычитались оценки, данные тем же самым испытуемым первому сообщению; результат оценивался по критерию Вилкоксона в модификации Манна-Уитни.

Воспринимаемая достоверность не изменилась. Медиана разности менее 0,001 балла; $V = 261$; $p\text{-value} = 0,55$; 95-процентный доверительный интервал разности: $[0,5; 0,99]$.

Прогноз развития событий – «Насколько вероятно, на Ваш взгляд, благоприятное развитие описанной ситуации в плане учебы?» – фиксировался по шкале от 1 (будут большие проблемы) до 7 (ученики закончат год как обычно). Средняя оценка прогноза по первому сообщению 3,63, станд. откл. 1,50. Средняя оценка прогноза по второму сообщению 5,31, станд. откл. 1,56. Из оценок прогноза на основании второго сообщения каждым испытуемым вычитались оценки прогноза, данные тем же самым испытуемым первому сообщению; результат оценивался по критерию Вилкоксона в модификации Манна-Уитни.

Прогноз на основании второго сообщения оказался значимо более благоприятным. Это можно объяснить построением текста в П-логике, картина мира которой строится из динамически текущих процессов. Медиана разности оценок составила 1 балл; $V = 319$; $p\text{-value} = 0,00$; 95-процентный доверительный интервал разности: $[0,99; 1,99]$.

Анализируя в совокупности развернутые суждения и ответы, данные испытуемыми с использованием оценочных шкал, можно заключить, что модифицированное сообщение рассматривается испытуемыми как более эмоционально позитивное и одновременно как менее понятное. Это не означает, что коммуникативная стратегия, использованная в модифицированном тексте, оказалась малоэффективной. В условиях дефицита информации иллюзорная, преждевременная ясность вводит в заблуждение больше, чем осознаваемая неопределенность, так как провоцирует неэ-

эффективное планирование. Одной из причин «непонятности» модифицированного сообщения может быть отсылка к пандемии коронавируса, которая присутствовала в нем. Несмотря на то что она была вынесена из основного текста и прямо не находилась в параллели с информацией об ОРВИ, она способствовала противоречивости транслируемых потребителю сведений. Однако базовым фактором, влияющим на оценку читателями сообщений на столь актуальную тематику, как пандемия COVID-19, по-видимому, является недоверие к официальным источникам. Согласно субстанциальной логике, если в сообщении упоминается коронавирусная инфекция, значит, информация, которая в нем содержится, связана с «коронай», следовательно, интерпретируется в контексте пандемии независимо от того, что пытается сообщить или доказать читателям автор. Уровень доверия к информации о пандемии, как показывает ряд исследований, в целом достаточно низок. Так, согласно данным, полученным в марте – апреле 2020 года [8], 31, 5 % испытуемых-студентов считают имеющуюся на тот момент информацию преувеличенной или недостоверной. Причины недоверия средствам массовой информации разнообразны и относятся к различным ее разновидностям [9–10].

Что касается большей «оптимистичности», точнее меньшей депрессогенности, модифицированного сообщения, о чем свидетельствует отсутствие в реакциях на него ответов, выражающих грусть, печаль, безразличие, чувство обиденности, усталости от подобной информации, упреков в адрес официальных структур, а также наличие одобрения их действий, то, по-видимому, данный результат необходимо анализировать с учетом социального контекста. Исследование проводилось осенью 2020 года, испытуемыми являлись первокурсники университета – недавние школьники, вновь находящиеся в условиях дистанционного обучения, вызвавшего стрессовые переживания, в частности тревогу и беспокойство. Преодолению тревоги и беспокойства способствуют сведения о процессуальной включенности авторов в описываемые ими события или явления. В модифицированном тексте включенность выражалась в соответствующих фрагментах: «К сожалению, сейчас в школе много заболевших ...» (развернутая формулировка в процессуальной логике: болезнь учителей вызывает сожаление автора сообщения – так называемого «спикера»); «Мы понимаем затруднения родителей и разделяем их озабоченность учебной детей» (авторы сообщения прогнозируют, что родители станут выражать недовольство и считают такое поведение закономерным), а также в описании действий по стабилизации ситуации: «Будем возвращаться к учебе ...»; «... сложности с учебной мы сумеем преодолеть до конца учебного года». Процессуальная логика описывает мир как течение процессов. «Будем возвращаться к учебе» озна-

чает следующее: после прояснения ситуации с ковидом органы управления образованием приступят к решению вопросов учебы.

Кроме того, на позитивную оценку модифицированного, согласно процессуальной логике, текста повлияло то обстоятельство, что в нем фигурировали люди, планирующие или совершающие некие реальные действия. А фиксация на ожидании инициативы в преодолении ситуации от других людей выступает в качестве одного из средств переживания травмы (в данном случае – травмы пандемии) [11]. Вероятно, испытуемые продемонстрировали именно эту характерную для травматического периода закономерность.

Неоднозначность полученных результатов хотя и отражает специфику ситуации, но вызывает вопросы, ответы на которые возможны в ходе дальнейших исследований данной темы. Одним из направлений может быть применение метода Келли для выявления тех конструктов, с помощью которых испытуемые характеризуют воспринимаемый материал спонтанно, не будучи ограничены заданными шкалами. Кроме того, независимо от используемых методик существуют различия в восприятии информации потребителями разных возрастных и социальных групп. Парадоксально, что при наличии работ, посвященных изучению возрастных особенностей восприятия коронавирусной инфекции как явления [12], не уделяется внимания особенностям промежуточного этапа, а именно восприятия информации об эпидемической угрозе, транслируемой СМИ. Другими словами, в цепочке событий и психологических реакций на них, которая может быть обозначена примерно как «реальность – ее отражение в СМИ – восприятие и оценка материалов СМИ – вербальный и поведенческий ответ» упущен этап восприятия и оценки. Соответственно, недостаточно данных о факторах, влияющих на этот процесс. Между тем представление о его возрастных и социально-групповых особенностях позволит повысить эффективность восприятия информации и доверие к ней в тех случаях, когда, по крайней мере в общих чертах, известна целевая аудитория информационного материала.

Кроме того, современные средства передачи информации широко используют невербальную составляющую контента, которая обладает высоковыраженным эмоциональным потенциалом. Он, в свою очередь, может преобладать над когнитивным содержанием и становиться, таким образом, определяющим компонентом сообщения или, по крайней мере, играть роль акцентировки. Так, С. Г. Давыдов со ссылкой на Ю. А. Грибер и В. В. Сухову отмечает, что существенное влияние на восприятие информации о COVID-19 оказывает сложившаяся с самого начала пандемии традиция изображения вызвавшего ее вируса: будучи по своей

природе бесцветным, он регулярно изображается как яркоокрашенный, что провоцирует негативные эмоции [13].

Возвращаясь к анализируемой нами публикации в новостном электронном издании в контексте ее невербального сопровождения, отметим, что она сопровождалась «грустными смайликами», излишне, на наш взгляд, нагружающими текст дополнительными смыслами. В любом случае и с научной и с практической точек зрения было бы важно исследовать влияние различных вариантов невербального контента в составе информационного материала на его восприятие и оценку.

В качестве вывода отметим, что восприятие сообщения, построенного в процессуальной логике, в целом кардинально не отличается от аналогичного процесса применительно к сообщению, отвечающему закономерностям субстанциональной логики, однако «процессуальное» сообщение оценивается как значимо более позитивное.

Ссылки

1. Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №. 6 (160). С. 427–447. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-predposylki-i-effekty-doveriya-sotsialnym-institutam-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения: 20.09.2021).

2. Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 2. С. 70–89. DOI: 10.17759/cpp.2020280204

3. Кубрак Т. А., Латынов В. В. Возможности и ограничения информационно-психологического воздействия в ситуации пандемии коронавируса // Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, №. 2. С. 84–114. URL: <http://soc-econpsychology.ru/engine/documents/document787.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).

4. Васильева А. В. Первая конференция по инфодемиологии ВОЗ: мультидисциплинарное сотрудничество в противодействии дезинформации в период пандемии COVID – 19 // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2020. №. 3. С. 93–95. DOI: 10.31363/2313-7053-2020-3-93-95

5. Раренко А. А., Воронцова В. О. Инфодемия в COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/infodemiya-v-usloviyah-pandemii-covid-19> (дата обращения: 20.09.2021).

6. Chou W. Y. S., Budenz A. Considering emotion in COVID-19 vaccine communication: addressing vaccine hesitancy and fostering vaccine confidence // Health communication. 2020. Т. 35, №. 14. С. 1718–1722. DOI: 10.1080/10410236.2020.1838096

7. Смирнов А. В., Солондаев В. К. Процессуальная логика. М.: Садра, 2019. 160 с.
8. Алехин А. Н., Данилова Ю. Ю., Щелкова О. Ю. Особенности психологических реакций в ситуации эпидемической угрозы, транслируемой СМИ // Психология человека в образовании. 2020. Т. 2, №. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihologicheskikh-reaktsiy-v-situatsii-epidemicheskoy-ugrozy-transliruemoj-smi> (дата обращения: 20.09.2021).
9. Ненашева А. В. Недоверие к источникам информации в период пандемии // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2020. Т. 11, №. 3. С. 168–173. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44216486> (дата обращения: 06.09.2021).
10. Jaiswal J., LoSchiavo C., Perlman D. C. Disinformation, misinformation and inequality-driven mistrust in the time of COVID-19: lessons unlearned from AIDS denialism // AIDS and Behavior. 2020. Т. 24. С. 2776–2780. DOI: 10.1007/s10461-020-02925-y
11. Холмогорова А. Б. Переживание коллективной травмы пандемии: попытка осмысления // Психологическая газета. URL: <https://psy.su/feed/8912/> (дата обращения: 04.08.2021).
12. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года / Е. И. Первичко, О. В. Митина, О. Б. Степанова [и др.] [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 119–146. DOI: 10.17759/cpse.2020090206
13. Давыдов С. Г. Двенадцать статей о девятнадцатом ковиде: первая волна исследований медиа и коммуникаций в условиях пандемии // Мониторинг. 2020. № 6 (160). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvenadtsat-statey-o-devyatnadsatom-kovide-pervaya-volna-issledovaniy-media-i-kommunikatsiy-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения: 20.09.2021).



Dynamics of basic personal beliefs during a pandemic coronavirus

L. G. Zhedunova¹, N. N. Posysoev²

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

²Institute of Education Development

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-602-609

Research article
Full text in Russian

The article examines the question of the impact of the pandemic crisis on the basic beliefs of an individual. The results of a comparative study of the structure of basic beliefs during the period of personal crisis, pandemic and outside the crisis period are presented. Based on the analysis of the results of the study, it is concluded that in a pandemic situation, the severity of the conviction that the world around is beautiful and full of goodness decreases, while the «Image of the Self» remains steadily positive. A person perceives the situation of a pandemic detachedly, as an event not related to his individual life.

Keywords: pandemic; crisis; basic beliefs; Psychological assistance; cognitive experiential theory

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zhedunova, Lyudmila G. | E-mail: lzhedunova@mail.ru
| Doc. Sc. (Psychology), Professor

Posysoev, Nikolay N. | E-mail: ardat54@mail.ru
| Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor



Динамика базисных убеждений личности в период пандемии коронавируса

Л. Г. Жедунова¹, Н. Н. Посысоев²

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

²Институт развития образования

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-602-609
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается вопрос о влиянии кризиса пандемии на базисные убеждения личности. Приводятся результаты сравнительного исследования структуры базисных убеждений в период личностного кризиса, пандемии и во вне кризисный период. На основании анализа результатов проведенного исследования делается вывод, что в ситуации пандемии снижается выраженность убежденности в том, что окружающий мир прекрасен и полон добра, при этом «Образ Я» остается устойчиво позитивным. Человек воспринимает ситуацию пандемии отстраненно, как событие, не связанное с его индивидуальной жизнью.

Ключевые слова: пандемия; кризис; базисные убеждения; психологическая помощь; ко-гнитивно-эмпирическая теория

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жедунова, Людмила Григорьевна	E-mail: lzhedunova@mail.ru Доктор психологических наук, профессор
Посысоев, Николай Николаевич	E-mail: ardat54@mail.ru Кандидат психологических наук, доцент

Поводом для написания данной статьи послужило осмысление собственного опыта психотерапевтической работы с населением последних двух лет – в период пандемии. В настоящее время в психологической литературе широко представлены исследования влияния пандемии коронавируса на различные аспекты нашей жизни. Можно отметить единодушие исследователей в том, что основными переживаниями в ситуации пандемии являются тревога как доминирующая эмоциональная реакция

© Жедунова Л. Г., Посысоев Н. Н., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

на вспышку болезни и страх (Одарущенко О. И., Кузюкова А. А., Еремушкина С. М., 2020; Голубева Н. В., Иванов Д. В., Троицкий М. С., 2020; Anderson P; .Brooks et al., 2020; Lima et al., 2020). При этом подчеркивается значимость этих состояний для соблюдения мер предосторожности, несмотря на трудности их переживания. Сторонники экзистенциального направления полагают, что в ситуации пандемии коронавируса актуализируются базовые темы, связанные со страхом смерти, с одиночеством, со смыслоутратой. В то же время эти переживания могут способствовать принятию профилактических мер и способствовать личностному росту (Федосеенко Е. В., 2020; Wong J, 2020). Иными словами, авторы подчеркивают тот факт, что за конкретными страхами людей (заболеть, заразиться и заразить близких, остаться без своевременной медицинской и психологической помощи) лежат более глубокие экзистенциальные переживания.

При этом содержание внутренних переживаний, их динамика и роль в психологическом благополучии личности представлена в значительно меньшей степени.

Практически все психологи и психотерапевты (специалисты «помогающих» профессий) единодушны в том, что современная ситуация нашей жизни является кризисной. Поскольку в процесс переживания вовлечена так или иначе большая часть человечества, это кризис мирового масштаба. Мы совершенно согласны с тем, что он разворачивается на уровне общественных систем, малых социальных групп, в том числе семейных [1]. Однако в рамках данной статьи предметом нашего исследования является личностный уровень переживания.

Мы хотели бы отметить, что на личностном уровне ситуация пандемии переживается не всегда как кризис, если рассматривать его в общепсихологическом контексте. В этом случае кризис (речь идет о кризисе индивидуальной жизни) есть состояние внутренней дезинтеграции, в основе которой лежит утрата привычных жизненных ориентиров и опор. Кризис – событие экстраординарное, прерывающее текущую жизнедеятельность, характеризующееся высоким уровнем неопределенности и остаточной привычной активности субъекта.

Как видно из определения кризиса, все его характеристики описывают ситуацию пандемии, однако, как показывает практика психологической помощи, в настоящих условиях имеют место все виды критических ситуаций: стресс, фрустрация, конфликт и, в меньшей степени, собственно кризис. Здесь уместно вспомнить исследования А. Ф. Лазурского [2] о влиянии уровня психической организации субъекта на способ проживания жизни и, соответственно, тип взаимодействия со средой. Дальнейшее развитие она получила в исследованиях К. А. Абульхановой – Славской, 1995; Ф. Е. Василюка, 1984; Б. С. Братуся, 1990. Главная идея этих исследований

состоит в том, что способ проживания жизни определяет тип критической ситуации (стресс, фрустрация, конфликт, кризис), а также способ ее переживания субъектом.

Проблематика, с которой люди обращаются за психологической помощью в условиях пандемии, включает в себя все многообразие соответствующих переживаний. Так, например, вынужденная изоляция вызывает разные реакции при переживании пандемии как стресса, как фрустрации, конфликта или кризиса. В случае переживания пандемии как стресса, при наличии выраженных панических атак, страхов, нахождение в изоляции воспринимается как условие безопасности, как возможность укрыться и спастись от угрозы. В данном случае изоляция переживается легко. В случае переживания пандемии как фрустрации изоляция воспринимается как ограничение, барьер на пути к реализации запланированных целей и вызывает сильные протестные реакции в виде агрессии, отчаяния или депрессивных состояний. В случае конфликта при изоляции может усиливаться тревога в связи с необходимостью и одновременно невозможностью принимать решения в ситуации неопределенности при отсутствии устойчивых оснований для выбора. Уместно отметить обозначенные Ф. Василюком особенности переживания критических ситуаций в зависимости от уровня психической организации. Чем выше уровень психической организации, тем выше и шире вариативность переживаний, т. е. при переживании кризиса люди, наряду с переживанием кризиса веры, могут в ситуации изоляции переживать все виды критических ситуаций [3].

Следует отметить также различия в запросах на психологическую помощь мужчин и женщин. Для мужчин, обращающихся за психологической помощью, характерны запросы, связанные с нахождением дополнительных ресурсов для сохранения устойчивости, возможности поддерживать качество жизни своей и своей семьи (характерен страх разорения, истощения ресурсов). Тяготит необходимость принимать решения в неопределенной ситуации. Интересно, что для большинства клиентов – мужчин среднего возраста, имеющих свой бизнес, – характерна тенденция к «десакрализации власти», связанная с потерей доверия к властным структурам, проблематизируется осмысленность внешних управленческих решений. В связи с этим усиливаются и актуализируются страхи, связанные с крушением авторитетов, с необходимостью искать внутренние опоры (взрослеть). Женские переживания лежат в плоскости межличностных отношений. Женщины более восприимчивы к угрозе здоровью и возможному заражению как себя, так и близких людей, они принимают ответственность за соблюдения профилактических мер и поддержание эмоциональной близости в межличностных отношениях без переживания вины и оби-

ды. Эти переживания сопровождаются высокой тревогой и, как следствие, усталостью, эмоциональной истощенностью.

Эффективность психологической помощи, на наш взгляд определяется не только тем, насколько она адекватна предъявляемому переживанию, но и тому, какое место занимает это переживание во внутреннем мире субъекта.

Согласно когнитивно-эмпирической теории С. Эпштейна, люди автоматически конструируют имплицитную «теорию реальности», которая включает два основных блока: теорию собственного «Я» и теорию окружающего мира, а также репрезентации отношений между «Я» и миром. Основной конструкт теории С. Эпштейна, базисные убеждения – иерархически организованные когнитивно-эмоциональные имплицитные представления индивида, сквозь призму которых воспринимаются события окружающего мира и в соответствии с которыми формируется поведение [4]. С. Эпштейн выделяет четыре базисных убеждения, составляющие имплицитную личностную теорию реальности:

- убеждение о доброжелательности окружающего мира;
- убеждение о справедливости окружающего мира;
- убеждение в том, что окружающим людям можно доверять;
- убеждение в собственной значимости.

Дальнейшее развитие основной идеи этой теории (Р. Янофф-Булман М. А. Падун) привело к созданию и апробации на отечественной выборке Шкалы базисных убеждений «World assumptions scale» [5]. Отнесенность того или иного убеждения к разряду базисных осуществлялось по трем основным критериям:

1. Базисные убеждения обнаруживаются уже в раннем детстве.
2. Относительная стабильность базисных убеждений на всем жизненном пути личности.
3. Высокий уровень обобщенности и глобальности базисных убеждений, которые отражают представления индивида о собственном «Я» и окружающем мире в целом [6].

В наших исследованиях личностного кризиса (Жедунова Л. Г., 2009) мы использовали базисные убеждения в качестве операционального аналога глубинной структуры образа мира, которая в ситуации переживания личностного кризиса является мощным стабилизирующим ресурсом, выполняющим адаптационную функцию. Результаты проведенного исследования показали, что в кризисе, по сравнению с некризисным периодом, убежденность в доброжелательности окружающего мира и самоценности возрастает и приобретает характер «верования».

Во вне кризисном периоде наибольший вес приобретают убеждения, связанные с везучестью, доверием, самоуважением, уверенностью, то есть

ситуация кризиса ослабляет влияние некоторых позитивных иллюзий по поводу собственной неуязвимости, везучести, самоуверенности и одновременно усиливает веру и надежду на благожелательность и надежность окружающего мира [7]. Это вполне логично, если учесть, что ведущим переживанием личностного кризиса является переживание о том, что что-то «не так» с самим человеком. Что-то происходит во внутреннем пространстве субъекта, в то время как с внешним миром «ничего не происходит».

Поскольку любой кризис затрагивает имплицитные схемы человека (о мире, об отношениях с миром), мы предполагаем, что кризис, обусловленный ситуацией пандемии, носящий определенно внешний по отношению к личности характер, найдет свое отражение в динамике базисных убеждений.

С целью проверки этого предположения мы провели исследование, в котором принимали участие 25 человек (участники наших предыдущих исследований личностного кризиса). Участникам предлагалось оценить свое отношение к ряду утверждений по градуированной шкале от 1 до 6.

Результаты исследования и их интерпретация

Обработка полученных данных включала обобщение индивидуальных протоколов в общегрупповую матрицу с последующим применением математико-статистических методов исследования.

Таблица 1

Показатели значимости различий в оценке базисных убеждений у испытуемых в кризисе и в условиях пандемии¹

Базисные убеждения	T – критерий Вилкоксона
8. Мне часто кажется, что во мне нет ничего хорошего.	0,00568480**
10. Я вполне везучий человек.	0,01018584*
13. Как правило, я в состоянии действовать так, чтобы получить максимально благоприятный результат.	0,00077650***
21. Оглядывая свою жизнь, я понимаю, что случай был ко мне благосклонен.	0,00377859**
26. Люди в большинстве своем добры и готовы прийти на помощь.	0,02036492*
28. Если посмотреть внимательно, то увидишь, что мир полон добра.	0,00286503**
31. У меня есть причины стыдиться своего характера.	0,01059400*

¹ Звездочками обозначены статистически значимые (при $p \leq 0,001$, 0,01 и 0,05) коэффициенты корреляции.

Анализ результатов

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии значимых различий в выраженности базисных убеждений в период пандемии и в кризисный период.

- Так, убеждение в доброжелательности окружающего мира (убеждение личности в том, что окружающий мир в целом – хорошее место для жизни) существенно возрастают в период пандемии.

- Различия в убеждении относительно справедливости (хорошие и плохие события распределяются между людьми по принципу справедливости, и каждый человек получает то, что заслуживает) минимальны, за исключением убеждения в том, что хорошим людям сопутствуют счастье и удача. В период пандемии это убеждение инвертируется. Это представляется вполне закономерным, так как болезнь никого не щадит, вирусу подвержены все слои населения независимо от их способа жизни и личностных характеристик.

- Различия в убеждении, что люди так или иначе могут контролировать происходящие с ними события. В период пандемии убежденность в этом значительно выше. Однако следует отметить, что, наряду с осознанием своей способности к контролю (убежденность в том, что мы можем предотвращать неприятности собственными действиями, в состоянии действовать так, чтобы получить максимально благоприятный результат), испытуемые ниже оценивают свою способность предпринимать необходимые меры для защиты себя от неудач. По-видимому, ситуация пандемии, в отличие от кризиса, делает человека более беспомощным при столкновении с тотальным (принципиально непознаваемым) объектом. «В принципе, я могу справляться с трудностями, но в данный момент не знаю, как действовать».

- Различия в убеждении индивида, что он хороший, достойный и в целом везучий человек. В ситуации пандемии, в отличие от кризиса, «образ Я» более позитивен. Это, на наш взгляд, вполне закономерно, поскольку в кризисе основным переживанием является переживание «со мной что-то не так», а в ситуации пандемии «что-то не так с миром».

Значимые различия в выраженности базисных убеждений в период пандемии и во вне кризисный период затрагивают в основном убеждения в доброжелательности окружающего мира.

В ситуации пандемии снижается выраженность убежденности в том, что окружающий мир прекрасен и полон добра. При этом «Образ Я» остается устойчиво позитивным. Человек воспринимает ситуацию пандемии отстраненно, как событие, не связанное с его индивидуальной жизнью. С нашей точки зрения, это освобождает его от «невротической вины», от необходимости нести ответственность за то, что происходит помимо

его воли. И в то же время может усиливать переживание страха и тревоги за свою жизнь и жизнь близких ему людей.

Таким образом, принимая во внимание особенность нашей выборки (люди, имеющие опыт переживания личностного кризиса), можно сказать, что новообразования, приобретенные в результате конструктивного переживания, позволяют сохранять устойчивость в условиях высокой неопределенности, угрозы и сложности жизни.

Ссылки

1. Козлов В. В. Динамика психологического содержания кризиса пандемии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2020. Т. 34. С. 40–57.
2. Лазурский А. Ф. Очерк науки о характерах. М.: Наука, 1995. 271 с.
3. Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. Т. 3. С. 90–101.
4. Epstein S. Cognitive experiential self-theory // Handbook of personality: Theory and research. New York, 1990. P. 165–192.
5. Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Application of schema construct // Social Cognition. 1989. Vol. 7. P. 113–136.
6. Падун М. А., Тарабрина Н. В. Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 1. С.121–141.
7. Жедунова Л. Г. Личностный кризис и образ мира (субъективная реальность кризиса). Ярославль, 2009. 135с.



The content and specifics of professionally important qualities of nurses

M. V. Ekaterinina¹, E. V. Karpova²

¹Yaroslavl Medical College, 10/16 Gagarina str., Yaroslavl 150023, Russian Federation

²K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, 108/1 Republican str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-610-623

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of theoretical analysis and empirical studies of the problem of determining and explaining the complex of professionally important qualities of one socially significant type of activity - the activity of nurses. Based on the principle of complementary analysis of literary data and materials of the author's research, the main professionally important qualities of a nurse are identified and characterized, the main of which are attentional abilities in general and switchability, and concentration of attention, in particular; communicative and organizational abilities; empathy, self-control, as well as internality, which is the basis of an even more generalized quality-responsibility. These qualities are interpreted on the basis of the synthesis of personnel profile analysis approach and competence approaches. Special attention is paid to the logic and history of the development of ideas on this problem, as well as the explication of the difficulties and unresolved problems that it has led to at the present time and possible ways to minimize them.

Keywords: professionally important qualities; nurse; students; subject of activity; professionogenesis; competence approach; personnel profile analysis approach

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpova, Elena V. | E-mail: evkar55@yandex.ru
| Doc. Sc. (Psychology), Professor

Ekaterinina, Maria V. | E-mail: ekaterinina.m@yandex.ru
| Master of psychology, teacher



Содержание и специфика профессионально важных качеств медицинских сестер

М. В. Екатеринаина¹, Е. В. Карпова²

¹ Ярославский медицинский колледж, ул. Гагарина, д. 10/16, Ярославль, 150023, Российская Федерация

² Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-610-623
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

Представлены результаты теоретического анализа и эмпирических исследований проблемы определения и объяснения комплекса профессионально важных качеств одного социально значимых видов деятельности – деятельности медицинских сестер. На основе принципа взаимно дополнительного анализа литературных данных и материалов авторского исследования определены и охарактеризованы основные профессионально важные качества медицинской сестры, главными из которых являются аттенционные способности в целом и переключаемость и концентрация внимания в частности; коммуникативные и организаторские способности; эмпатия, самоконтроль, а также интернальность, лежащая в основе еще более обобщенного качества – ответственности. Эти качества проинтерпретированы с позиций синтеза профессиографического и компетентностного подходов.

Ключевые слова: профессионально важные качества; медицинская сестра; студенты; субъект деятельности; профессиогенез; компетентностный подход; профессиографический подход

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпова, Елена Викторовна | E-mail: evkar55@yandex.ru
Доктор психологических наук, профессор

Екатеринаина, Мария Валентиновна | E-mail: ekaterinina.m@yandex.ru
Магистр психологии, преподаватель

Постановка проблемы

Профессия медицинской сестры является одной из весьма важных прежде всего в практическом отношении, поскольку от нее в значительной степени зависит обеспечение должного уровня медицинского обслуживания

© Екатеринаина М. В., Карпова Е. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ния и в конечном итоге – здоровья людей. В свою очередь, успешность этой деятельности во многом определяется наличием личностных и профессиональных качеств, необходимых с точки зрения содержания и условий данной деятельности, равно как и требований, предъявляемых к нормативному уровню ее реализации. Необходима дифференциация и последующее осмысление тех профессионально важных качеств, которые релевантны этой деятельности, а также определение их специфики по отношению к другим видам медицинской деятельности.

Данная проблема разрабатывается в настоящее время не только в классической парадигме, базирующейся на понятии ПВК, но и в парадигме компетентностного подхода. При этом наряду с достоинствами данного подхода систематически подчеркиваются и его ограничения [1–2], главным из которых, по мнению Ter Maten-Speksnijder и др., является трудность интеграции компетенций в реальных ситуациях [см. по: 2, с. 63]. Chaiklina и Sievert считают, что «ориентация только на компетентность не может обеспечить студентов адекватными концептуальными инструментами для интерпретации и компетентного поведения в практических ситуациях» [см. по: 2, с. 58], и приводят результаты исследования Ter Maten-Speksnijder и др. (2015), в котором выявилась сильная тенденция у студентов фокусироваться на лечебных аспектах (то есть на состоянии здоровья), в то время как психосоциальные аспекты (например, пожелания пациента) часто игнорировались [см. по: 2, с. 63].

Комплексное изучение и описание содержательных и структурных характеристик ПВК медицинских сестер, также как и базовых компетенций данной деятельности, должно базироваться на реализации методологии профессиографирования. Так, в частности, в этой связи Hojat отмечает, что сегодня не существует единого мнения даже о количестве и характере личных качеств, необходимых для профессионализма в медицине [3, с. 174]. Это мнение является очень показательным, поскольку и другие авторы также придерживаются сходной точки зрения. В связи с этим становится очевидной необходимость специального рассмотрения вопроса о дифференциации – определении и интерпретации состава и содержания ПВК медицинских сестер.

Сформулированная выше цель может быть конкретизирована до задачи разработки психогаммы медицинской сестры, то есть важнейшего раздела профессиограммы, который и содержит перечень ПВК. Данная задача решалась нами на основе сочетания профессиографического и компетентностного подходов, поскольку их интеграция является важным условием обеспечения полноты психогаммы в целом.

Профессиографический анализ деятельности медицинских сестер

В проведенном нами эмпирическом исследовании приняли участие студенты 1–3 курсов Ярославского медицинского колледжа, состав по полу

однороден – женский. Для обработки результатов использовалась программа «IBM SPSS Statistics 23».

Первое профессионально важное качество – это *концентрация и переключаемость внимания*. Действительно, в силу специфики своей профессиональной деятельности медицинская сестра проводит с пациентами больше времени, чем врач, поэтому эффективность деятельности во многом обеспечивается развитием у нее избирательной направленности внимания на осуществление сестринского ухода. Следует рассматривать внимание медсестры как социальное, иначе говоря, субъект-субъектное [4]; данный тип внимания предполагает постоянные межличностные контакты, предопределяя тем самым выработку «специализированного» профессионального внимания [4, с. 93]. У студентов медицинского колледжа деятельностная специфика будущей профессии закладывается фактически с первого курса обучения: уже в начале учебного года студенты проходят производственную (в медицинском учреждении) и учебную (в колледже) практики. В нашем исследовании, проведенном с использованием методики корректурной пробы [5, с. 25], было выявлено, что на 1-м курсе обучения высокий и очень высокий уровень развития концентрации внимания – у 68 % опрошенных, на 2-м – у 52 % и на 3-м – у 52 %. Существенно повышение количества опрошенных, имеющих средний уровень свойств внимания. Так, на 1-м курсе средний уровень развития концентрации внимания выявлен у 20 % студентов, на 2-м – у 32 %, на 3-м – у 40 %. Высокий и очень высокий уровень развития переключаемости внимания на 1 курсе – у 84 % респондентов, на 2-м – у 76 %, на 3-м – у 92 %.

Высокий уровень развития переключаемости внимания у студентов зависит также и от внешних условий. Необходимо обратить внимание на параметры эффективности любой профессиональной деятельности, к которым В. Д. Шадриков относит производительность, качество и надежность деятельности [6, с. 27]. Сама организация профессиональной деятельности медсестры предполагает ежедневный контакт с большим количеством пациентов, которым необходимо быстро и качественно предоставлять медицинские услуги, и поэтому особенности среды профессионального образовательного учреждения для обучающихся по специальности «Сестринское дело» для проявления креативности ограничены. Согласно мнению В. Д. Шадрикова, параметр производительности в инженерно-психологических работах трансформируется в параметр скорости выполнения тех или иных действий [6, с. 27], а значит, необходимой для осуществления медицинских услуг мерой производительности для медицинской сестры будет скорость выполнения медицинских манипуляций. Например, в ГОСТе Р 52623.3-2015 «Технологии выполнения простых медицинских услуг. Манипуляции сестринского ухода» указаны коэффициенты условных единиц трудоемкости для медсестры [7]. Условные единицы трудоемкости определены в «Инструкции по расчету стоимости медицинских услуг» [8],

в которой указывается, что «трудоемкость измеряется затратами времени на оказание медицинской услуги». В целях упрощения расчетов целесообразно трудоемкость измерять в условных единицах трудоемкости (УЕТ), приняв время, равное 10 минутам, за 1 УЕТ [8]. Так, например, по ГОСТу «Технологии выполнения простых медицинских услуг. Манипуляции сестринского ухода» постановка горчичников соответствует коэффициенту УЕТ медицинской сестры – 1,5 (15 минут), а постановка пиявок – 3 (30 минут) [7]. Данные временные интервалы могут не соответствовать реальной обстановке, в которой будут находиться медсестра и пациент, но время выполнения данных медицинских манипуляций не может превышать или занижаться в значительной степени от допустимых норм. Высокая рабочая нагрузка и ответственность при большом потоке пациентов способствует развитию «наиболее полезного» качества для медсестры – переключаемости внимания.

В исследованиях установлено, что 20 % медсестер совершают хотя бы одну ошибку во время своего рабочего времени [см. по: 9, с. 1]. В работе Mohsenpour и др. была выявлена частота самых распространенных причин ошибок студентов-медсестер отделения неотложной помощи, – это прежде всего окружающие шумы (2-е место по частоте), невнимательность (6-е место), невнимание к дозировке лекарства в карточке лекарства (18-е место) [9, с. 5]. Вышеперечисленные факты приводят к закономерному выводу: концентрация и переключаемость внимания – это необходимые ПВК в работе медсестры.

Второе основное ПВК – это *коммуникативные способности*. Необходимость коммуникативных навыков в работе медсестры подчеркивается многими авторами. Эффективные коммуникативные навыки, как отмечают Sharifabad Morowati и др., являются неотъемлемой частью профессии медсестры и одним из важных инструментов поддержки пациентов и их родственников [10, с. 164]. Исследования некоторых авторов (Karimi и др., 2013; Taghizadeh и др., 2018) продемонстрировали, что повышение коммуникативных навыков медсестер привело к повышению качества медицинской помощи [11].

В нашем исследовании был выявлен низкий уровень развития коммуникативных способностей у студентов. На 1-м курсе обучения уровень коммуникативных способностей высокий и очень высокий у 24 % респондентов, на 2-м – у 16 %, а на 3-м – у 12 % (ниже среднего и низкий уровень у 90 % выпускников).

Обратим внимание, что в Федеральном государственном образовательном стандарте среднего профессионального образования по специальности 34.02.01 «Сестринское дело» (базовая подготовка) даны требования к результатам освоения программы подготовки специалистов среднего звена в виде общих и профессиональных компетенций, в содержании которых

определены коммуникативные компетенции (ОК 6, ПК 2.1, ПК 2.3, ПК 3.3) [12].

По мнению Y. ten Hooft, на профессиональное становление студентов-медсестер негативно влияет большой «теоретико-практический разрыв»: на практике медсестры сталкиваются с неопределённостью, тревогой, стрессом из-за высоких требований к навыкам и умениям. Она выявила, что в лонгитюдной группе (n = 123) почти четверть студентов-медсестер рассматривали возможность уйти из образовательной программы и одной из причин этого желания студенты указывали на несоразмерные доли теории, которая преобладает над практикой [13, с. 80].

Следующее очень значимое ПВК, дифференцируемое как по материалам зарубежных исследований, так и нашим данным, – это *организаторские способности*. Качество медицинских услуг, предоставляемых медсестрой, также зависит от уровня развития организаторских способностей, сущность и содержание которых в общем плане наиболее полно раскрыто Л. И. Уманским. Он выделяет следующие основные организаторские качества: психологическую избирательность, практический психологический ум, психологический такт, общественную энергичность, требовательность, критичность, склонность к организаторской деятельности [см. по: 14, с. 44]. Общеорганизаторские способности дополняются и конкретизируются более локальными способностями, которые обуславливают эффективное выполнение отдельных управленческих функций. Основными из них, по классификации А. В. Карпова, являются способности к целеполаганию, прогнозированию, планированию, принятию управленческих решений, а также коммуникативные способности, мотивирующие способности и способности контроля [см. по: 14, с. 44–45]. Для медсестры данные локальные организаторские способности в большей степени раскрываются в процессе клинического принятия решений. Некоторыми авторами (Banning, 2008; Florin, Ehrenberg, Ehnfors, 2008) клиническое принятие решений определяется как «мыслительный процесс выбора альтернатив при оказании помощи пациентам, включающий как диагностические рассуждения, так и клинические суждения» [см. по: 15, с. 52]. Другие исследователи (Cranley, Doran, Tourangeau, Kushniruk, Nagle, 2009) считают, что в процессе принятия клинических решений «медсестры должны точно оценивать и выявлять отклонения от нормальной клинической картины здоровья или болезни и принимать решение на основе представленных данных» [см. по: 15, с. 52]. По мнению Benner, опыт имеет первостепенное значение для процесса клинического принятия решения, а Stinson отмечает, что в условиях интенсивной терапии «решения принимаются часто и быстро и задержка в процессе принятия решений может быть вопросом жизни и смерти» [15, с. 52]. Поэтому особую важность представляет рассмотрение динамики развития организаторских способностей у студентов-медсестер.

Исследование Jahanpour и др., проведенное на студентах-медсестрах выпускного курса, (n = 32), показало, что они, как правило, не могли самостоятельно принимать клинические решения [16]. Аналогичные результаты были получены в исследовании Dicle и Edeer Durmaz: оценки восприятия принятия клинических решений перед выпуском у студентов были низкими по сравнению с другими курсами обучения. Предпринимаемая попытку объяснения этих данных, авторы отмечают, что «восприятие принятия клинических решений у младших улучшается по мере того, как они развивают навыки самостоятельного ведения 2-3 пациентов в клинике, а старшие оценивают свое восприятие принятия решений ниже из-за увеличения их требований перед лицом различных клинических случаев, встречающихся в практике интернатуры» [17, с. 143].

В нашем исследовании на 1-м курсе обучения уровень организаторских способностей у студентов оказался высоким и очень высоким у 24 % респондентов, на 2-м – у 40 %, а на 3-м – у 32 % (ниже среднего и низкий уровень – у 56 % выпускников). Низкий уровень развития организаторских способностей зависит от объективных требований будущей профессиональной деятельности, так называемых «внешних критериев дифференциации ПВК» [18, с. 174]. Внешними критериями дифференциации ПВК для медсестер могут служить полнота и точность выполнения распоряжений врачей относительно проведения лечения пациентов. Так, например, Elham и др. в исследовании по изучению удовлетворенности пациентов качеством сестринского ухода обнаружили, что медсестры имели более высокий балл в измерении «следование правилам» и более низкий в измерении «автономия» [19].

В роли еще одного ПВК в деятельности медицинской сестры выступает эмпатия. Williams и Stickley замечают: «Хотя эмпатия широко признана и, как ожидается, будет центральным компонентом отношений медсестры и пациента, восприятие пациента заключается в том, что она часто отсутствует» [20, с. 755]. Watson указывает, что при наличии соответствующих фоновых условий эмпатия имеет тенденцию приводить к симпатии и, как следствие, к альтруистической мотивации [см. по: 21, с. 9], а значит, развитие эмпатии напрямую зависит от развития мотивации заботиться о других. В. Д. Шадриков, описывая личностные качества (заботливый, сочувливый, мужественный и т. д.), показывает, что за каждым из них стоит развитая, приобретенная или трансформированная мотивация: «...Формируются и воспитываются не качества личности, а мотивации субъекта» [22, с. 194]. Умение сопереживать зависит от желания помочь пациенту справиться с болью, успокоить его и дать психологический настрой на управление болью, но данное умение требует от медсестры сил и времени.

В нашем исследовании высокий уровень эмпатии имеется лишь у малой части опрошенных. Так, на 1-м курсе – у 12 % студентов, на 2-м – у 16 % и на 3-м – также у 16 % (при этом низкий уровень на 1-м курсе был особенно

высок – у 56 % респондентов, на 2-м – у 20 %, а на 3-м – у 24 %). Результаты нашего исследования согласуются с рядом других исследований. Wilson обратил внимание на изменение характера эмпатии в зависимости от периода обучения: «...Студенты первого курса сестринского дела показали большую эмпатию по сравнению со студентами последнего курса» [см. по: 23, с. 80]. В исследовании Sedaghati Kesbakhi и Rohani (n=122) обнаружено, что уровень эмпатии значительно снижается у студентов-медсестер на четвертом году обучения по сравнению с первым годом [24]. Ward и др. назвали феномен снижения эмпатии у студентов на третьем курсе «загадкой эмпатии» [25, с. 37], так как предполагается, что эмпатия должна возрастать. Однако данное явление было обнаружено и в других исследованиях (Bellini, Shea, 2005; Benbassat, Baomal, 2004; Hojat и др., 2009) [см. по: 25, с. 37]. Coulmas (2006) обнаружил, что на выражение сочувствия медсестер к своим пациентам в клинических условиях влияет не сам стаж работы, а накопленное влияние временных ограничений на взаимодействие медсестры и пациента [см. по: 25, с. 37]. Умение сопереживать зависит от количества времени, уделяемому медсестрой пациенту и его семье [26, с. 10].

Профессиональная деятельность медсестры носит субъект-субъектный характер, но результативные параметры деятельности (точность, производительность, эффективность, надежность) трансформируют ее в субъект-объектную деятельность, что наиболее полно отражается в понятии, используемом в зарубежной литературе как «функциональный уход», при котором пациенты «машинально обрабатываются» без личного и эмоционального контакта [27, с. 79]. В исследовании Büssing приводятся слова одного из медицинских работников: «Сборочная работа на человеке. Больше об этом, собственно, и говорить нечего. Точно так же, как я могу закрутить десять колесных гаек на десяти автомобилях, я, конечно, могу измерить артериальное давление на двенадцати пациентах, поставить ингалятор, заправить кровати, как машина» [см. по: 27, с. 79]. Данное высказывание подтверждается нашими результатами исследования: у студентов к концу освоения образовательных программ особо развиты концентрация и переключаемость внимания в противовес менее развитым, но описываемым исследователями как «необходимые» – эмпатия и коммуникативные качества. Кроме профессии медицинской сестры, снижение эмпатии доказано и в других социономических профессиях. Например, в работе [28] показано, что эмпатия у учителей начальных классов вместе со стажем работы снижается, что, в свою очередь, показывает расхождение парадигмы ПВК-подхода, отмечаемые В. А. Толочком [1], с реальным формированием ПВК для целого ряда профессий.

Безусловно, деятельность медсестры не может быть успешной без такого качества, каковым выступает самоконтроль. Еуітауа и др. замечают, что «...сестринское дело – это профессия, требующая быстрых и важных решений, медсестры должны рассмотреть несколько вариантов одновремен-

но и быстро принять решение. Поэтому они должны обладать высоким уровнем самоконтроля» [29, с. 1013]. Garnefski, Kraaij и Spinhoven считают, что самоконтроль выступает психологическим механизмом совладания со стрессом [см. по: 29, с. 1013]. Barrick и Mount указывают на взаимосвязь между трудовыми результатами и «Большой пятеркой личностных черт», и поэтому самоконтроль считается определяющим фактором профессиональной деятельности для всех профессий [см. по: 29, с. 1014].

Smith (2011) подчеркивает, что для некоторых пациентов чувство, что медсестры испытывают к ним эмоции, может восприниматься как угроза; пациент должен чувствовать, что уход безопасен, и это требует, чтобы медсестры управляли эмоциями таким образом, который может отличаться от их естественных «заботливых» качеств [см. по: 30, с. 17].

Эмпирическое исследование Euyama и др. по самоконтролю студентов-медсестер ($n = 488$) показало низкие уровни самоконтроля по шкалам опытного самоконтроля, ревизионного и восстановительного. Опытный самоконтроль (experiential self-control) происходит автоматически и бессознательно; чтобы уравновесить физиологические функции индивида, он мотивирует индивида быть открытым для новых впечатлений и приятных занятий, таких как прослушивание музыки или поход в кино. Ревизионный самоконтроль (revisionary self-control) не является автоматическим; он сознателен и помогает защититься от разрушительных привычек и приспособиться к новым ситуациям, это также и воля к актуализации сложных форм поведения и привычек, таких как начало диеты, экономия денег, отказ от сигарет и т. д. Восстановительный самоконтроль (restorative self-control) также не автоматический, а сознательно восстанавливающий; он состоит из управляемого поведения, влияющего на эмоции, боль и когнитивные способности человека, и это поведение реорганизует неудачи и помогает сбалансировать жизнь человека [29, с. 1015–1016]. Самым низким видом самоконтроля был опытный самоконтроль, а самым высоким – ревизионный. Причиной этого, по мнению авторов, может служить интенсивное теоретическое и практическое обучение и сложные условия работы медсестер. Медсестрам необходимо уметь преодолевать трудные ситуации [29, с. 1015–1016].

В нашем исследовании повышенный и высокий уровень эмоционального самоконтроля на 1-м курсе был выявлен у 56 % опрошенных, на 2-м – у 40 %, на 3-м – у 44 %. Повышенный и высокий уровень самоконтроля в деятельности студентов на 1-м курсе был выявлен у 52 % опрошенных, на 2-м – у 80 %, на 3-м – у 68 %. Повышенный и высокий уровень социального самоконтроля на 1-м курсе был отмечен у 40 % опрошенных, на 2-м – у 68 %, на 3-м – у 56 %. Наблюдается снижение эмоционального самоконтроля у студентов к выпускному курсу, по сравнению с 1 курсом, (к чему относится?) остальные шкалы показали постепенное развитие, и самым высоким показателем самоконтроля для выпускного курса стал самоконтроль в деятельности.

И, наконец, необходимо дифференцировать еще одно ПВК – *ответственность*. Ответственность как атрибуция у студентов-медсестер в нашем исследовании измерялась при помощи методики измерения локуса контроля «Тест-опросник субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера» (адаптирован Е. Ф. Бажиным, С. А. Голькиной, А. М. Эткиндо) [31]. Интерпретация результатов производилась согласно установленным авторами методики границам шкалы интернальности; было определено, что интернальный локус контроля наблюдается у большинства студентов. На 1-м курсе интернальный локус контроля – у 64 % студентов, на 2-м – у 80 %, а на 3-м – у 72 %. Кроме этого, были определены уровни интернальности по всем группам опрошенных и преимущественно выявлен средний уровень интернальности: на 1-м курсе – у 92 % респондентов, на 2-м – у 96 %, на 3-м – у 100 %. Средним уровнем интернальности обладает большинство людей, но решающим в поведении будет конкретная социальная ситуация [31]. Интернальный локус контроля для медсестер наиболее предпочтителен. При экстернальном локусе контроля медсестра возлагает ответственность за результаты медицинских манипуляций на внешние факторы: судьбу, случайность или других людей.

Обнаружена положительная корреляция между ответственностью и концентрацией. Эти переменные имеют сходную, идентичную причину динамики изменений, то есть чем более ответственны медсестры, тем они более сконцентрированы на качественном выполнении своих трудовых обязанностей, и наоборот. Так, например, Amini, Rahimi, Salehi и др., а также Hudson указывают, что ответственные медсестры концентрируются на своих задачах и заданиях и полностью выполняют их [см. по: 32, с. 8]. Отрицательная корреляция между ответственностью и переключаемостью внимания поднимает другой вопрос – о возможности наличия причинно-обусловленной связи между данными переменными. Причиной этой связи, по нашему мнению, может выступать прокрастинация как фактор повышения уровня развития переключаемости внимания и снижения уровня развития ответственности у медсестер. Прокрастинацию мы рассматриваем как противоположное личностному качеству «ответственность», что, в свою очередь, как утверждает Ferrari, «такое поведение вполне может рассматриваться как способ избежать ответственности» [см. по: 33, с. 28]. Согласно Khoshouei, одним из факторов, приводящих к прокрастинации, являются особенности работы [34, с. 28]. Некоторые ученые (Wood, Saylor, Cohen; Sagone, De Caroli; Engin, Zeliha, Didem; Abbasi, Pirani, Dargahi, Aghavirdi Nejad) считают, что «локус контроля – это индивидуальный фактор, влияющий на прокрастинацию» [см. по: 34, с. 28]. Khoshouei рассматривает взаимосвязь прокрастинации, особенностей работы и локуса контроля по результатам исследования среди 193 медсестер. В исследовании обнаружилась положительная сильная связь между прокрастинацией и внешним локусом контроля ($r = 0,24, p < 0,01$) [24]. Как пишет Khoshouei,

«тяжелые работы и постоянно сменяющиеся смены в сестринской профессии могут быть причиной прокрастинации среди медсестер» [34, с. 32]. Для медсестры важным является придерживаться правильного использования времени и своевременного выполнения дел, т. к. промедление или неоправданная задержка может привести к неблагоприятным последствиям, но сменяющиеся условия работы способствуют развитию переключаемости внимания и вместе с тем изменению ответственности.

Нами сделан вывод об ответственности как наиболее необходимом ПВК в работе медсестры. Планирование и проведение ухода за пациентами, терапевтическое общение, обеспечение питания, гигиены, мобилизации (изменение положения неподвижного пациента), инфекционного контроля и введения лекарств, а также документация являются основными видами деятельности медсестер. Все это напрямую зависят от личной ответственности медсестер.

Заключение

Несмотря на очевидную практическую и теоретическую значимость исследования профессиональной деятельности медицинских сестер, она до сих пор остается явно недостаточно изученной. В особой степени это относится к вопросу о дифференциации и интерпретации ПВК данной деятельности, выступающих ее базовыми субъектными детерминантами, в решающей степени влияющими на ее эффективность. К настоящему времени сложились два основных подхода к разработке данной проблемы – подход, основанный на понятии ПВК, и компетентностный подход. Проведенный анализ показывает, что их недопустимо абсолютизировать и тем более противопоставлять. Наоборот, они должны быть поняты как комплементарные, раскрывающие разные аспекты единой по содержанию проблемы. Синтетическое использование этих подходов позволило выявить и охарактеризовать совокупность наиболее значимых ПВК медицинских сестер. При этом был использован метод сопоставительного анализа литературных данных и результатов собственных эмпирических исследований.

Определение наиболее значимых ПВК медицинских сестер, точнее, их перечня, с одной стороны, ставит логически следующие в познавательном отношении вопросы: каковы закономерности их организации в целом и структурирования в особенности? каковы закономерности их интеграции в процессе профессиогенеза? Вместе с тем подчеркнем, что рассмотренные материалы не только позволяют поставить эти значимые в теоретическом и практическом отношении вопросы, но и предоставляют необходимый эмпирический базис для их решения.

Ссылки

1. Толочек В. А. Компетентностный подход и ПВК-подход: возможности и ограничения // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2019. № 2. С. 123–137.
2. Chaiklin S., Sievert A. A theoretical model of nursing practice: Implications for a competence approach to nursing education // Nurse Education in Practice. 2019. № 36. P. 58–63.
3. Hojat M. Empathy in Patient Care: Antecedents, Development, Measurement, and Outcomes By Mohammadreza Hojat. New York: Springer, 2007. 295 p.
4. Григорян Э. Г. Особенности внимания в профессиональной деятельности специалистов медицинских учреждений // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2014. № 1. С. 91–97.
5. Кирдяшкина Т. А. Методы исследования внимания (Практикум по психологии): учебное пособие. Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 1999. 72 с.
6. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Логос, 2007. 192 с.
7. ГОСТ Р 52623.3-2015. Технологии выполнения простых медицинских услуг. Манипуляции сестринского ухода: Национальный стандарт российской федерации: дата введения 2016-03-01. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200119181> (дата обращения: 20.11.2020).
8. Инструкция по расчету стоимости медицинских услуг (временная) (утв. Минздравом РФ и Российской академией медицинских наук 10 ноября 1999 г. №№ 01-23/4-10, 01-02/41). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901839734> (дата обращения: 20.04.2021).
9. Nursing errors and their causes among nursing students / M. Mohsenpour [et al.] // Clinical Ethics. 2020. P. 1–7.
10. Nurses' communication skills and the quality of inpatient services from patients' viewpoints / A. M. Sharifabad Morowati [et al.] // Medical Science. 2019. 23(96). P. 163–167. URL: http://www.discoveryjournals.org/medicalscience/current_issue/v23/n96/A5.pdf (дата обращения: 21.04.21).
11. The effects of teaching communication skills to nursing students on the quality of care for patients / R. Taghizadeh [et al.] // Asian Journal of Pharmaceutics. 2018. 12. P. 1252–1255. URL: https://www.researchgate.net/publication/332140294_The_effects_of_teaching_communication_skills_to_nursing_students_on_the_quality_of_care_for_patients (дата обращения: 11.04. 2021).
12. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 34.02.01 Сестринское дело (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 12 мая 2014 г. N 502) URL: <https://base.garant.ru/70683786/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 11.04. 2021).
13. Hoeve ten Y. From student nurse to nurse professional: The shaping of professional identity in nursing: Dissertation. [Groningen]: Rijksuniversiteit Groningen, 2018. 212 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/323773006_From_Student_Nurse_to_Nurse_Professional (дата обращения: 11.05. 2020).

14. Бабудоржиева Э. Д. Исследование проблемы ком-муникативных и организаторских способностей в психологии // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2012. № 5. С. 41–45.
15. Stinson K. J. Benner's framework and clinical decision-making in the critical care environment // *Nurs Sci Quarterl.* 2017. 30(1). P. 52–57.
16. Clinical decision-making in senior nursing students in Iran / F. Jahanpour [et al.] // *International Journal of Nursing Practice.* 2010. 16(6). P. 595–602.
17. Dicle A., Edeer Durmaz A. Examination of Clinical Decision Making Perceptions of Nursing Students // *The New Educational Review.* 2013. № 33. P. 134–144. URL: https://www.researchgate.net/publication/283264393_Examination_of_Clinical_Decision_Making_Perceptions_of_Nursing_Students (дата обращения: 18.05.2021).
18. Карпов А. В. Метасистемная организация индивиду-дуальных качеств личности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 744 с.
19. The Relationship between Nurses' Moral Sensitivity and Patients' Satisfaction with the Care Received in the Medical Wards / A. Elham [et al.] // *Journal of Caring Sciences.* 2019. 9. P. 98–103.
20. Williams J., Stickley T. Empathy and nurse education // *Nurse Education Today.* 2010. 30. P. 752–755.
21. Smith J. What is empathy for? // *Synthese.* 2015.194 (3). P. 709–722. DOI: 10.1007/s11229-015-0771-8.
22. Шадриков В. Д. Системогенез деятельности. Игра. Учение. Труд: монография: в 4 т. Т. I: Системогенез профессиональной и учебной деятельности. М.: Изд. дом РАО; Ярославль: ЯрГУ, 2017. 326 с.
23. Empathy with Patients Compared between First and Final Year Nursing Students / S. Saeidi [et al.] // *J Holist Nurs Midwifery.* 2017. 27(1): P. 79–85.
24. Sedaghati Kesbakhi M., Rohani C. Changes in the Level of Nursing Students' Empathy During Four Years Education // *J Med Edu.* 2020. 19(2). P. 100–179. URL: <https://sites.kowsarpub.com/jme/articles/107179.html> (дата обращения: 05.05.2021).
25. The Empathy Enigma: An Empirical Study of Decline in Empathy Among Undergraduate Nursing Students / J. War [et al.] // *Journal of Professional Nursing.* 2012. 28(1). P. 34–40.
26. Devi Aruna N. T., Eapen Annie A., Manickam L. S. S. A comparative cross-sectional study on the level of empathy between the freshmen to senior undergraduate student nurses // *International Journal of Advance Research and Development.* 2020. Vol. 3, Issue 9, P. 10–15. URL: <https://www.ijarnd.com/manuscripts/v3i9/V3I9-1141.pdf> (дата обращения: 18.05.2021).
27. Schramm Tobias J. T. Burnout am Arbeitsplatz von Krankenschwestern und Krankenpflegern in Bayern. Frankfurt/Oder, 2016. 440 p. URL: <https://opus4.kobv.de/opus4-euv/frontdoor/deliver/index/docId/214/file/Dissertation+Tobias+Schramm.pdf> (дата обращения: 11.04. 2021).
28. Карпова Е. В., Коптева С. И. Формирование у будущих педагогов эмпатии как профессионального качества // *Ярославский педагогический вестник.* 2019. № 2. С. 114–121.

29. Evaluation of nursing students' self-control in Turkey / A. O. Eyimaya [et al.] // J Pak Med Assoc. 2020. Vol. 70, No. 6. P. 1013–1017.

30. McCloughen, A., Levy, D., Johnson, A., Nguyen, H., McKenzie, H. Nursing students' socialisation to emotion management during early clinical placement experiences: A qualitative study. J Clin Nurs. 2020. P. 1–26. DOI: 10.1111/jocn.15270.

31. Пашукова Т. И., Допира А. И., Дьяконов Г. В. Прак-тикум по общей психологии для студентов педагогических вузов. М.: Институт практической психологии, 1996. 177 с.

32. Ghasemi S., Ahmadi F., Kazemnejad A. Responsibility among bachelor degree nursing students: A concept analysis // Nursing Ethics. 2018, P. 1–12.

33. Ковылин В. С. Теоретические основы изучения феномена прокрастинации // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2013. № 2. С. 22–41.

34. Khoshouei M. S. Prediction of procrastination considering job characteristics and locus of control in nurses // Journal of Holistic Nursing and Midwifery. 2017. 27(2). P. 27–35.



General and specific characteristics of communication competence of students of various medical specialties

N. V. Kopylova¹, Y. V. Mikhaylyuk¹

¹Tver State University, 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-624-629

Research article
Full text in Russian

This article presents the results of a study of the general characteristics of communicative competence of students in medical specialties, manifested in a high level of sociability, the average level of formation of communicative control, the ability to manage emotions in communication, communicative tolerance and a low level of empathic abilities; specific characteristics are expressed in plasticity, trustworthiness, perseverance, curiosity and understanding.

Keywords: communicative competence; communicative culture; communicative skills; communicative setting; empathy; communicative tolerance

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kopylova, Natalia V. | E-mail: Kopylova.NV@tversu.ru
Doc. Sc (Psychology), Professor

Mikhaylyuk, Yulia V. | E-mail: mih-julia.80@mail.ru
Postgraduate



Общие и специфические характеристики коммуникативной компетентности студентов различных медицинских специальностей

Н. В. Копылова¹, Ю. В. Михайлюк¹

¹Тверской государственный университет, ул. Желябова, 33, Тверь, 170100, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-624-629
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В данной статье представлены результаты исследования общих характеристик коммуникативной компетентности студентов медицинских специальностей, проявляющиеся в высоком уровне общительности, среднем уровне сформированности коммуникативного контроля, умении управлять эмоциями в общении, коммуникативной толерантности и низком уровне эмпатических способностей; специфические характеристики выражаются в пластичности, доверчивости, настойчивости, любопытстве и понимании.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность; коммуникативная культура; коммуникативные умения; коммуникативная установка; эмпатия; коммуникативная толерантность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Копылова, Наталья Вячеславовна	E-mail: Kopylova.NV@tversu.ru Доктор психологических наук, профессор
Михайлюк, Юлия Васильевна	E-mail: mih-julia.80@mail.ru Магистр психологических наук, аспирант кафедры психологии

Введение компетентностного подхода в образование ориентирует на подготовку не только высокопрофессионального специалиста, но и личности, имеющей необходимый набор этических качеств, которые предполагают индивидуальное поведение в динамически изменяющихся условиях [1]. Одной из важных составляющих самореализации личности в современном обществе является коммуникативная компетентность, поскольку невозможно представить успешного человека без его тесных связей с социумом. Для специалиста медицинского профиля эта проблема приобретает особую актуальность в связи с высокой технической оснащённостью здравоохранения и возросшей медицинской грамотностью населения [2].

© Копылова Н. В., Михайлюк Ю. В., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Под коммуникативной компетентностью врача понимается многоуровневое интегративное качество личности, направленное на установление, поддержание и развитие эффективных контактов с пациентами и другими участниками лечебно-профилактического процесса [3]. Формирование коммуникативной компетентности этого специалиста предполагает последовательную целенаправленную деятельность на всех этапах его подготовки.

С целью формирования коммуникативной компетентности проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 713 студентов I–VI курсов УО «Белорусский государственный медицинский университет» г. Минска, обучающихся по специальностям «Стоматология», «Педиатрия», «Лечебное дело» и «Медико-профилактическое дело». В числе опрошенных 88 юношей и 625 девушек в возрасте от 16 до 29 лет.

Для изучения общих и специфических характеристик коммуникативной компетентности применялись *методики*: «Пятифакторный личностный опросник» (Р. МакКрае, П. Коста); «Диагностика оценки самоконтроля в общении» (М. Снайдер); «Диагностика коммуникативной установки» (В. В. Бойко); Тест «Уровень общительности» (В. Ф. Ряховский); «Исследования особенностей реагирования в конфликтной ситуации» (К. Томас); «Диагностика эмоциональных барьеров в межличностном общении» (В. В. Бойко); «Диагностика уровня эмпатических способностей» (В. В. Бойко); «Диагностика коммуникативной толерантности» (В. В. Бойко).

Основная часть

Изучение *общих характеристик* выявило, что у 75 % студентов не сформированы способность к сопереживанию и сочувствию, направленность на восприятие и понимание другого человека, преобладает низкий уровень эмпатических способностей. Для 45 % респондентов характерно проявление уважения, доброжелательности и терпимого отношения к пациентам; установление равноправных отношений, основанных на взаимном доверии, заинтересованности, стремлении понять другого; сдержанность при столкновении с некоммуникабельными качествами пациентов. У 51 % студентов выявлен средний уровень общительности: студенты стремятся расширить круг своих знакомых, занимаются общественной деятельностью, помогают близким, друзьям, проявляют инициативу в общении, способны принять самостоятельное решение в трудной ситуации. Умение управлять эмоциями на высоком уровне отмечено у 33 % студентов. Эмоциональные проблемы в повседневном общении наблюдаются у 41 % студентов, у 26 % испытуемых выявлено наличие эмоциональных барьеров в межличностном общении в контексте коммуникативной компетентности. Сформированность уровня коммуникативного контроля (средний и высокий уровни) наблюдается у 87 % студентов. Эти студенты обладают способностью к эффективному межличностному взаимодействию, быстрому налаживанию контактов с окружающими и самостоятельному принятию решений.

Результаты общего среднего значения выше 33 % свидетельствуют о наличии выраженной негативной коммуникативной установки. У студентов всех факультетов была выявлена *негативная коммуникативная установка*. В меньшей степени она свойственна студентам лечебного факультета, в большей – студентам медико-профилактического факультета. При выраженной негативной коммуникативной установке проблемы появятся даже при тщательной маскировке своего негативного настроения по отношению к окружающим. Субъекту приходится постоянно сдерживать себя и стараться быть корректным. Расплачиваться за это приходится высокой психологической ценой: рано или поздно состояние напряжения приведет к стрессу, нервному срыву, профессиональному выгоранию. Не исключено, что разрядка время от времени происходит за пределами работы – в семье, в общении с приятелями или в общественных местах. Таким образом, необходимо отметить тревожный симптом наличия негативной коммуникативной установки как предпосылки для профессионального эмоционального выгорания у студентов, которые ещё даже не начали свою профессиональную деятельность.

Использование однофакторного дисперсионного анализа в данном исследовании позволило выявить *специфические характеристики* коммуникативной компетентности у студентов-медиков в процессе обучения.

На протяжении обучения в университете у студентов снижается уровень пластичности и увеличивается уровень ригидности. Наиболее значимый переход от пластичности к ригидности наблюдается между первым и вторым курсом. Это можно объяснить происходящим становлением специалиста, а также формированием зрелости личности студентов. С годами их поведение становится более консервативным, привычным, устойчивым, при этом гибкость и податливость сменяются ригидностью.

В период со второго курса по четвертый студенты становятся менее общительными, но затем наблюдаются обратные изменения, когда с четвертого курса по шестой студенты вновь становятся более общительными. Можно предположить, что подобные изменения в уровне общительности у студентов напрямую связаны со сложностью обучения в университете: работа с большим объемом информации для самостоятельного изучения при подготовке к учебным дисциплинам и, как следствие, сложность получения знаний заставляют студентов сосредоточиваться на своих собственных проблемах.

Кроме того, для обучения в медицинском университете необходим довольно высокий уровень общего интеллектуального развития, в частности восприятия, представлений, памяти, мышления, внимания, эрудированности, широты познавательных интересов, уровня владения определенным кругом логических операций и, как результат, наблюдается недостаток времени для общения, а позже – возникающие трудности при межличностной коммуникации с одноклассниками, преподавателями, сотрудниками

и пациентами. Однако на старших курсах привычный уровень общительности восстанавливается.

Отмечено, что у студентов в период обучения наблюдается тенденция к снижению уровня любопытства и увеличению консерватизма между первым и третьим курсами, затем к последнему курсу уровень консерватизма незначительно увеличивается. Можно предположить, что эти данные во многом связаны с естественным взрослением студентов, в процессе которого происходит снижение любознательности, любопытства, повышается серьезное отношение. В то же время большую роль в формировании постоянных привычек и интересов молодых людей играет учебный процесс, в рамках которого для достижения наилучших результатов от студентов традиционно требуется следование классическим правилам и нормам.

Обучающиеся на первом курсе чаще демонстрируют понимание других людей в сравнении с их товарищами, обучающимися на третьем – шестом курсах. Более понимающими людей являются студенты второго курса, в отличие от студентов третьего курса. Полученные результаты свидетельствуют о том, что по данной шкале прослеживается тенденция последовательного изменения от понимания к непониманию. Снижение уровня понимания у студентов можно объяснить необходимостью взаимодействовать с большим числом людей как в процессе обучения, так и на практике. В результате снижается возможность глубоко воспринимать поступающую от людей информацию, развиваются стереотипные представления о людях и их потребностях.

На протяжении обучения в университете у студентов также наблюдается снижение уровня открытости. Значимое изменение данного показателя происходит между первым и вторым курсами. Таким образом, студенты второго, третьего и старших курсов более замкнуты по сравнению со студентами первого курса. Снижение уровня открытости у студентов можно объяснить разрывом привычных связей, попаданием в новую среду, сложностями адаптации к образовательному процессу, необходимостью установления новых взаимоотношений с одноклассниками и преподавателями.

Полученные результаты позволяют констатировать неравномерный характер развития настойчивости у студентов. Данный показатель снижается от первых двух курсов к третьему, затем увеличивается на протяжении четвертого и пятого курсов и снова снижается на последнем курсе. При этом статистически значимое снижение уровня настойчивости происходит между вторым курсом и третьим, а повышение уровня данного показателя происходит между третьим курсом и пятым. Высокий уровень настойчивости на первых курсах университета студенты проявляют с целью достижения лучшей адаптации к новой среде. Настойчивость помогает им более успешно осваивать учебный материал и достигать высоких результатов в учебной деятельности. Но, достигнув определенных академических успехов, на третьем курсе они значительно снижают уровень настойчивости. Тем не менее на четвертом курсе возникает понимание

о необходимости прилагать активные усилия для достижения высоких результатов в учебном процессе, научной и практикующей деятельности.

Выводы

Опираясь на результаты проведенного исследования, установлено, что в специфических характеристиках студентов медицинского университета на протяжении всего периода обучения наблюдаются неравномерные изменения. При переходе от первого курса ко второму у студентов снижается уровень уважения других людей, а также показатели пластичности, артистичности и любознательности, в то же время у них увеличивается уровень ригидности и реалистичности. Далее при переходе к третьему курсу увеличивается уровень практичности, консерватизма и равнодушия, снижаются показатели уровня теплоты и любопытства, при этом происходит переход от понимания других людей к их непониманию. Студенты четвертого курса по сравнению со студентами младших курсов становятся более замкнутыми, снижается уровень сензитивности. Между четвертым и пятым курсами у студентов наблюдаются снижения в уровнях самообвинения и внутренней неустроенности, а к последнему шестому курсу у них снова увеличиваются показатели уровня общительности.

Следует отметить, что при переходе от первого курса ко второму у студентов наблюдается снижение уровня доверчивости и увеличение уровня подозрительности к людям, затем к третьему курсу происходит снижение уровня доминирования в межличностных отношениях, сотрудничества и настойчивости.

Установлено, что выраженность коммуникативной компетентности будущего врача опосредуется профилем медицинской специальности: студенты педиатрического и лечебного факультетов имеют более высокую степень коммуникативной компетентности по сравнению с представителями стоматологического и медико-профилактического факультетов.

Принимая во внимание то, что коммуникативная компетентность будущего врача – одно из важных профессиональных качеств, необходимо целенаправленно проводить психологическую подготовку специалистов в ходе их обучения, обеспечивая формирование и развитие навыков общения и межличностного взаимодействия.

Ссылки

1. Баландина Е. В. Коммуникативная компетентность медицинских работников // Высшее образование в России. 2006. № 11. С. 152–153.
2. Беликова-Анкваб М. Ф., Каргиева З. К. О проблеме формирования профессиональной коммуникативной компетентности будущего врача в условиях региона // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 11. С. 84–90.
3. Васильева Л. Н. Исследование коммуникативной компетентности студентов-медиков на стадии завершения обучения в вузе // Личность в современных исследованиях: сб. науч. тр. Вып. 11. Материалы VIII международной научно-практической конференции «Проблемы развития личности: психологическое консультирование и психотерапия». Рязань: Копи Принт, 2008. С. 159–164.



The K. Thomas – R. Kilmann questionnaire: the vulnerabilities of the diagnostic tool

A. S. Melnichuk¹

¹RANEPА, 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-630-637

Research article
Full text in Russian

The results of the analysis of the text of the K. Thomas – R. Kilmann questionnaire are presented. It is shown that the formulation of many items is not specific for their unambiguous assignment to the prescribed scales. In some formulations, the context of the mode of behavior that is proposed to be chosen is not clearly defined. In many of the pairs of statements, the options are difficult to distinguish from each other or are not strictly alternative. The directions of work for overcoming the identified vulnerabilities of the questionnaire are proposed.

Keywords: K. Thomas – R. Kilmann Questionnaire; style of conflict behavior; psychometric characteristics

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Melnichuk, Andrey S. | E-mail: melnichook@rambler.ru
Cand. Sc (Psychology), Associate Professor



Опросник К. Томаса – Р. Килманна: уязвимости диагностического инструмента

А. С. Мельничук¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Желябова, 33, Тверь, 170100, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-630-637
УДК 159.9.072.432

Научная статья
Полный текст на русском языке

Представлены результаты анализа текста опросника К. Томаса – Р. Килманна. Показано, что формулировки многих пунктов не специфичны для их однозначного отнесения к предписанным шкалам. В некоторых формулировках четко не определен контекст способа поведения, который предлагается выбрать. Во многих парах высказываний варианты трудно отличимы друг от друга или не являются строго альтернативными. Предложены направления работы по преодолению выявленных уязвимостей опросника.

Ключевые слова: опросник К. Томаса – Р. Килманна; стиль; поведение в конфликте; психометрические характеристики

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мельничук, Андрей Степанович | E-mail: melnichook@rambler.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Постановка проблемы

Социальное взаимодействие невозможно без столкновения мнений, интересов или намерений людей. Это определяет большую научную и практическую значимость изучения конфликтного поведения и его стилевых характеристик. Среди инструментов, предназначенных для оценки данного явления, выделяется опросник, разработанный У. Томасом и Р. Килманном в начале 1970-х гг. [1] и до сих пор остающийся одним из наиболее используемых [например, 2–3].

За рубежом достаточно широко применяются и иные диагностические средства, например опросник М. А. Рахима [4]. В этом контексте тест Томаса¹ занимает в нашей стране особое место, являясь, по существу, единственной методикой для диагностики стиля поведения в конфликте (в данном

¹ Несмотря на наличие у методики двух авторов, в отечественных публикациях она, как правило, обозначается как «тест / методика Томаса». Исходя из этой традиции, а также для краткости мы в данной статье также будем использовать такое наименование.

© Мельничук А. С., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

случае мы не рассматриваем оригинальные инструменты сходного назначения, разрабатываемые авторами для своих собственных исследований и гораздо менее известные, например методику «Конфликтные ситуации» [5]).

Следует констатировать парадоксальную ситуацию. С одной стороны, методика Томаса в течение нескольких десятилетий интенсивно используется в отечественной науке и практике. Для большинства исследователей она имеет статус «классического» инструмента, в отношении которого вопрос о его качестве не возникает «по определению». С другой стороны, как справедливо было отмечено С. В. Кардашиной и Н. В. Шаньгиной, отсутствуют какие-либо данные о психометрических характеристиках теста Томаса, как и информация о его российской адаптации (причем приводимые в публикациях переводы пунктов имеют отличия от англоязычного текста) [6].

Статья С. В. Кардашиной и Н. В. Шаньгиной – единственная отечественная публикация, в которой рассмотрены психометрические показатели теста. В ней приведены полученные У. Томасом и Р. Килманном данные о её валидности, надежности, влиянии социальной желательности. Весьма ценным стал анализ согласованности шкал русскоязычного варианта теста, осуществленный на основе опроса объемной и гетерогенной выборки. По итогам исследования был сделан вывод о достаточно высокой внутренней валидности методики, а также предложены уточненные формулировки перевода некоторых пунктов (более корректно отражающие смысл исходного текста) и тестовые нормы.

Не менее значимым представляется рассмотрение пунктов теста Томаса с точки зрения их содержания. Представленная в статье С. В. Кардашиной и Н. В. Шаньгиной группировка утверждений опросника по шкалам позволила заметить ряд проблемных мест, снижающих валидность методики. Их наличие было подтверждено в ходе проведенного нами специального рассмотрения текста опросника Томаса.

Анализ результатов исследования

Наиболее корректными являются пункты **шкалы «Компромисс»**, адекватно отражающие сущность данного стиля. **В рамках шкалы «Соперничество»** проблемными представляются пункты 14Б и 25А («Я пытаюсь показать другому логику и преимущества моих взглядов»), так как попытка изложить свою точку зрения не специфична для соперничества, а присуща любому диалогу (в том числе при компромиссе и сотрудничестве).

Уязвимости присутствуют и в рамках **шкалы «Сотрудничество»**. Во-первых, это пункты 8Б, 11А и 19А («Я первым делом стараюсь ясно определить то, в чем состоят все затронутые интересы и вопросы»). Четкое выявление поля конфликта не имеет отношения исключительно к сотрудничеству, так как понимание «вокруг чего начался спор» – важный момент

любого поведения в контексте конфликта. Это потенциально может привести к трудностям респондентов при необходимости делать выбор между пунктами 8Б и 8А, отражающими стиль соперничества.

Не специфичен для сотрудничества пункт 21Б («Я всегда склоняюсь к прямому обсуждению проблемы»), описывающий достаточно общий подход к коммуникации в ситуации разногласий. Во-вторых, не вполне корректны пункты 23А и 26Б, отражающие озабоченность «тем, чтобы удовлетворить желания каждого из нас», так как нет указания на то, насколько полно предполагается это сделать. Поэтому они могут описывать также и стиль компромисса. Для характеристики сотрудничества более уместен перевод С. В. Кардашиной и Н. В. Шаньгиной, в котором говорится об удовлетворении именно «всех наших пожеланий». Аналогичная ситуация имеет место и с пунктами, которые по своей формулировке могут характеризовать стили как сотрудничества, так и компромисса, – 2Б («Я пытаюсь уладить дело с учетом интересов другого и моих собственных») и 30Б («Я всегда занимаю такую позицию в спорном вопросе, чтобы мы совместно с другим заинтересованным человеком могли добиться успеха»).

Пункты 5А и 28Б могут вызвать у респондентов трудности при ответе в силу размытости контекста указанного в них поведения – стремления «искать поддержку у другого». Во-первых, не ясно, какая именно поддержка имеется в виду – интеллектуальная, эмоциональная и т. д. Во-вторых, термин «другой» может пониматься как собственно оппонент, член своей «группы поддержки» или как «третья сторона». Наконец, не ясно отнесение к стилю сотрудничества пункта 20А («Я пытаюсь немедленно преодолеть наши разногласия»), так как не указано, как именно будет решаться спорная ситуация.

В шкале «Избегание» присутствуют пункты 5Б, 15Б и 17Б, характеризующие стремление сделать все возможное, чтобы «избежать [бесполезной] напряженности». Мы полагаем, что следует разделять ориентацию на недопущение эскалации противоборства и собственно предпочтение стиля избегания (как склонность ухода от противоборства в принципе). Указанные пункты методики связаны не только со стилем избегания, они могут характеризовать стили сотрудничества, компромисса и даже уступки.

Пункт 6А («Я пытаюсь избежать возникновения неприятностей для себя») также не специфичен для характеристики избегания, так как реализовать такую интенцию можно с помощью иных стратегий, например приспособления. Кроме того, термин «неприятности» весьма широк. Это потенциально дает возможность говорить об их предотвращении даже с помощью соперничества, если неприятности будут связаны именно с проигрышем в споре. В свете этого обратим внимание, что в вопросе № 6 респондент как раз и должен сделать выбор между формулировкой 6А и 6Б, характеризующей именно соперничество («Я стараюсь добиться своего»), но такой выбор отнюдь не является строго альтернативным.

Смысловая размытость присуща и пунктам 1А и 23Б («Иногда я предоставляю возможность другим взять на себя ответственность за решение спорного вопроса»), так как не ясно, что следует понимать под ответственностью и почему такое поведение ассоциируется именно с избеганием (ведь человек, по сути, уже вовлечен в конфликт).

Определенные вопросы вызывают пункты 12А и 27А («Зачастую я избегаю занимать позицию, которая может вызвать споры»). Такая формулировка, несомненно, важна для диагностики уровня общей конфликтности личности. Но, если рассматривать тест Томаса как инструмент, оценивающий предпочтения в уже возникшем противостоянии, она не имеет смысл (противоречие позиций уже имеет место, но человек не стремится в него вовлекаться). Для характеристики стиля избегания более уместной представляется высказывание вида «при возникновении спорных вопросов я предпочитаю уйти от их обсуждения и возможного столкновения».

Неоднозначны и пункты 9А и 29А («Думаю, что не всегда стоит волноваться из-за каких-то возникающих разногласий»). Представляется, что указанное высказывание характеризует не собственно привычное поведение в ситуации конфликта, а эмоциональные «измерения» такого поведения (которое само по себе может быть различным). Спокойное отношение к разногласиям не только снижает вероятность втягивания в противоборство (и в этом плане связано со стилем избегания), но и выступает условием продуктивной реализации стратегий компромисса или сотрудничества.

Ряд проблемных мест присутствует и в **шкале «Приспособление»**. Так, три её пункта (3Б, 11Б и 15А) отражают стремление «успокоить другого и главным образом сохранить наши отношения». Ориентация на сохранение отношений – существенная черта «уступающего» стиля. Однако в указанной формулировке явно не сказано, что ради этого человек готов жертвовать своими интересами. Кроме того, стремление снизить накал эмоций вполне сочетается с ориентацией на поиск компромисса или сотрудничество. По сути, в указанной формулировке соединены два достаточно разных аспекта поведения – характер ориентации на свои / чужие интересы и предпочитаемая степень эмоциональности диалога. Недостаточная специфичность характерна и для ряда других высказываний рассматриваемой шкалы. Так, стремление «не задеть чувств другого» / «не обижать партнеров» (пункты 16А и 30А) не столько характеризует склонность к уступкам, сколько выступает фактором создания атмосферы, благоприятной для достижений компромисса или налаживания сотрудничества.

То же самое относится и к таким пунктам, как 21А и 25Б («Ведя переговоры, я стараюсь быть внимательным к желаниям другого»). Такая интенция может не только сопровождать предпочтение стиля приспособления, но и стать значимым элементом ориентации на сотрудничество и компромисс (предполагающие учет интересов оппонента). Для более корректного отнесения обсуждаемых пунктов к шкале «Приспособление» было бы умест-

нее сформулировать их следующим образом: «Ведя переговоры, я в большей мере стараюсь учесть интересы партнера, чем свои собственные».

Отраженная в пункте 1Б склонность в первую очередь «обращать внимание на то, с чем мы оба согласны» имеет сомнительную связь именно со стилем приспособления (как ориентации на интересы другого). Одновременно указанная формулировка хорошо характеризует стремление к созданию психологической общности сторон, крайне важной в контексте ориентации на сотрудничество и компромисс.

Помимо сказанного выше, следует учитывать, что методика Томаса предполагает в каждом вопросе выбор одного из двух высказываний. Условием корректности такого выбора являются отличимость вариантов друг от друга (не допускающая смыслового смешения) и их явная альтернативность. В ряде мест методики эти правила не соблюдаются в полной мере.

Например, в пункте № 2 респонденту предлагается сделать выбор между высказываниями: «Я стараюсь найти компромиссное решение» (шкала компромисса) и «Я пытаюсь уладить дело с учетом интересов другого и моих собственных» (шкала сотрудничества). Можно увидеть, что эти формулировки имеют очень близкий смысл. То же самое следует отнести и к другой паре высказываний, репрезентирующих эти же шкалы – 26А («Я предлагаю среднюю позицию») и 26Б («Я почти всегда озабочен тем, чтобы удовлетворить желания каждого из нас»), поскольку степень удовлетворения желаний явно не указана и может совпадать с 50/50.

В текущих формулировках также весьма близки высказывания, призванные отразить стиль приспособления (18А – «Если это сделает другого счастливым, я дам ему возможность настоять на своем») и компромисса (18Б – «Я даю возможность другому в чем-то остаться при своем мнении, если он также идет мне навстречу»). Сходство обусловлено тем, что компромисс по своей сути предполагает некоторые уступки, а в пункте 18Б нет четкого указания на пределы «настаивания на своем».

Некоторые сопоставляемые пары высказываний оказываются взаимно предполагающими или взаимно дополняющими друг друга. Так, в пункте № 21 отнесенное к шкале приспособления высказывание А («Ведя переговоры, я стараюсь быть внимательным к желаниям другого») отнюдь не исключает высказывания Б, принадлежащего к шкале сотрудничества («Я всегда склоняюсь к прямому обсуждению проблемы»).

Не является строго альтернативным также выбор между пунктами шкалы сотрудничества (11А – «Первым делом я стараюсь ясно определить то, в чем состоят все затронутые интересы и вопросы») и приспособления (11Б – «Я стараюсь успокоить другого и главным образом сохранить наши отношения»). Для проходящего диагностику человека вполне может быть характерна одновременная ориентация как на прояснение интересов и позиций сторон, так и на психологическую поддержку партнера в целях пролонгирования взаимодействия.

Взаимно дополняющими оказываются и другие пункты, принадлежащие к этой же паре шкал, – соответственно 30Б («Я всегда занимаю такую позицию в спорном вопросе, чтобы мы совместно с другим заинтересованным человеком могли добиться успеха») и 30А («Я стараюсь не задеть чувств другого»). Мы исходим из того, что уважение к переживаниям оппонента – это одна из предпосылок совместного решения проблемы.

В пункте № 15 «сталкиваются» высказывания «Я стараюсь успокоить другого и главным образом сохранить наши отношения» (шкала приспособления) и «Я стараюсь сделать все необходимое, чтобы избежать напряженности» (шкала избегания). Но предотвращение роста напряженности в отношениях неразрывно связано с действиями по снижению уровня напряженности у партнера.

Как это ни парадоксально, но возможны сложности даже при выборе между индикаторами стиля сотрудничества (14А – «Я сообщаю другому свою точку зрения и спрашиваю о его взглядах») и соперничества (14Б – «Я пытаюсь показать другому логику и преимущества моих взглядов»). Трудность здесь обусловлена тем, что присутствующее в первом высказывании изложение своей позиции вполне может сочетаться с аргументацией её справедливости.

Выводы

Обобщая все сказанное, следует отметить противоречивую ситуацию с методикой Томаса. С одной стороны, она имеет несомненные достоинства, связанные с ясностью, лежащей в её основе концепции, небольшим объемом, простотой заполнения, обработки ответов и интерпретации результатов. С другой стороны, можно говорить о наличии в тексте методики достаточно существенных «уязвимостей», способных существенно влиять на валидность получаемых данных.

Во-первых, в ряде формулировок недостаточно четко указан контекст предъявляемых ситуаций. Помимо сложности для понимания, это может вести к несовпадающей трактовке пунктов различными респондентами (и, соответственно, к некорректности обобщения получаемых результатов).

Во-вторых, к числу уязвимостей следует отнести присутствующую в ряде вопросов недостаточную альтернативность высказываний и их смысловое пересечение, способные повлиять на результаты выбора ответов.

В-третьих, это недостаточно четкое соответствие входящих в шкалы пунктов смыслу оцениваемых этими шкалами стилей поведения в конфликте. Смещение пунктов (которые теоретически должны были относиться к разным шкалам) может быть связано с наличием способов реагирования на конфликты, которые не были предусмотрены заложенной в методику моделью. Такие способы по отношению к шкалам методики являются «дополняющими», т. е. могут применяться для описания одновременно нескольких стилей поведения.

Можно выделить несколько направлений работы по преодолению указанных уязвимостей методики Томаса.

Первое направление ориентировано на внесение изменений при сохранении принципов построения и объема исходной методики. Коррективы могут включать переформулировку проблемных пунктов с целью большего соответствия сущности шкал, а также создание более удачных пар высказываний (в том числе путем перестановки прежних или переформулированных пунктов). Например, относящийся к шкале соперничества пункт «Я пытаюсь продемонстрировать партнеру логику и выгоды моей позиции» было бы точнее сформулировать как «Я пытаюсь продемонстрировать партнеру логику и выгоды *только / именно* моей позиции».

Второе направление предполагает внесение более существенных изменений (в силу чего корректнее вести речь уже о разработке нового инструмента, функционально и идеологически сходного с методикой Томаса). Такая работа может, например, включать исключение особенно проблемных пар пунктов с общим сокращением объема методики (это представляется возможным в силу того, что каждый из стилей сочетается с другими по три раза).

Третье направление предполагает максимальный отход от существующего построения методики Томаса и может заключаться в использовании иных ипсативных приемов при сохранении существующей типологии стилей или же при включении в неё дополнительных стилевых параметров.

Ссылки

1. Kilmann R. H., Thomas K. W. Developing a Forced-Choice Measure of Conflict-Handling Behaviour: The «MODE» Instrument // Educational and Psychological Measurement. 1977. Vol. 37, №. 2. P. 309–325.
2. Altmäe S., Türk K., Toomet O.-S. Thomas-Kilmann's Conflict Management Modes and their relationship to Fiedler's Leadership Styles (basing on Estonian organizations) // Baltic Journal of Management. 2013. Vol. 8, № 1. P. 45–65.
3. Gupta S., Bhardwaj S. A study on the relationships between MBTI psychological types and MODE conflict styles // Asian Journal Of Management Research. 2014. Vol. 5, № 1. P. 31–43.
4. Rahim M. A Managing conflict in organizations. Westport. Quorum Books, 2001. 309 p.
5. Синельникова Е. С. Эмоциональный интеллект как фактор взаимодействия в конфликте: кросс-культурный аспект: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2015. 195 с.
6. Кардашина С. В., Шаньгина Н. В. Психометрические характеристики русскоязычной версии Опросника К. Томаса – Р. Килманна («Thomas – Kilmann Conflict Mode Instrument - TKI-R») // Педагогическое образование в России. 2016. № 11. С. 216–228.



Analysis of predictive capabilities of metacognitive strategies in the expression of professional thinking of military personnel

I. O. Smolentsev¹, J. M. Perevozkina², M. I. Fedorishin^{2, 3}

¹Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation

²Novosibirsk State Pedagogical University

³Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I. K. Yakovlev troops of the National Guard of the Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-638-647

Research article
Full text in Russian

The article examines professional thinking in relation to the conditions of military activity. The goal is to identify a model of cadets' metacognitive competence, contributing to the successful formation of professional thinking in the conditions of military activity. The construction of two regression models is carried out by means of multiple stepwise regression analysis with inclusion. In the first model, the variable response was the over-situational style of thinking of servicemen, determined by the questionnaire «Determination of the dominant level of problemat�icity in solving service-professional problem situations.» In the second model of the variable, the response was the type of professional thinking determined on the basis of the case method. Cadets' metacognitive strategies were used as variable predictors. It was possible to establish that both regression models are statistically significant, the level of error probability is less than 0.01% and explain more than 40% of the variability of the variable responses. All metacognitive strategies (six variable predictors) in the first model have a statistically significant relationship with variable responses ($p \leq 0.05$). The predictive influence on the dominance of a certain type of professional thinking among cadets has the character of structural interaction. Metacognitive strategies such as information acquisition, concentration, time management and the level of reflection are facilitators for the formation of a supra-situational level of cadets' professional thinking. Whereas metacognitive knowledge and metacognitive activity act as inhibitors.

Keywords: professional thinking; metacognitive strategies; over-situational thinking; structure; interdetermination; military personnel; cadets

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Smolentsev, I. O. | E-mail: smolencev.smolencev@yandex.ru

Perevozkina, J. M. | E-mail: per@bk.ru

Fedorishin, M. I. | E-mail: maskarad14@mail.ru



Анализ предсказательных возможностей метакогнитивных стратегий в выраженности профессионального мышления военнослужащих

И. О. Смоленцев¹, Ю. М. Перевозкина², М. И. Федоришин^{2,3}

¹Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации

²Новосибирский государственный педагогический университет

³Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерал армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

DOI: 10.18255/1996-5648-2021-4-638-647

УДК 159.09

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье рассматривается профессиональное мышление применительно к условиям военной деятельности. Цель – выявление модели метакогнитивной компетентности курсантов, способствующей успешному становлению профессионального мышления в условиях воинской деятельности. Осуществлено построение двух регрессионных моделей посредством множественного пошагового регрессионного анализа с включением. В первой модели переменной откликом выступил надситуативный стиль мышления военнослужащих, определяемый по опроснику «Определение доминирующего уровня проблемности при решении служебно-профессиональных проблемных ситуаций». Во второй модели переменной откликом выступил тип профессионального мышления, определяемый на основе кейс-метода. В качестве переменных предикторов выступили метакогнитивные стратегии курсантов. Удалось установить, что обе регрессионные модели являются статистически значимыми, уровень вероятности ошибки менее 0,01 % и объясняют более 40 % изменчивости переменных откликов. Все метакогнитивные стратегии (шесть переменных предикторов) в первой модели имеют статистически значимую связь с переменными откликами ($p \leq 0,05$). Прогностическое воздействие на доминирование у курсантов определенного типа профессионального мышления носит характер структурного взаимодействия. Такие метакогнитивные стратегии, как приобретение информации, концентрация, управление временем и уровень рефлексии, являются фасилитаторами для формирования надситуативного уровня профессионального мышления курсантов. Тогда как метакогнитивные знания и метакогнитивная активность выступают ингибиторами.

Ключевые слова: профессиональное мышление; метакогнитивные стратегии; надситуативное мышление; структурность; взаимодейдетерминация; военнослужащие; курсанты

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоленцев, И. О., | E-mail: smolencev.smolencev@yandex.ru

Перевозкина, Ю. М. | E-mail: per@bk.ru

Федоришин, М. И. | E-mail: maskarad14@mail.ru

© Смоленцев И. О., Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И., 2021

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Постановка проблемы исследования

Сложные решения лежат в основе профессии военного. Более того, военные операции требуют ответов, которые имеют далеко идущие (иногда даже смертельные) последствия для самих военнослужащих и других вовлеченных сторон. Действительно, военнослужащие Росгвардии регулярно сталкиваются с решением служебно-боевых задач, связанных как с военно-профессиональной деятельностью, так и с взаимодействием с местным населением. Значимость метакогнитивных процессов для военнослужащих обусловлена быстрым технологическим развитием вооружения, приводящим к потенциально более серьезным последствиям действий ответственного лица и изменениям в его полномочиях по принятию решений. Это предполагает больше возможностей для собственной оценки ситуации и, следовательно, требует компетенций более высокого уровня.

В статье представлена разработка модели метакогнитивной компетентности, которая поможет концептуализировать спектр метакогнитивных способностей военнослужащих и прогнозировать возможность становления профессионального мышления, основанную на фактических данных. Такая модель может использоваться не только для принятия решений при выполнении служебно-боевых задач военнослужащими, но и для содействия общему пониманию недостатков и пробелов в метакогнитивизме в военной психологии. Предлагается использовать такую модель в качестве основы для обучения, идентификации, планирования оценки и дизайна обучения курсантов.

В военной психологии представлены работы, которые направлены на изучение факторов, влияющих на метакогнитивные стратегии. Так, I. Coffman с соавторами [1] показали, что посттравматическое стрессовое расстройство, депрессия и нарушение сна, которые относительно часто возникают среди военнослужащих, отрицательно коррелируют с количественными показателями метакогнитивной эффективности. Обучение, направленное на использование метакогнитивных стратегий военнослужащими, получившими черепно-мозговую травму, показало, что ежедневное использование метакогнитивной стратегии целеполагания позволяет им инициировать ряд других когнитивных стратегий в обеспечении повседневной жизни.

Опубликованы работы в которых демонстрируется наличие связи между командирскими навыками и метакогнитивными процессами воинского коллектива. Для выполнения общей миссии военнослужащие должны полагаться на общее понимание ситуации [2]. В процессе взаимодействия командира и личного состава необходим один и тот же интерпретирующий контекст. Именно общие ментальные модели могут представлять такой контекст. K. Kraiger & L. H. Wenzel определили общие ментальные модели как «общие знания о команде и ее целях, а также общую информацию о командных ролях, моделях поведения и моделях взаимодействия» [3, с. 65].

Ментальные модели содержат информацию, связанную с постановкой задач, задействованными процедурами и стратегиями, проблемами, с которыми может иметь дело военнослужащий [4]. В исследовании J. Breslau с соавторами [5] представлены данные о связи метакогнитивных стратегий со сплоченностью военного коллектива. Данные, обсуждаемые L. Anderson с коллегами [6], показали, что сплоченность команды положительно связана с метакогнитивными ресурсами. Так, снижение социальной поддержки и уменьшение сплоченности между членами команды способствует уменьшению метакогнитивных ресурсов. Эти исследования базируются на широко известной теории сохранения ресурсов [7], которая описывает динамическую связь между стрессом и ресурсами.

В ряде работ по военной психологии было показано, что убеждения в самоэффективности повышают мотивацию и настойчивость для решения задач и проблем, ведущих к более высокому уровню эффективности военнослужащих. В работе D. C. Chu с коллегами [8] продемонстрировано, что курсанты мужского пола по сравнению с представительницами женского пола отличались большей самоэффективностью, самокоррекцией и самооценкой. Исследователи установили, что курсанты мужского пола более решительны и эффективны в решении профессиональных задач, связанных с операциями ареста и применения полицейского оружия, в сравнении с их коллегами-женщинами. Более того, курсанты-мужчины достоверно более уверены в своих физических и умственных способностях для службы в полиции.

Метакогнитивные познания и переживания часто используются обучающимися в качестве эвристических сигналов, которые формируют основу их суждений об обучении [9]. Например, курсанты могут принять решение, основываясь на скорости, с которой этот план пришел в голову. Однако такое мышление не обязательно означает, что ответ курсанта правильный. Скорее, основанные на понимании сигналы, сформированные причинным рассуждением, в большей степени предсказывают правильные ответы. В исследовании P. Moonyoung [10] представлены критерии оценки проявления метакогнитивных стратегий при решении военно-профессиональных задач.

Анализируемые работы наглядно демонстрируют значимость метакогнитивных стратегий в становлении профессионального мышления военнослужащих, которое рассматривается как один из видов мышления, приобретающий ряд специфических черт, обусловленных особенностями военно-профессиональной деятельности. Основываясь на системном подходе, М. М. Кашапов [11] приходит к выводу, что психологическое содержание профессионального мышления заключается в структурно-уровневой самоорганизации процесса поиска, выявления и решения проблемности; актуализации профессионально ориентированных компонентов мышления, обеспечивающих реализацию профессиональной активности в соот-

ветствии с содержанием и требованиями процесса профессиональной деятельности. Автор определяет профессиональное мышление как форму высшего познавательного процесса поиска, обнаружения и разрешения проблемности посредством выявления внешне не заданных, имплицитных свойств познаваемой и преобразуемой действительности. Следовательно, в обобщенном виде профессиональное мышление курсантов является видом мышления, позволяющим военнослужащему познавать сущность служебно-боевой задачи (проблемы); целенаправленно организовывать свои военно-профессиональные действия; самосовершенствовать свои интеллектуальные и личностные качества.

Таким образом, актуальным является выявление модели метакогнитивной компетентности курсантов, способствующей успешному становлению профессионального мышления в условиях воинской деятельности, что и явилось целью исследования.

Методология и методы исследования

Для реализации цели исследования использовался эмпирический план, предполагающий несколько этапов. На первом этапе были разработаны 10 кейсов-задач. За каждую решенную задачу курсантам присваивался балл по следующей шкале: 1 балл – решение остается в рамках заданной ситуации (ситуативный тип), 3 балла – решение выходит за рамки заданной ситуации (надситуативный тип) и 2 балла решение является смешанным (смешанный тип). По итогам решения 10 кейсов курсанту присваивается общий балл простым суммированием, который демонстрирует уровень профессионального мышления: 10–19 баллов – ситуативный тип профессионального мышления; 20–24 балла – смешанный тип профессионального мышления; 25–30 баллов – надситуативный тип профессионального мышления.

На втором этапе каждый курсант заполнил три методики: «Методику самооценки метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности» Ю. В. Скворцовой, М. М. Кашапова, «Методику диагностики уровня развития рефлексивности» А. В. Карпова и В. В. Пономоревой для установления особенностей выраженности метакогнитивных стратегий курсантов в ходе выполнения мероприятий военно-профессиональной деятельности и «Определение доминирующего уровня проблемности при решении служебно-профессиональных проблемных ситуаций» М. М. Кашапова, Ю. Н. Дубровина.

На третьем этапе осуществлялось построение регрессионных моделей метакогнитивной компетентности курсантов, способствующей успешному становлению профессионального мышления. В первой модели переменной откликом выступил надситуативный стиль мышления военнослужащих, во второй модели – тип профессионального мышления, определяемый на основе кейс-метода. В качестве переменных предикторов

выступили метакогнитивные стратегии курсантов. Математическим критерием для построения регрессионных моделей явился множественный пошаговый регрессионный анализ с включением [12].

Исследование проводилось на базе федеральной государственной казенной военной образовательной организации высшего образования «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации». Выборку исследования составили 108 курсантов в возрасте от 21 до 25 лет, обучающиеся на пятом курсе.

Результаты исследования и их анализ

По результатам исследования удалось установить, что обе регрессионные модели являются статистически значимыми, уровень вероятности ошибки менее 0,01 % (табл. 1).

Таблица 1

Итоговые статистики в регрессионных моделях

Итоговые статистики	ЗП: надситуативный уровень профессионального мышления	ЗП: тип профессионального мышления
Множест. R	0,409	0,398
Множест. R2	0,367	0,358
F(5,194)	6,453	6,041
p	0,000	0,000
Стд. ош. оценки	1,844	2,484

Более того, все метакогнитивные стратегии имеют статистически значимую связь с переменными откликами, которыми выступили надситуативный уровень профессионального мышления и тип профессионального мышления. Взаимосвязь в обеих моделях превышает 0,4, и метакогнитивные стратегии объясняют вместе изменчивость надситуативного уровня профессионального мышления и типа профессионального мышления более чем на 40 %.

Анализируя итоги регрессии для зависимой переменной – надситуативный уровень профессионального мышления, отметим, что наибольший положительный вклад в изменчивость надситуативного уровня профессионального мышления вносит приобретение информации (0,59) и концентрация (0,32), наименьший положительный вклад вносит управление временем (0,18) и уровень рефлексии (0,15) (табл. 2).

В то же время наибольший отрицательный вклад вносят метакогнитивные знания (-0,54) и метакогнитивная активность (-0,21). Окончательная регрессионная модель выглядит следующим образом:

$$НУПМ = 10,78 + 0,55ПИ - 0,36МЗ + 0,45К + 0,38УВ + 0,18УРР - 0,18МА.$$

Итоги регрессии для зависимой переменной «надситуативный уровень профессионального мышления»

Предикторы	БЕТА	Ст. ош. – БЕТА	В	Ст. ош. – В	t(193)	p
Свободный член			10,78	1,04	10,37	0,000
Приобретение информации	0,59	0,14	0,55	0,13	4,31	0,000
Метакогнитивные знания	-0,54	0,14	-0,36	0,09	-3,96	0,000
Концентрация	0,32	0,10	0,45	0,14	3,18	0,002
Управление временем	0,18	0,07	0,30	0,12	2,49	0,013
Уровень развития рефлексии	0,15	0,07	0,18	0,08	2,17	0,031
Метакогнитивная активность	-0,21	0,10	-0,18	0,09	-2,07	0,040

Полученная формула демонстрирует, что при высокой развитости таких метакогнитивных стратегий, как приобретение информации и концентрация, курсанты способны выйти за пределы заданной военно-профессиональной ситуации. При этом они осуществляют постановку познавательных задач, касающихся процесса преобразования данной ситуации, ориентируясь на смыслообразующее направление и содержание служебно-боевой деятельности. Необходимо отметить, что именно способность управлять собственным вниманием, концентрироваться на выполнении служебно-боевых задач и приобретение военно-профессиональных знаний, а также их сохранение в большей степени способствует развитию у курсантов надситуативного уровня профессионального мышления. Вместе с тем высокая представленность в структуре личности метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности, способствующих оценке своих знаний и управлению своим интеллектуальным поведением, свидетельствует о фиксации курсантов на ситуативном уровне решения заданной ситуации. Подобные результаты обнаружены ранее одним из авторов настоящей работы и заключаются в том, что высокая представленность в структуре личности курсантов саморегуляции оказывает отрицательное влияние на формирование метакогнитивных стратегий [13].

Внимательное рассмотрение итогов множественной регрессии демонстрирует подобный результат (табл. 3). Так, наибольший положительный вклад в становление типа профессионального мышления у курсантов по-прежнему вносят приобретение информации (0,42) и концентрация (0,2), к которым добавляется выбор главных идей (0,34). Уровень развития реф-

лекции в обеих моделях имеет незначительный, но все же положительный вклад (0,13).

Таблица 3

Итоги регрессии для зависимой переменной «тип профессионального мышления»

Предикторы	БЕТА	Ст. ош. –БЕТА	В	Ст. ош. – В	t(193)	P
Свободный член			22,61	1,45	15,59	0,000
Приобретение информации	0,42	0,13	0,53	0,17	3,16	0,002
Метакогнитивные знания	-0,46	0,15	-0,42	0,13	-3,17	0,002
Выбор главных идей	0,34	0,12	0,44	0,15	2,96	0,003
Уровень развития рефлексии	0,13	0,07	0,21	0,11	1,90	0,051
Концентрация	0,20	0,10	0,38	0,19	1,96	0,052
Метакогнитивная активность	-0,17	0,11	-0,20	0,13	-1,54	0,125

Наибольший отрицательный вклад вносит метакогнитивные знания (-0,46), тогда как метакогнитивная активность имеет статистически не значимый отрицательный вклад и не может рассматриваться в анализируемой модели. Следовательно, окончательная регрессионная модель выглядит следующим образом:

$$ТПМ = 22,61 + 0,53ПИ - 0,42МЗ + 0,44ВГИ + 0,38К + 0,21УРР.$$

Способность управлять собственным вниманием, концентрация на выполнении служебно-боевых задач и определение информации, являющейся важной, а не второстепенной для дальнейшего изучения сложившейся ситуации, в большей степени способствует развитию у курсантов надситуативного уровня профессионального мышления. Это характеризует их как способных к поиску, обнаружению и разрешению проблемности в военно-профессиональной деятельности посредством выявления внешне не заданных, имплицитных свойств познаваемой и преобразуемой действительности. С другой стороны, высокая представленность в структуре личности метакогнитивных знаний, связанных со знанием своих индивидуальных когнитивных способностей и их оценкой свидетельствует о фиксации курсантов на ситуативном уровне решения задач. При развитии таких метакогнитивных стратегий, как приобретение информации и выбор главных идей в ходе поиска решения проблемной служебно-боевой задачи, открываются новые, ранее неизвестные военнослужащему, способы решения, что свидетельствует о надситуативном уровне профес-

сионального мышления курсантов. В случае выраженности метакогнитивных знаний и метакогнитивной активности в процессе решения проблемной ситуации, военнослужащие будут в основном реконструировать ранее изученные способы выполнения поставленных задач, что, в свою очередь, связано с ситуативным уровнем профессионального мышления.

Выводы

1. Разработка модели метакогнитивной компетентности в становлении профессионального мышления курсантов продемонстрировала существование структурной детерминации профессионального мышления курсантов метакогнитивными качествами личности. Это означает, что метакогнитивные стратегии, организуясь в структурные образования, обуславливают совместную изменчивость типа профессионального мышления. Следовательно, в исследовательском плане открываются возможности, способствующие выходу за пределы анализа отдельной детерминации метакогнитивных стратегий выраженности профессионального мышления военнослужащих.

2. Принципиальным в плане решения исследовательских задач выступает то, как именно сорганизованы друг с другом метакогнитивные стратегии в структуре личности курсантов. Главным средством осуществления и регуляции профессионального мышления выступают такие метакогнитивные стратегии, как приобретение информации, выбор главных идей и концентрация. Эти стратегии, в свою очередь, являются интегративными механизмами, порождающими синергетические эффекты. С другой стороны, такие стратегии, как метакогнитивные знания и метакогнитивная активность, вносят дезинтегрирующее влияние на становление надситуативного уровня профессионального мышления военнослужащего.

3. Концентрация внимания, управление временем и уровень рефлексии являются фасилитаторами для формирования надситуативного уровня профессионального мышления курсантов. Тогда как метакогнитивные знания и метакогнитивная активность выступают ингибиторами.

Представленные выводы вносят существенный вклад в метакогнитивную регуляцию профессионального мышления курсантов, а также являются методологической базой для изучения метакогнитивных процессов военно-профессиональной деятельности субъекта.

Ссылки

1. Computerized cognitive testing norms in active-duty military personnel: Potential for contamination by psychologically unhealthy individuals / I. Coffman [et al.] // *Applied Neuropsychology: Adult*, 2018. № 25 (6). P. 497–503.

2. Cohen S. G. and Mankin D. Collaboration in virtual organizations // *Trends in organizational behavior* / Edited by: C. L. Cooper and D. M. Rousseau. 1999. N 6. P. 105–120.

3. Kraiger K., & Wenzel L. H. Conceptual Development and Empirical Evaluation of Measures of Shared Mental Models as Indicators of Team Effectiveness // *Team Performance Assessment and Measurement* Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. P. 63–84.
4. The influence of shared mental models on team process and performance / J. E. Mathieu [et. al.] // *Journal of Applied Psychology*. 2000. N 85 (2). P. 273–283.
5. Breslau J., Setodji M. J., Vaughan C. A. Is cohesion within military units associated with post-deployment behavioral and mental health outcomes? // *Journal of Affective Disorders*. 2016. N 198. P. 102–107.
6. Prospective associations of perceived unit cohesion with postdeployment mental health outcomes / L. Anderson, L. Campbell-Sills, R. J. Ursano [et al.] // *Depression and Anxiety*. 2019. N 36 (6). P. 511–521.
7. Conservation of resources in the organizational context: The reality of resources and their consequences / S. E. Hobfoll [et al.] // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2018. N 5 (1). P. 103–128.
8. Chu D. C., Cretacci M. A. Comparison of Chinese male and female police cadets' perceived occupational self-efficacy // *Policing and Society*. 2020. N 30 (9). P. 1013–1026.
9. Zohar A., Barzilai S. A review of research on metacognition in science education: current and future directions // *Stud Sci Educ*. 2013. N 49 (2). P. 121–169.
10. Moonyoung P. Investigating Target Tasks, Task Phases, and Indigenous Criteria for Military Aviation English Assessment // *Language Assessment Quarterly*. 2020. N 17 (4). P. 337–361.
11. Кашапов М. М. Рефлексивные закономерности и механизмы творческого педагогического мышления // *Ярославский психологический вестник*. М.; Ярославль: Российское психологическое общество, 2004. Вып. 12. С. 52–59.
12. Перевозкина Ю. М., Перевозкин С. Б. Основы математической статистики в психолого-педагогических исследованиях. Новосибирск: НГПУ, 2014. Ч. 2. 242 с.
13. Федоришин М. И. Взаимосвязь саморегуляции и индивидуализации в процессе обучения у курсантов ВООВО // *Ярославский психологический вестник*. М.; Ярославль: Российское психологическое общество, 2018. Вып. 2. С. 86–90.

